ЯПОНИЯ

ЕЖЕГОДНИК

1999
2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А. И. КРАВЦЕВИЧ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
В. Н. ЕРЕМИН, А. А. ИСКЕНДЕРОВ, И. П. ЛЕБЕДЕВА,
М. Г. НОСОВ, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, В. О. ПЕРФИЛЬЕВ,
В. Б. РАМЗЕС, В. И. САПЛИН, К. О. САРКИСОВ,
А. И. СЕНАТОРОВ, К. Е. ЧЕРЕВКО

Я 70 Япония 1999–2000. Ежегодник. – М.: Издательство "МАКС–Пресс", 2000. – 272 с.

В очередном выпуске ежегодника освещается широкий круг проблем современной жизни Японии, поднимаются вопросы, связанные с ее историей. Большое внимание уделяется внутренней и внешней политике, экономике и управлению. Помещены статьи, исследующие социальные проблемы, традиции, и культуру Японии, а также материал, освещающий деятельность Японского фонда за рубежом.

С 1994 г. издание осуществляется при поддержке Японского фонда

Я 0805000000 –023 (без объявл.–00)
001(01) – 00

ISBN 5–317–00011–4

© Ассоциация японоведов, 2000

ЯПОНИЯ

1999–2000

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2000

К стабильному правлению через коалиционную политику

И.А. Цветова

С июля 1998 г. по апрель 2000 г. в Японии функционировало правительство во главе с председателем Либерально-демократической партии (ЛДП) Кэйдзо Обути, первоначально сформированное как однопартийное, а в январе 1999 г. реорганизованное в правительство коалиции ЛДП с Либеральной партией (ЛП), в которое в октябре того же года вошла еще одна партия – Комэйто (Партия чистой политики). Его работа продолжалась 20 месяцев, пока не была прервана внезапной тяжелой болезнью премьер-министра К. Обути.

Чтобы уяснить особенности политической обстановки, в которой произошло возникновение этого правительства, и стоявших перед ним задач, кратко рассмотрим круг проблем, находившихся в поле зрения предыдущего кабинета министров, который 2,5 года возглавлял либерал-демократ Рютаро Хасимото.

Недоверие к экономической политике кабинета Р. Хасимото

На пост премьер-министра Р. Хасимото пришел в январе 1996 г., сменив социал-демократа Томиити Мураяма. В его первом кабинете принимали участие представители Социал-демократической партии (СДП) и Новой партии – Сакигакэ. В том же году ЛДП весьма успешно выступила на выборах в палату представителей японского парламента, вплотную приблизившись к своей заветной цели восстановления утраченного в 1993 г. парламентского большинства. СДП и Сакигакэ, напротив, потерпели большое поражение, что послужило основанием для Р. Хасимото в ноябре 1996 г. сформировать правительство на этот раз без участия в нем значительно ос-

лабленных партнеров, но при их внеправительственной поддержке. Год спустя, благодаря возвращению в ЛДП ряда ее прежних политиков и успеху при завоевании появившихся вакансий, либерал-демократы вернули себе твердое большинство в палате представителей. На волне этого успеха Р. Хасимото добился беспрецедентной поддержки на выборах на пост председателя ЛДП. Изменился и характер отношений с союзниками – политические консультации стали вестись вяло и неплодотворно. Осознав бессмысленность участия в исключительно формальной коалиции, в июне 1998 г. СДП и Сакигакэ вышли из нее.

Следует отметить, что деятельность кабинетов Р. Хасимото, отличалась высокой активностью, особенно в сфере экономики и внешней политики. Р. Хасимото выступил как сторонник глубоких системных преобразований, провозгласив курс «шести больших реформ»: административной, бюджетной, финансовой, экономической структуры, системы социального обеспечения, образования. По его инициативе была пересмотрена и значительно расширена принятая предшествующим правительством программа административной реформы – речь шла прежде всего о масштабах и сроках дерегулирования. Новым элементом программы стала крупная реорганизация кабинета министров, предусматривающая сокращение вдвое числа министерств и управлений, а также других изменений, осуществление которых было намечено к 2001 г.

Одновременно кабинет Р. Хасимото занимался решением неотложных проблем, связанных с необходимостью остановить угрожающий рост дефицита государственного бюджета и в то же время создать условия для выхода экономики из состояния длительного застоя, восстановить расстроенную банковскую систему и т.д. Правительство принимало много решений (иногда взаимоисключающих): о повышении потребительского налога, т. е. налога на розничные продажи, с 3 до 5 %; об экстренных антикризисных мерах, включая снижение ряда налогов; о дополнительном бюджете на финансирование общественных предприятий; о скупке долговых обязательств у оказавшихся несостоятельными кредитных учреждений и т.д.

Однако одновременный прорыв как в глубоком структурном реформировании, так и в разрешении насущных экономических проблем, оказался нереальным. Наиболее показателен в этом смысле вынужденный пересмотр ряда важных положений принятого в ноябре 1997 г. Закона о реформе государственных финансов. Весной 1998 г. правительству пришлось отказаться от предусмотренного законом ограничения выпуска государственных займов, отодвинув тем самым намеченный срок финансового оздоровления страны на несколько лет.

Антикризисные меры не оправдали ожиданий правительства. Экономические трудности усугубились последствиями финансового кризиса в стра-

нах Восточной Азии. Вскрылась несостоятельность ряда занимавших важное место в экономике Японии банков, волна банкротств прокатилась даже по крупным промышленным предприятиям. В итоге кабинет Р. Хасимото так и не смог предложить эффективную программу выхода из создавшегося тупика.

Влиятельная японская газета «Нихон кэйдзай», анализируя результаты деятельности кабинета Хасимото, подчеркивала, что «в главном, в экономической политике», имело место «тотальное поражение, особенно заметное на его заключительной стадии». «В условиях, когда японская экономика оказалась в наихудшем за все послевоенное время кризисном состоянии, – писала газета, – премьер-министр до самого конца цеплялся за курс на реформу структуры государственных финансов, продолжал занимать неопределенную позицию». Роковой для правительства Хасимото стала практика «бросаемых на полпути политических решений»[1].

Таким образом, энергичная по своему характеру деятельность кабинета Р. Хасимото на практике обернулась крупным провалом в области экономической политики.

Вместе с тем следует отметить, что во время правления кабинета Р. Хасимото произошли существенные подвижки в области внешней политики Японии, последствия которых адекватно оценить возможно будет лишь спустя определенное время.

Возвращение либерал-демократов к власти было использовано в первую очередь для укрепления японо-американских союзнических отношений. Добиваясь от США некоторого сокращения территорий, используемых под американские военные базы на Окинаве, японское правительство еще раз подтвердило полную лояльность своему союзнику. В апреле 1996 г. премьер-министр Японии Р. Хасимото и президент США Б. Клинтон подписали в Токио Декларацию о союзе в области обеспечения безопасности в XXI в., в которой было дано фактически новое, расширенное, толкование японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности 1960 г. Япония высоко оценила присутствие американских войск в Азиатско-тихоокеанском регионе и, помимо прежнего сотрудничества с США в обороне собственной территории, взяла на себя равную с ними ответственность за мир и безопасность в регионе, включая участие в миротворческих операциях.

Логическим продолжением подписания Декларации о японо-американском союзе стал пересмотр Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в вопросах обороны, действовавших с 1978 г. Принятые в сентябре 1997 г. по согласованию между Японией и США, они должны были

[1] Нихон кэйдзай симбун. 29.07.1998.

обеспечить расширение функций сил самообороны за пределы японской территории, на весь Азиатско-тихоокеанский регион.

Однако для практического применения Руководящих принципов требовалось принятие соответствующей законодательной базы. Вопреки опасениям японской общественности, что расширение военного сотрудничества с США войдет в противоречие с мирными принципами конституции Японии, кабинет Р. Хасимото завершил в апреле 1998 г. подготовку трех документов: законопроекта о сотрудничестве в окружающих Японию районах, которое касалось тыловой поддержки американских войск и других их действий, дополнений к Закону о силах самообороны (использование военных кораблей для спасения соотечественников), поправок к Японо-американскому соглашению о взаимном предоставлении материалов и услуг (ACSA).

Подтвердив приверженность японо-американской системе безопасности, Р. Хасимото в то же время призвал (в июле 1997 г.) к активному развертыванию «евразийской дипломатии», включая улучшение отношений с Россией на принципах доверия, взаимных интересов и долгосрочной перспективы, а также расширение всестороннего сотрудничества с Китаем, укрепление двусторонних отношений со странами региона «шелкового пути».

На российском направлении «евразийская дипломатия» Р. Хасимото была конкретизирована на его встрече с Президентом РФ Б.Н. Ельциным в Красноярске (ноябрь 1997 г.), где была разработана программа сотрудничества двух стран до 2000 г. (план Ельцин – Хасимото) и достигнуто согласие «заключить мирный договор к 2000 г. на основе Токийской декларации». На второй встрече «без галстуков» руководителей России и Японии (Кавана, апрель 1998 г.) Б.Н. Ельцин и Р. Хасимото выразили «твердую решимость реально продвигаться в сторону выполнения Красноярской договоренности».

Таким образом, к лету 1998 г., когда в Японии должны были состояться выборы в палату советников (половина состава палаты подлежит переизбранию каждые три года), кабинет Р. Хасимото располагал весьма прочными позициями в парламенте, в его пользу работали поворот в сторону проведения структурных реформ, активная внешнеполитическая деятельность, внесение в нее некоторых новых нетрадиционных элементов. Однако в главном – решении неотложных экономических проблем, определяющем отношение избирателей к правящей партии, – продвижения не было. Напротив, продолжающийся застой в экономике и расстройство финансовой системы, отсутствие у правительства четкого плана действий по скорейшему выводу Японии из создавшегося тупика создавали крайне неблагоприятную обстановку для ЛДП.

Оппозиционные партии резко критиковали провал экономической политики правительства. За месяц до выборов в палату советников по совместной инициативе Демократической, Либеральной и Коммунистической партий в палате представителей был вынесен на голосование проект резолюции о недоверии кабинету Р. Хасимото, который поддержали 207 депутатов. Правительству удалось удержаться лишь благодаря большинству ЛДП в этой палате, резолюция была отклонена 273 голосами. Согласно опросу, проведенному «Асахи симбун», рейтинг кабинета Р. Хасимото и ЛДП резко снизился до 26% и 23% соответственно[2].

Выборы в палату советников, состоявшиеся 12 июля 1998 г., ознаменовались крупным поражением правящей партии. Впечатляющими были результаты выборов по пропорциональной системе, где избиратели голосовали за партии. Лишь четверть голосовавших отдала предпочтение либерал-демократам, остальные сделали выбор в пользу оппозиционных партий (Демократическая – получила 21,7 % голосов, Коммунистическая – 14,6 %, Комэй – 13,8 %, СДП – 7,8 %). В то же время на выборах по префектуральным округам ЛДП сохранила большое преимущество перед оппозицией, сумев провести в палату 31 депутата (Демократическая партия – 15, КПЯ – 7, прочие – по 1-2, независимые – 19)[3].

В результате численность депутатского корпуса ЛДП в палате советников, которая и прежде не обеспечивала правящей партии желаемого большинства, составила 103, сократившись на 16 мест. До простого большинства в палате либерал-демократам недоставало 24 мандатов. Изменение расстановки партийных сил в одной из палат парламента не в пользу ЛДП, безусловно, грозило новыми трудностями в практическом осуществлении ее политики.

Моральные последствия выборов имели не меньшее значение. Японские средства массовой информации настойчиво пропагандировали тезис о том, что партия, которой 3/4 голосовавших выразили недоверие, должна отказаться от претензий на продолжение монопольного правления. Премьер-министру Р. Хасимото не оставалось ничего, как, признав личную ответственность за поражение ЛДП на выборах, заявить о решении уйти с постов председателя партии и премьер-министра.

Приход к власти кабинета К. Обути

Отставка правительства не означала, что либерал-демократы собирались отказаться от единоличной власти, восстановленной с большим трудом.

[2] Асахи симбун. 23.06.1998.
[3] Асахи симбун. 14.07.1998.

Тем более, что определенный успех на выборах Демократической партии, самой крупной после ЛДП, отнюдь не способствовал сплочению оппозиции.

Новым лидером ЛДП стал Кэйдзо Обути (61 год) – потомственный политик, избиравшийся в парламент 12 раз и в прежнем кабинете занимавший пост министра иностранных дел. К. Обути возглавлял крупнейшую в ЛДП фракцию парламентариев, от которой в свое время на пост председателя партии избирался Р. Хасимото.

30 июля 1998 г. К. Обути, получив поддержку большинства палаты представителей (268 голосов), был избран премьер-министром. В день избрания он сразу же объявил состав сформированного им кабинета. Несмотря на звучавшие в ЛДП требования «смены поколений», заметного омоложения правительства не произошло. Подбор министров в основном производился по рекомендациям фракций, а не по учету профессионального опыта и знаний.

Первоочередной задачей кабинета К. Обути было восстановление резко пошатнувшегося доверия к правительственной экономической политике. В программной речи премьер-министра при открытии чрезвычайной сессии парламента новое правительство было названо «кабинетом экономического возрождения»[4]. К. Обути обещал привлечь к преодолению кризисного состояния «народные интеллектуальные силы», учредив находящийся в его непосредственном подчинении Совет экономической стратегии в составе специалистов из гражданских лиц, а также внимательно прислушиваться к «голосу народа, прежде всего трудящихся, мелких и средних предпринимателей». На первое место среди конкретных задач правительства премьер-министр поставил решение проблемы несостоятельных долгов финансовых учреждений в соответствии с опубликованным прежним кабинетом накануне выборов в палату советников «Всеобщим планом финансового возрождения». Было взято обязательство, с одной стороны, обеспечить «полную защиту» интересов вкладчиков, а с другой – не допустить того, чтобы «частичные банковские банкротства» вызвали кризис всей финансовой системы, активизировать привлечение «общественного капитала» для спасения последней. В этой же связи К. Обути заявил о намерении «заморозить» действие принятого при кабинете Р. Хасимото Закона о реформе структуры финансов.

Вместе с тем значительная часть программной речи К. Обути была посвящена структурным реформам. Он заявил о желании продвигать все намеченные ранее реформы, «опираясь на принципы и идеалы, определенные кабинетом Хасимото». Это не удивительно, поскольку в процессе выборов К. Обути председателем ЛДП и формирования его правительства именно

[4] Здесь и далее программная речь К. Обути цитируется по: Асахи симбун. 08.08.1998.

на таком подходе настаивали предпринимательские организации и такие же пожелания исходили от официальных лиц в США.

Во внешней политике кабинет К. Обути, как и прежнее правительство, «осью государственной дипломатии» объявил японо-американские отношения, подчеркнул важность широких и прочных двусторонних связей в обеспечении безопасности, в экономике и других сферах, а также сотрудничества по всем проблемам международного сообщества. В частности, была определена экстренная задача добиться одобрения парламентом законопроектов, касающихся новых Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны.

К. Обути высказался также за оздоровление японо-российских отношений: «Опираясь на успех, достигнутый премьер-министром Р. Хасимото, укрепляя отношения в различных областях, я приложу все силы к тому, чтобы в 2000 г. заключить мирный договор на основе Токийской декларации, полностью нормализовать японо-российские отношения». Премьер-министр заявил о планах в 1999 г. посетить Москву для встречи с Б.Н. Ельциным.

Касаясь проблемы преодоления финансового кризиса, который охватил ряд стран АТР, К. Обути в качестве важной задачи японской дипломатии выделил «руководящую роль» Японии и ее намерение оказать посильную помощь странам Азии в восстановлении экономики, осуществляя основную деятельность в этом направлении в рамках международных организаций, прежде всего в МВФ.

Среди других проблем в АТР премьер-министр назвал необходимость «еще большего развития диалога и обмена между Японией и Китаем, не ограничиваясь просто двусторонними отношениями, но и обращаясь к проблемам международного сообщества».

На ближайшее время было намечено установить «новые партнерские отношения Японии с Республикой Корея, в том числе выражая солидарность с ней в «исправлении ненормальных японо-корейских отношений путем вклада в мир и стабильность на Корейском полуострове».

К. Обути завершил свое программное выступление в парламенте призывом к достижению главной цели японского народа в XXI в. – сделать Японию «богатой и добродетельной страной, не только экономически процветающей, но и заслуживающей доверие международного сообщества».

Таким образом, из речи К. Обути следовало, что его кабинет решил сосредоточить свои усилия на решении экономических проблем, унаследованных от предыдущего правительства, внеся лишь некоторые коррективы. В еще большей степени желание сохранить преемственность проявилось в обрисованных К. Обути контурах внешней политики Японии.

Первые шаги нового правительства ЛДП

Реализуя свои обещания, направленные на оздоровление экономики, К. Обути начал свою деятельность с учреждения Совета экономической стратегии, в состав которого вошли четыре крупных предпринимателя и пять профессоров авторитетных столичных университетов. Председателем совета был назначен президент компании «Асахи биру» К. Хигути.

В то же время, не дожидаясь рекомендаций нового консультативного органа, правительство немедленно приступило к осуществлению мероприятий, уже намеченных кабинетом Р. Хасимото, внося в них необходимые поправки.

В правительстве, естественно, понимали, что на фоне выборного конфуза правящей партии будет крайне трудно заручиться законодательной поддержкой предложенной антикризисной политики и мер по восстановлению расстроенного финансового механизма. «Ахиллесова пята» нового кабинета – отсутствие большинства либерал-демократов в палате советников – вынудила генерального секретаря кабинета министров Х. Нонака говорить о желательности политических консультаций и даже «солидарности» и с прежними партнерами по правящей коалиции, и с Демократической партией, где «имеются друзья», и с Либеральной партией[5].

Действительно, начало деятельности кабинета К. Обути в сфере экономики характеризовалось стремлением не вступать в бессмысленные конфликты с оппозицией и в определенной мере учитывать ее мнение. Такой вынужденный характер отношений правительства и правящей партии с оппозицией проявился, в частности, на чрезвычайной, так называемой финансовой сессии парламента (август – октябрь 1998 г.). Поскольку Демократическая партия совместно с парламентской фракцией «Мир – Реформы» и Либеральной партией выдвинула альтернативное предложение о способах восстановления функций кредитных учреждений, а также механизме урегулирования последствий и профилактики банковских банкротств, то премьер-министр был вынужден начать консультации с оппозиционными партиями, с каждой по отдельности (за исключением коммунистической). Результатом стало проведение через парламент ряда важных компромиссных решений, к числу которых относились Закон о чрезвычайных мерах по восстановлению финансовых функций, определяющий способы разрешения проблем обанкротившихся банков, в том числе путем их временной национализации, и Закон об учреждении Комитета финансового возрождения,

[5] Асахи симбун. 07.08.1998.

призванного заниматься проблемами несостоятельных кредитных учреждений, вносить необходимые предложения об улучшении финансовой системы. В целом на данной чрезвычайной сессии парламента лишь половина законодательных актов была принята по инициативе правительства, да и то с существенными поправками, навязанными оппозицией. Вторая же половина одобренных законопроектов (17 актов) была инициирована депутатами от различных партий.

Столь нетипичный для японского парламента характер работы неизбежно сказался на рейтинге правительства. Согласно опросам, проведенным газетой «Асахи», в августе 1998 г. в поддержку кабинета К. Обути высказывалось 32% опрошенных, а против – 47%, в ноябре популярность правительства снизилась еще больше: за – лишь 21%, против – 57%[6].

Следует признать, что недоверие распространялось преимущественно на экономическую политику правительства.

Внешняя политика кабинета К. Обути характеризовалась достаточной активностью, в том числе переговорами на высшем уровне с США, Россией, Китаем и Республикой Корея.

На двух встречах К. Обути с президентом США Б. Клинтоном было подтверждено согласие развивать тесное японо-американское сотрудничество по острым проблемам мировой экономики и обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии.

По итогам визита японского премьер-министра в Россию (11-13 ноября 1998 г.) была опубликована Московская декларация об установлении созидательного партнерства. По оценке К. Обути, «японо-российские отношения развиваются через укрепление доверия» к периоду «согласия», а затем к периоду «практических дел». С точки зрения построения фундамента доверительных отношений японский премьер-министр придал большое значение договоренностям об учреждении в рамках Совместной японо-российской комиссии по вопросам заключения мирного договора подкомиссии по пограничному размежеванию и подкомиссии по совместной хозяйственной деятельности, а также достижению «в принципе» согласия об организации свободного посещения о-вов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи японскими гражданами – бывшими жителями этих островов и членами их семей[7].

Однако в отличие от преимущественно позитивных оценок итогов московских переговоров в правящей ЛДП отклики оппозиции на договоренности, касающиеся «территориальной проблемы», звучали не столь оптимистично.

---

[6] Асахи симбун. 22.11.1998.
[7] Асахи симбун. 28.11.1998.

Генеральный секретарь Демократической партии Ц. Хата заявил, например: «Следует серьезно подумать, не наносит ли Московская декларация ущерба территориальному суверенитету нашей страны, открывает ли она путь к возвращению четырех северных островов». По мнению генерального секретаря Либеральной партии Т. Нода, учреждение подкомиссии по пограничному размежеванию явилось «шагом вперед, поскольку российская сторона признала ее органом обсуждения территориальной проблемы», но отнюдь «не сценарием немедленного возвращения северных территорий». Председатель политического комитета Комэйто Т. Сакагути, положительно оценив достижение в Красноярске договоренности о выдвижении цели заключить мирный договор в 2000 г., выразил недовольство тем, что разработка конкретного плана возвращения «четырех северных островов» отнесена на будущее. Председатель Коммунистической партии Японии Т. Фува охарактеризовал укрепление двусторонних отношений как «естественный шаг мирной японской дипломатии», заявив, однако, о недопустимости ведения переговоров по территориальной проблеме в форме «секретных консультаций», в отрыве от мнения народа, без отчета в парламенте. Генеральный секретарь Социал-демократической партии С. Футиками выразил надежду на появление новых возможностей, ведущих «не к спорам, а к миру на основе принципа возвращения четырех северных островов, исторически принадлежащих Японии»[8]. Очевидно, и в дальнейшем межпартийное соперничество в Японии по территориальным требованиям будет оставаться одним из факторов, серьезно осложняющих российско-японские отношения и тормозящих их развитие.

Немалые проблемы возникли у кабинета К. Обути во время визита в Японию председателя КНР Цзян Цземина (25-30 ноября 1998 г.), приуроченного к 20-летию заключения Японо-китайского договора о мире и дружбе. Результатом визита стало подписание Японо-китайской декларации о дружбе и сотрудничестве, установлении партнерства в целях мира и развития, которая призывала не только к укреплению двусторонних отношений, но и к расширению диалога и обмена по проблемам, как регионального, так и глобального уровня. Вопреки сильному желанию японской стороны уклониться от включения в декларацию извинений за «прошлое»[9], по настоянию Цзян Цземина ей вновь пришлось обратиться к этой проблеме. В декларации было записано: «Японская сторона с уважением относится к японо-китайскому совместному заявлению 1972 г. и заявлению премьер-министра Японии от 15 августа 1995 г. (имеются ввиду извинения Т. Мураяма за агрессивные действия и колониализм Японии. – *И.Ц.*), болезненно ощущает

[8] Нихон кэйдзай симбун. 14.11.1998.
[9] Асахи симбун. 29.11.1998.

ответственность за большие несчастья и ущерб, причиненные китайскому народу в результате агрессивного вторжения в Китай в один из периодов прошлого, выражает глубокое сожаление по этому поводу. Китайская сторона желает, чтобы японская сторона училась на уроках прошлого, твердо следовала путем мирного развития»[10]. Кроме того, вновь декларировались японская формула «одного Китая» и намерение Японии строго соблюдать прежние официальные обещания по проблеме Тайваня. Можно предположить, что косвенной реакцией на расширение сферы сотрудничества Японии с вооруженными силами США явились зафиксированные в декларации положения, касающиеся отношений Японии и КНР в Азиатско-тихоокеанском регионе: «Обе стороны выступают за мир и содействуют развитию в регионе. Это их незыблемый, принципиальный курс. Стороны вновь заявляют, что не будут стремиться к гегемонии в Азиатском регионе, прибегать к вооруженной силе или угрозе применения вооруженной силы, все конфликты должны разрешаться мирными средствами»[11].

Значительных успехов кабинет К. Обути добился в отношениях с Республикой Корея, о чем было доложено парламенту. В сентябре 1998 г. сторонам удалось достичь принципиального согласия в вопросе о подписании нового рыболовного соглашения, прежде затруднявшегося спорами о принадлежности о-ва Такэсима. Затем, во время визита в Японию (октябрь 1998 г.) президента РК Ким Тэ Чжуна, была подписана Совместная декларация о новом японо-корейском партнерстве, обращенном в XXI в. Японская сторона сняла наболевшие в японо-корейских отношениях «проблемы прошлого», извинившись за прежнее колониальное господство в Корее.

Таким образом, японское правительство благодаря крупным внешнеполитическим шагам по урегулированию отношений со своими главными соседями могло теперь сосредоточиться на решении экономических проблем, не забывая при этом о решении сложной задачи создания законодательной базы для расширяющегося сотрудничества Японии с вооруженными силами США.

17 ноября 1998 г. японское правительство опубликовало разработанный Управлением экономического планирования пакет чрезвычайных экономических мер в качестве первого шага на пути оздоровления экономики в течение ближайшего года или нескольких лет. Предполагалось, что эти меры позволят добиться положительных темпов роста экономики в 1999 г. Пакет мер предусматривал небывало высокие, беспрецедентные для страны, дополнительные государственные расходы на сумму 17 трлн. иен (примерно 140 млрд. долл.), а с учетом необратимого сокращения налогов более чем

[10] Асахи симбун. 27.11.1998.
[11] Там же.

на 6 трлн. иен, – на общую сумму около 24 трлн. иен (165 млрд. долл.). В качестве составных частей пакета были предусмотрены:

– меры по предотвращению задержек в кредитовании производства (расширение инвестиций со стороны правительственных финансовых учреждений);

– разработка ведущих проектов XXI в. (план «удвоения жизненного пространства» по личной концепции К. Обути, стимулирование развития новых отраслей и создания новых предприятий, особенно в сферах информатизации и связи);

– осуществление комплексного плана активизации занятости (цель – обеспечение и стабилизация занятости для 1 млн. человек);

– снижение налогов – подоходного и корпоративного, т. е. налога на юридических лиц;

– замораживание принятого кабинетом Р. Хасимото Закона о реформе структуры финансов;

– поощрение потребительского спроса путем выпуска «купонов регионального развития» и т.п.[12]

Вынужденное примирение и союз

Для реализации указанных мер требовалось законодательное одобрение чрезвычайной (ноябрь-декабрь 1998 г.) и регулярной (начавшейся в январе 1999 г.) сессий японского парламента. В условиях заметной слабости кабинета перед парламентом это становилось проблематичным. Тем более, что правительственный пакет чрезвычайных экономических мер был встречен общественностью с известной долей скептицизма. Так, 60% опрошенных «Асахи симбун» отнеслись к ним «с интересом», при этом на вопрос, «имеется ли ощущение, что с помощью данных мер возможно восстановить благоприятную конъюнктуру в экономике», 3/4 опрошенных (76%) дали отрицательный ответ[13].

Определенное беспокойство кабинет К. Обути испытывал также по поводу возможного возникновения препятствий при проведении через палату советников трех подготовленных еще предыдущим правительством законопроектов, касающихся оборонного сотрудничества с США.

Разумеется, правительство располагало несколькими возможными путями получения одобрения своей политики со стороны парламента. Однако первый путь, означавший поиск компромиссных решений, не устраивал либерал-демократов, поскольку, как показали первые месяцы правления ка-

[12] Асахи симбун. 17.11.1998.
[13] Асахи симбун. 22.11.1998.

бинета К. Обути, он вел не к укреплению, а к ослаблению авторитета власти. Вторым путем была кропотливая работа по привлечению на свою сторону отдельных политических партий, а также беспартийных депутатов. От него правительство не отказывалось, напротив, нередко прибегало к нему. По некоторым частным проблемам правительству удавалось добиться поддержки парламентской фракции «Мир – Реформы», Либеральной партии и даже главной силы оппозиции – Демократической партии, что, естественно, не гарантировало полного осуществления правительственных планов. Беспокойство правительства усилилось, когда 6 ноября 1998 г. парламентская фракция «Мир – Реформы», в которую входили Новая партия «Мир» и партия Комэй, полностью объединились, воссоздав Комэйто (Партию чистой политики). Новая Комэйто, став второй партией оппозиции (38 депутатов в палате представителей и 22 – в палате советников), в значительной степени унаследовала центристские позиции прежней Комэйто. Действительно, возрожденная Комэйто первоначально казалась менее уступчивой к просьбам либерал-демократов о политическом сотрудничестве.

Среди оппозиции наиболее близкой к либерал-демократам по своему мировоззрению и принципиальным позициям в области внутренней и внешней политики, естественно, была Либеральная партия – сравнительно немногочисленная группа парламентариев (39 депутатов в палате представителей и 12 –в палате советников), главным образом покинувших ЛДП в 1993 г. ЛП возглавляет видный консервативный политик Итиро Одзава, который в свое время был генеральным секретарем ЛДП, затем принимал участие в организации правящей коалиции без ЛДП, был лидером Партии новых рубежей (ПНР) до ее роспуска в декабре 1997 г. Еще будучи главой ПНР, И. Одзава не раз выступал с идеей «частичной консервативно-консервативной коалиции», т. е. сотрудничества с ЛДП по отдельным проблемам. Однако после образования ЛП ее лидеры обрушились с жесткой критикой на политику либерал-демократов. Накануне выборов в палату советников И. Одзава заявил: «При нынешней политике ЛДП коалиция с ней невозможна. Сотрудничество приемлемо лишь на основе политики Либеральной партии»[14]. В таком же ключе позже высказался генеральный секретарь ЛП Т. Нода: «Разговоры о «консервативно-консервативной коалиции» ведутся для того, чтобы очернить И. Одзава. Мы не намерены оказывать услуги ЛДП, потерпевшей поражение на выборах»[15]. Действительно, на выборах премьер-министра депутаты от ЛП голосовали за кандидатуру демократов – Н. Кан, а на упомянутой «финансовой» парламентской сессии доставили кабинету К. Обути немало неприятностей.

[14] Асахи симбун. 24.06.1998.
[15] Асахи симбун. 18.07.1998.

Тем не менее Либеральная партия в силу своей слабости не имела перспектив когда-либо в одиночку прийти к власти, а из-за близости по своим политическим взглядам к ЛДП не могла рассчитывать на серьезные успехи в сотрудничестве с другими оппозиционными партиями. Депутатов ЛП, познавших в прежние годы, еще до выхода из ЛДП, вкус власти, не могла удовлетворять перспектива надолго застрять в оппозиции. После развала Партии новых рубежей, в которой они все участвовали, стал очевиден провал, по меньшей мере на ближайшие годы, плана И. Одзава и его сторонников сформировать в Японии систему двух крупных партий, близких по политическим взглядам и сменяющим друг друга у власти. В то же время у ЛП сохранялся шанс вернуться к власти в союзе с либерал-демократами.

И. Одзава надеялся, что отсутствие у ЛДП большинства в парламенте и ее заинтересованность в получении постоянной и надежной поддержки со стороны какой-либо другой партии позволят бывшим соратникам по ЛДП забыть прежние обиды и привлекут либерал-демократов к предложению ЛП образовать новую правящую коалицию.

Основной проблемой для Либеральной партии оставалось только оформление союза с ЛДП без «потери лица», как говорят в Японии. И. Одзава в целом удалось решить этот вопрос путем навязывания ЛДП политических консультаций для «согласования политической платформы» будущей коалиции, в ходе которых был сделан акцент на удовлетворение ряда предложений ЛП.

19 ноября 1998 г. состоялась личная встреча И. Одзава с К. Обути, на которой было достигнуто согласие двух партий начать обсуждение политических предложений Либеральной партии, совместно готовить проект государственного бюджета на 1999 г., образовать коалиционное правительство до начала работы регулярной сессии парламента (январь 1999 г.), а в дальнейшем организовать «полное сотрудничество» на выборах в органы местной власти и парламент. ЛП обязалась немедленно начать сотрудничать с ЛДП, оказывать поддержку политике ее правительства уже в ходе чрезвычайной сессии парламента. Одновременно главы ЛДП и ЛП признали совпадение взглядов обеих партий по «принципиальным направлениям политики»[16]. Официальному оформлению коалиции ЛДП и ЛП предшествовали длительные, почти двухмесячные переговоры двух партий.

Следует напомнить, что И. Одзава еще во время пребывания в ЛДП опубликовал свою систему политических взглядов, в которых он выступил как сторонник неоконсерватизма, одновременно настаивая на существенном пересмотре внешнеполитической ориентации Японии. Последнее выразилось в требовании возвращения Японии статуса «обычного государст-

[16] Асахи симбун. 20.11.1998.

ва», которое действует на международной арене без каких-либо ограничений. Имелось ввиду, что Япония из-за конституционного отказа от войны не имеет возможности в полной мере участвовать в международной деятельности по поддержанию мира и безопасности с помощью собственных вооруженных сил, а также более полно использовать возможности военного сотрудничества с США в рамках японо-американского союза. К другим идеям, за которые ратует И. Одзава, относились сильное политическое руководство, радикальные структурные реформы с акцентом на предельно возможное дерегулирование, дальнейший пересмотр системы выборов в парламент. Именно эти установки И. Одзава, который осуществляет в ЛП авторитарное руководство, нашли отражение в ходе переговоров по согласованию позиций с ЛДП.

Результатом переговоров стали, во-первых, согласие обеих партий вести работу с целью пересмотра существующего порядка выборов в парламент, добиваясь сокращения численности депутатов палаты представителей на 50 человек, избираемых по общенациональному округу пропорционального представительства. В настоящих условиях при сотрудничестве ЛДП и ЛП это обеспечило бы им значительное превосходство над другими партиями. ЛП предлагала сократить численность каждой из двух палат на 50 человек, однако ЛДП, понимая трудность принятия такого законопроекта в палате советников, где обе партии даже в совокупности не имели большинства, предложила начать обсуждение этого вопроса с другими депутатскими фракциями.

Во-вторых, определенной уступкой со стороны ЛДП можно считать ее согласие на немедленное сокращение, хотя и незначительное – с 20 до 18, числа членов кабинета министров. Этот акт рассматривался как стимул к ускорению широкомасштабной административной реформы. По предложению ЛП была также достигнута договоренность об упразднении бюрократического порядка, при котором на запросы депутатов в парламенте вместо членов кабинета отвечали уполномоченные ими чиновники, что должно было подорвать чрезмерную роль бюрократического аппарата и оживить парламентские дебаты.

В-третьих, серьезные разногласия выявились при согласовании позиций по проблемам внешней политики, непосредственным поводом для которого стало предстоящее проведение кабинетом К. Обути через парламент законопроектов, имеющих отношение к практическому претворению в жизнь новой редакции Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны.

Новые Руководящие принципы предусматривают значительное расширение военных связей Японии и США как в содержательном смысле, так и в географических рамках, в случае возникновения кризисных ситуаций в

прилегающих к Японии районах. И ЛДП, и ЛП признавали необходимость законодательного закрепления именно такого подхода в нынешней системе японо-американской безопасности и намерены были в дальнейшем усиливать стратегический альянс с США в целях обеспечения национальной безопасности. Однако в то время как ЛДП не хотела бы менять правительственное толкование мирной статьи конституции, ЛП, опираясь на определенный в преамбуле конституции принцип «мирного сотрудничества со всеми нациями», отстаивала расширительное толкование 9-й статьи, которое, по существу, предоставляло Японии возможность активнее участвовать в действиях, предусматривающих «угрозу или применение вооруженной силы как средства разрешения международных споров».

Конкретно различия в подходах проявились в вопросе о тыловой поддержке, касающейся, в частности, транспортировки в открытом море оружия и боеприпасов для американских войск. ЛДП считала, что тыловая поддержка, включая транспортировку и другие подобные действия, допустима в рамках «невовлеченности» в военные действия и ее можно осуществлять независимо от наличия или отсутствия решения ООН. ЛП же считала, что при наличии решения ООН допустима более широкая деятельность японских вооруженных сил.

Споры возникли и по вопросу инспекции подозрительных судов на основе резолюции ООН. Представители ЛДП указывали, что при досмотре судов может возникнуть опасность применения оружия, а это несовместимо с конституционным принципом угрозы или применения вооруженной силы. ЛП возможность обстрела признавала, однако в случае, если угрозы обстрела можно избежать, допускала инспекцию судов и при отсутствии резолюции ООН. Она настаивала также на принятии специального закона о досмотре судов отдельно от закона о действиях в кризисных ситуациях в окружающих Японию районах, аргументируя это тем, что экономические санкции осуществляются не на основе Японо-американского договора безопасности, а в русле сотрудничества с ООН.

Подобные нюансы не помешали достижению окончательной договоренности относительно проведения единой политики в сфере обеспечения безопасности, зафиксированной в документе «Согласие ЛДП и ЛП в области обеспечения безопасности»[17], провозгласившем курс на активное участие Японии в миротворческой деятельности ООН при сохранении традиционной интерпретации мирной статьи конституции. Из документа видно, что в конечном счете ЛП пошла на уступки, приняв без изменений взгляд правительства на невозможность участия в деятельности, предусматривающей вовлечение в применение вооруженной силы.

[17] Иомиури симбун. 14.01.1999.

В этом документе выражено намерение, основываясь на конституционных «идеалах пацифизма и международного согласия», проводить активную дипломатию с целью утверждения международного мира, осуществлять активное сотрудничество, главным образом в рамках ООН, в международных действиях, направленных на мир и безопасность. Касаясь оборонной политики, ЛДП и ЛП подтвердили стремление Японии не превращаться в военную державу, последовательно придерживаться концепции исключительной обороны, иметь «умеренные оборонительные силы». Применение реальной силы допускалось в минимально необходимой степени «при грозящих несправедливых нарушениях». Сверх этого угроза применения вооруженной силы или ее применение считались недопустимыми.
Был подчеркнут курс на твердое отстаивание японо-американской системы обеспечения безопасности как необходимой и неотъемлемой и для безопасности Японии, и для сохранения мира и безопасности в АТР; провозглашалось намерение прилагать усилия к «более гладкому и эффективному применению» этой системы.

Довольно четко в документе были определены способы сотрудничества Японии в миротворческой деятельности ООН. ЛДП и ЛП высказались за активное участие и сотрудничество в этой деятельности при наличии резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН и, сверх того, соответствующего запроса от них при условии, если такая деятельность «не будет иметь прямого отношения к применению вооруженной силы». Под последним понимаются собственно боевые действия, снабжение и транспортировка материальных ресурсов непосредственно в район боевых действий воздушным, наземным или морским путем, что, как отмечали обе партии, конституцией не допускается. При иных обстоятельствах участие в миротворческой деятельности ООН следовало определять по каждому конкретному случаю.

Особо подчеркивалось значение правительственных законопроектов, касающихся японо-американского сотрудничества в области обороны, высказывалась надежда на скорейшее их принятие. Вместе с тем признавалось различие взглядов двух партий по этому вопросу и заявлялось о согласии на продолжение углубленных дискуссий. Конкретно была поставлена задача уточнить положения, касающиеся материальной поддержки в тыловом районе, деятельности по сбору разведывательных сведений в таком районе, а также инспекций судов в кризисных ситуациях.

Наконец, в документе были зафиксированы фактически все требования ЛП о расширении сотрудничества Японии в миротворческой деятельности ООН, включая отмену моратория на участие сил самообороны в формировании миротворческих сил ООН. Несмотря на принятие в 1992 г. Закона о содействии миротворческим усилиям ООН, добиться существенных сдвигов

в этом направлении не удавалось. До сих пор проваливались, в частности, все усилия ЛДП по отмене моратория на непосредственное участие японских вооруженных сил в формировании сил ООН по поддержанию мира. Теперь же ЛДП и ЛП выразили обоюдное стремление не только добиться отмены данного моратория, открыв тем самым путь к участию сил самообороны в «тыловой поддержке» военных формирований ООН, но и принять новый закон, расширяющий пределы включения Японии в международную миротворческую деятельность.

Согласование позиций по проблемам безопасности стало последним актом разработки общей политической программы ЛДП и ЛП. 14 января 1999 г. премьер-министр К. Обути объявил о преобразовании своего однопартийного кабинета в коалиционное правительство. Большинство министров осталось на своих постах, однако их число было сокращено до 18 путем закрепления за некоторыми руководства одновременно двумя ведомствами, подлежащими слиянию в процессе последующей реформы кабинета. Либеральная партия получила в правительстве пост министра по делам самоуправления. Кроме того, был создан многоуровневый механизм регулярных консультаций между правящими партиями для согласования принципиальных моментов правительственной политики и совместной работы в парламенте.

Новую правящую коалицию в Японии назвали «консервативно-консервативной», хотя сами лидеры ЛДП и ЛП мыслили ее скорее как неоконсервативную. После реорганизации кабинета К. Обути подчеркнул, что видит эффективность коалиционного правительства не в численном увеличении его депутатов в результате соединения сил двух партий в парламенте, а во «взаимном сотрудничестве на принципах нового консерватизма». В свою очередь И. Одзава, известный в Японии как активный проводник неоконсервативных идей, подтвердил, что «требования Либеральной партии согласованы и подтверждены обеими партиями» и ЛП «не отступит от них»[18].

Плоды деятельности нового правительства коалиции ЛДП и ЛП

После формирования коалиции с ЛП рейтинг кабинета К. Обути повысился. Результаты опроса, проведенного «Асахи симбун», показали, что в поддержку реорганизованного правительства высказались 32% респондентов, тогда как в декабре кабинет К. Обути поддерживали лишь 26%. Отказали в поддержке нынешнему кабинету 44% опрошенных, что на 10% меньше по

[18] Асахи симбун. 15.01.1999.

сравнению с данными декабрьского опроса. Правительство К. Обути стало обладать таким же кредитом доверия населения, как в период формирования его первого состава в конце июля 1998 г. Причиной этого, согласно опросу, являлось именно формирование коалиционного правительства[19].

Включение ЛП в правительственную коалицию серьезно укрепило позиции ЛДП в палате представителей, где обе партии имели теперь 304 места из 500, обладая устойчивым большинством. Вместе с тем в палате советников либерал-демократы и либералы были представлены лишь 116 депутатами из 252, что определяло необходимость для правительства налаживания сотрудничества с оппозиционными партиями. В своей речи на открытии очередной парламентской сессии К. Обути объяснил образование коалиции с Либеральной партией потребностью в «устойчивом политическом фундаменте», обеспечивающем «быстрые волевые решения в обстановке множества важных внутренних и внешних проблем». В то же время он заявил о намерении правительства продолжить консультации «с каждой партией, с каждой парламентской группой»[20], очевидно, в первую очередь имея в виду Комэйто. Не случайно в японской прессе отмечалось, что определенная неуступчивость ЛДП при согласовании с ЛП вопросов, затрагивающих толкование мирной статьи конституции Японии, определялась оглядкой либерал-демократов на позиции Комэйто, наиболее лояльно настроенной оппозиционной партии, но выдвигающей на первый план идеи пацифизма.

В целом же упрочение позиций ЛДП начало ощущаться уже к концу 1998 г., с момента переговоров о коалиции с ЛП, в ходе чрезвычайной сессии парламента, работа которой была посвящена главным образом экономической тематике. Правительству намного легче, чем на «финансовой» сессии, удалось провести через парламент третий дополнительный бюджет на 1998 г., нацеленный главным образом на преодоление задержек в кредитовании производства, поощрение регионального оживления (общий размер ассигнований – 5,6 трлн. иен), заморозить реформу финансовой структуры, добиться принятия Закона о содействии открытию новых предприятий и т.д.

Еще до официального оформления коалиции было достигнуто согласие между ЛДП и ЛП по проекту государственного бюджета на 1999 г. Численное превосходство этих двух партий в палате представителей над силами оппозиции позволило провести проект бюджета без каких-либо поправок в необычно короткие сроки, к 19 февраля, что предопределило его автомати-

[19] Асахи симбун. 19.01.1999.
[20] Асахи симбун. 20.01.1999.

ческое принятие в парламенте двумя месяцами позже, вопреки решению большинства палаты советников, голосовавшего против бюджета.

В канун 1999 г. премьер-министр К. Обути получил от Совета экономической стратегии промежуточный доклад, содержавший жесткую критику «общественной системы японского типа», для которой характерны «чрезмерный акцент на равенство и справедливость, разбухание общественного сектора, деформация в перераспределении ресурсов». Критические замечания были высказаны в адрес государственного регулирования, протекционизма, способа «конвоирования каравана судов», т. е. опеки над отраслями и предприятиями, неэффективности японского типа управления, утери готовности предприятий идти на риск. В то же время в докладе содержалась высокая оценка американского опыта, рейганомики. В нем особо подчеркивалось, что оживление экономики США явилось результатом осуществления в 80-е годы идеи «малого правительства», дерегулирования, снижения подоходного и корпоративного налогов, акцента в управлении предприятиями на получение доходов от акций. На основании этого делался вывод о необходимости осуществить «общественные перемены с упором на эффективность и справедливость по американскому образцу», построить «здоровое, творчески конкурентное общество»[21]. Авторы доклада предлагали возможный сценарий практических шагов в этом направлении на ближайшую и среднесрочную перспективу.

По мнению японской прессы, этот доклад явился для К. Обути «живым голосом экономических кругов», который он хотел услышать, однако конкретная разработка предложений Совета экономической стратегии, безусловно, требовала подключения к ней правительственных ведомств, которые могли отнестись к ней резко негативно.

В конце февраля 1999 г. Совет экономической стратегии завершил подготовку своих рекомендаций, в которых вновь подчеркивалось, что без решительного проведения глубоких реформ в японской экономике подъем ее невозможен. В окончательном докладе излагался трехступенчатый сценарий экономического возрождения страны: период ликвидации последствий «экономики мыльного пузыря», иначе говоря, последствий финансовых спекуляций и других непродуманных акций, рассчитанных на получение крупных краткосрочных выгод (1999–2000 гг.); возвращение экономики в рамки устойчивого (примерно двухпроцентного) роста, основательное проведение административной и других реформ (2001–2002 гг.); сокращение

[21] Асахи симбун. 24.12.1998.

дефицитного бюджета (начиная с 2003 г.) и достижение баланса доходов и расходов (к 2008 г.), продолжение структурных реформ[22].

Рекомендации Совета экономической стратегии в принципе отвечали господствовавшим настроениям как в ЛДП, так и особенно в ЛП, лидер которой настойчиво декларировал приверженность радикальному реформированию в неоконсервативном духе[23]. Можно было поэтому ожидать, что коалиционное правительство начнет действовать в русле предложенного Советом сценария экономического возрождения страны.

В области внешней политики, если судить по согласованным между ЛДП и ЛП позициям по проблемам безопасности, формально был закреплен традиционный курс Японии. Однако переход прежде оппозиционной ЛП к сотрудничеству с ЛДП укрепил в правительственном лагере позиции сторонников более активного участия вооруженных сил Японии в сотрудничестве с США в случае возникновения кризисных ситуаций, как в районах непосредственной близости от Японии, так и за их пределами. Кроме того, формирование консервативно-консервативной коалиции могло привести к активизации дискуссии по вопросу пересмотра или, по крайней мере, расширительного толкования 9-й мирной статьи конституции, провозглашающей «отказ от войны» и, в частности, от «угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров».

Первые месяцы правления новой коалиции подтвердили указанные опасения. Обе партии настойчиво добивались учреждения в парламенте специального постоянно действующего органа для «изучения конституции». Для правительства стало делом чести обеспечить утверждение парламентом законопроектов, расширяющих сотрудничество сил самообороны с американскими вооруженными силами, до официального визита премьер-министра Японии К. Обути в Вашингтон в начале мая 1999 г.

Благодаря совместным усилиям двух правящих партий, которые, пойдя на некоторые уступки, сумели заручиться необходимой поддержкой оппозиционной Комэйто, 27 апреля 1999 г. несколько исправленные указанные законопроекты были приняты в палате представителей большинством голосов. При такой расстановке партийных сил было гарантировано их прохождение и через палату советников. К числу основных поправок относились: 1) признание необходимости предварительного одобрения парламентом таких определенных принципиальным планом действий сил самообороны, как «тыловая поддержка» и т.д., а в неотложных случаях – последующего

---

[22] Основное содержание рекомендаций Совета экономических реформ см.: Нихон кэйдзай симбун. 27.02.1999.

[23] Т. Нода, разъясняя позиции Либеральной партии вскоре после ее образования, заявлял: «ДП собирается ремонтировать крышу. Мы же говорим о необходимости кардинальных реформ с целью ее капитальной перестройки» – Асахи симбун. 05.02.1998.

одобрения подобных действий; 2) уточнение формулировки «ситуаций в окружающих Японию районах, которые оказывают важное влияние на мир и безопасность в Японии», и определение ее теперь как «обстановки, при сохранении которой возникает опасность непосредственного нападения на Японию и т.п.»; 3) исключение положения о действиях по досмотру судов[24] (ЛДП, ЛП и Комэйто, между которыми сохранялись разногласия по данному виду действий сил самообороны, приняли решение подготовить специальный законопроект по этому вопросу). 24 мая 1999 г. в таком исправленном виде большинством голосов двух правящих партий и подержавшей их Комэйто законопроекты были одобрены палатой советников.

Ставшее возможным при смене однопартийного правительства на коалиционное более уверенное проведение кабинетом К. Обути экономической политики либерал-демократов привело к тому, что согласно опросам общественного мнения снижение доверия к правительству прекратилось и рейтинг кабинета, особенно его главы, стал расти.

Сотрудничество Комэйто с коалиционным правительством ЛДП и ЛП, в первую очередь при проведении через парламент законопроектов, касающихся японо-американского взаимодействия в обеспечении безопасности, свидетельствовало о назревающей в руководстве этой партии решимости сменить прежний имидж смелого оппонента ЛДП и перейти на лояльные позиции по отношению к правительственной политике. В этих условиях ЛДП под руководством К. Обути активизировала контакты с Комэйто, стремясь расширить начавшееся политическое сотрудничество и придать ему постоянный характер. В результате взаимного сближения двух партий снимались барьеры на пути прохождения через парламент большинства правительственных законопроектов даже в тех случаях, когда, казалось бы, можно было ожидать возражений со стороны Комэйто и ее солидарности с партиями оппозиции. Главное состояло в том, что Комэйто обеспечивала кабинету К. Обути не доставшее ему прочное большинство в палате советников.

Добившись продления 145-й, очередной сессии парламента, работа которой продолжалась в течение 207 дней, правительство провело необычайно большое число подготовленных им законопроектов либо полностью без поправок, либо с согласованными между ЛДП, ЛП и Комэйто относительно небольшими коррективами. К числу новых законодательных актов, принятых в процессе тесного взаимодействия трех партий, помимо тех, которые легитимировали японо-американское оборонное сотрудничество, относился ряд важных решений по созданию благоприятных условий для восстановления экономической активности в стране, например, о мерах по усилению

[24] Асахи симбун. 05.02.1998.

промышленной конкуренции и поощрению создания новых производств. Два пакета законов должны были способствовать продолжению проведения объявленной предыдущими кабинетами административной реформы. Один из пакетов (17 законов) конкретизировал содержание перестройки центрального правительственного аппарата (включая усиление полномочий премьер-министра, сокращение числа министерств и управлений и т.п.), которую предстояло осуществить до января 2001 г. Другой пакет, включавший поправки к 475 законам, начиная с Закона о местном самоуправлении, имел целью продвижение децентрализации, изменение характера взаимоотношений между государством и органами местного самоуправления в сторону их «уравнивания». Характерно, что на данной сессии единогласно были приняты два закона, необходимость которых давно признавалась японской общественностью: Закон об открытости информации (имеется ввиду документация правительственных ведомств), проект которого был разработан еще при прежней трехпартийной коалиции ЛДП, СДП и Сакигакэ, и Закон об этике государственных служащих, главная цель которого – предотвращение коррупции.

Переход Комэйто на сторону правящих партий использовался последними для реализации некоторых, по оценкам большинства влиятельных японских газет, «государственнических», т. е. направленных на усиление контроля государства за своими гражданами, законов, на внесение в парламент проектов которых не решалось ни одно из прежних правительств.

В канун завершения работы парламентской сессии вопреки яростному сопротивлению ДП, КПЯ и СДП были утверждены три закона о мерах по борьбе с организованной преступностью, допускавших, в частности, прослушивание телефонных разговоров по ордеру местного судьи. Протесты оппозиции обусловливались опасениями по поводу возникновения злоупотреблений в связи с расширяющимися возможностями силовых органов в ущерб демократическим правам человека.

К «государственническому» разряду оппозиция также относила спешно, без достаточного обсуждения в парламенте, принятый Закон о государственных символах – флаге и гимне. Споры вокруг флага «хи-но мару»и гимна «кими-га ё», с которыми исторически связаны прошлые войны и милитаристское воспитание японцев, не умолкали все послевоенные годы. До настоящего времени согласие по этому важному идеологическому и политическому вопросу в японском обществе не достигнуто. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что практически половина населения страны не считает желательным официальное утверждение в качестве государственных символов флага «хи-но мару»и, особенно, гимна «кими-га ё» воспевающего императорское правление, а также навязывать гражданам, в том числе детям в школах, обязательное участие в процедурах с использовани-

ем этих символов. Многие японцы оценивают придание официального статуса прежним национальным символам как серьезный шаг в направлении реализации объявленного еще в 70-е годы тогдашним главой ЛДП Я. Накасонэ курса на «подведение итогов послевоенного времени»

В этом смысле знаковым является также решение парламента об учреждении в обеих его палатах дополнительных постоянных комиссий по изучению конституции. По существу, оно открывает путь к официальной (а не только на уровне консервативных партий) подготовке пересмотра послевоенного Основного закона страны. Хотя нельзя не отметить, что, считаясь с господствующим в стране общественным мнением в пользу сохранения действующей конституции, новые комиссии учреждены лишь для подготовки в течение пяти лет докладов председателям палат о результатах работы без права представления в парламент своих законопроектов. Сугубо исследовательский характер деятельности этих парламентских комиссий, инициатором создания которых выступила ЛДП при согласии ее союзников, обеспечил поддержку ее предложения и со стороны оппозиционной ДП.

В процессе парламентского сотрудничества ЛДП и Комэйто в обеих партиях созрела и начиная с мая 1999 г. оживленно обсуждалась с учетом всех плюсов и минусов идея подключения Комэйто к коалиционному правлению. 7 июля 1999 г. К. Обути сделал предложение Комэйто перейти к правительственному сотрудничеству. 24 июля был проведен чрезвычайный съезд Комэйто, принявший решение о согласии и на тесное политическое сотрудничество с нынешним правительством, и на полноценное участие в правящей коалиции. Решение сопровождалось одобрением текущего курса деятельности этой партии, в который вошло требование пересмотра существующего порядка выборов депутатов палаты представителей и возвращения к прежней практике избрания значительной части ее состава по многомандатным округам.

Конкретному решению вопроса об оформлении новой, трехпартийной, коалиции должны были предшествовать соответствующие консультации ЛДП, ЛП и Комэйто по согласованию как основ совместной политической платформы, так и параметров сотрудничества на парламентских выборах. Ключевым, определявшим перспективы коалиции, моментом становилась дилемма выбора предпочтений ЛДП в будущем союзе: либо удовлетворить связанные с парламентскими выборами требования ЛП (выполнить данное в январе 1999 г. обещание совместно добиваться сокращения на 50 мест числа депутатов палаты представителей за счет подлежащих избранию по пропорциональной системе, по партийным спискам; ЛДП и ЛП 23 июня 1999 г. уже внесли такой законопроект на рассмотрение в парламенте); либо считаться с мнением Комэйто, для которой не только предпочтительно сохранение нынешней доли членов палаты представителей, избираемой по

пропорциональной системе, но и желателен частичный возврат к недавно отмененным выборам депутатов этой палаты по многомандатным округам.

Противоречия между ЛП и Комэйто по данному вопросу (взгляды партий различаются и по многим другим проблемам) приобрели весьма острый характер. Лидер ЛП И. Одзава неоднократно публично выражал недовольство креном ЛДП в сторону учета мнения Комэйто. Более того, он пригрозил ЛДП выходом из коалиции, если либерал-демократы отзовут из парламента упомянутый выше законопроект, касающийся изменения численности избираемых депутатов, а следовательно, и порядка выборов в парламент. Интересно, что одновременно стали просачиваться слухи о том, что в ЛП обсуждается также возможность возвращения в ЛДП.

Принятие ЛДП однозначного решения по взаимно исключающим требованиям ЛП и Комэйто, по существу, означало бы крах действующей коалиции ЛДП и ЛП. Внутри ЛДП имеется немало сторонников ее сохранения, которые видят в ЛП в отличие от Комэйто своего единомышленника, придерживающегося близких к консервативным взглядов. Вместе с тем вовлечение Комэйто в коалицию привлекательно для либерал-демократов с точки зрения обеспечения стабильной работы правительства, поскольку в палате советников голоса депутатов Комэйто (24) вместе с голосами ЛДП (105) обеспечивали бы превосходство правящей коалиции, чего не дает союз с одной ЛП, имеющей в этой палате вдвое меньшую численность депутатов.

Руководство ЛДП было серьезно озабочено поиском способов расширения правящей коалиции путем выработки компромиссных решений, удовлетворяющих амбиции и ЛП, и Комэйто. Об этом заявил премьер-министр К. Обути 13 августа 1999 г., в день закрытия регулярной парламентской сессии. В свою очередь И. Одзава выразил намерение продолжать сотрудничество с ЛДП, подчеркнув при этом, что дальнейшее сохранение ЛП в коалиции с ЛДП потребует согласованной политики.

Рождение трехпартийной правящей коалиции

В сентябре 1999 г. по уставу ЛДП истекал срок полномочий К. Обути на посту председателя партии. Завершение кампании выборов нового партийного лидера, в которых участвуют все члены партии, а окончательное решение остается за ее депутатами парламента, было назначено на 21 сентября. К. Обути выставил свою кандидатуру в полной уверенности, что получит подавляющую поддержку всех участников выборов, в особенности из числа депутатов парламента (по предварительным прогнозам 2/3 депутатов).

Его соперниками выступили К. Като и Т. Ямадзаки, влиятельные политики, за которыми стояли собственные внутрипартийные фракции. Однако эти претенденты на руководство правящей партией и, следовательно, на пост премьер-министра не могли не признавать, что при К. Обути либерал-демократы существенно укрепили свои позиции, а рейтинг правительства в общественном мнении с конца 1998 г. непрерывно повышался. Впрочем, К. Като и Т. Ямадзаки не скрывали, что их участие в выборах председателя ЛДП строилось в расчете не на нынешнюю победу, а лишь на создание задела для последующей попытки добиться успеха. Тем не менее избирательная кампания отличалась большим накалом, причем оба соперника основное внимание уделяли критике курса К. Обути на расширение правящей коалиции за счет Комэйто. За переизбрание К. Обути председателем ЛДП проголосовало около 70% ее депутатов парламента и примерно такая же доля членов и «друзей» партии.

21 сентября 1999 г. К. Обути подтвердил намерение в срочном порядке оформить включение Комэйто в правящую коалицию. Начатые ранее консультации между ЛДП и Комэйто по согласованию политических позиций были переведены на высший уровень, в них также включилась Либеральная партия. Переговоры завершились заключением 4 октября 1999 г. трехпартийного соглашения. На первое место в нем было вынесено компромиссное решение по вопросу о сокращении численности членов палаты представителей. Согласившись в принципе уменьшить состав этой палаты на 50 человек, как ранее договорились между собой ЛДП и ЛП, стороны постановили первоначально сократить ее на 20 человек, а решение о форме последующего сокращения определить позже с учетом интересов как ЛП, так и Комэйто. Без особых трудностей было согласовано принципиальное направление экономической политики (формирование государственного бюджета на следующий год, стимулирование внутреннего спроса посредством пересмотра налоговой системы и т.п.). Явным проявлением внимания к пожеланиям Комэйто стало включение в соглашение блока мероприятий правительства в сфере социального обеспечения, которые, однако, носили довольно неконкретный характер. Раздел «Обеспечение безопасности» ориентировал коалицию на разработку и принятие законов с целью создания системы чрезвычайных мер в «кризисных ситуациях», на снятие моратория на участие японских сил самообороны в основных видах миротворческой деятельности ООН, за исключением тех, которые сопряжены с непосредственным применением вооруженной силы.

5 октября 1999 г., на следующий день после достижения трехпартийного соглашения, К. Обути коренным образом реорганизовал кабинет министров. Из прежнего состава только министр финансов К. Миядзава и начальник управления экономического планирования Т. Сакайя сохранили свои

посты. Партнеры по коалиции получили по одному месту в правительстве: Либеральная партия – пост министра транспорта и по совместительству начальника управления развития Хоккайдо, Комэйто – пост начальника управления общих дел и координации. С учетом политической ориентации Комэйто новый правительственный блок можно было бы назвать «правоцентристским», однако, по существу, в нем сохранялось несомненное превосходство консерваторов как количественное, так и качественное. К этому следует добавить, что либерал-демократы свои лидирующие позиции в правительстве не ослабили.

Вступление в 2000 год для правящей коалиции внешне казалось безоблачным. Невзирая на сопротивление оппозиции, 27 января, в день открытия очередной парламентской сессии, большинством голосов трех ее партий был принят закон о сокращении палаты представителей на 20 депутатов, избирающихся по пропорциональной системе и партийным спискам. Численное превосходство коалиции в обеих палатах обеспечило небывало быстрое прохождение через парламент правительственных предложений по государственному бюджету.

Однако спокойствия внутри правительственного союза не было. В процессе подготовки к приближавшимся выборам в палату представителей противоречия нарастали как между партиями коалиции, так и внутри каждой из них, особенно в Либеральной партии. Глава ЛП И. Одзава, подвергнув критике ЛДП, вновь выступил с угрозами выхода из коалиции.

В первых числах апреля 2000 г. Либеральная партия раскололась. Половина ее депутатов парламента, выразив несогласие с И. Одзава, образовала 3 апреля Консервативную партию, заявившую о приверженности союзу ЛДП и Комэйто. И. Одзава, поддержанный оставшимися верными ему депутатами, заявил о выходе Либеральной партии из правящей коалиции.

Раскол Либеральной партии по времени совпал с заболеванием премьер-министра К. Обути. Тогда же новым председателем ЛДП был избран Ёсиро Мори, являвшийся генеральным секретарем партии. 5 апреля 2000 г., опираясь на поддержку ЛДП, Комэйто и образованной Консервативной партии, Ё. Мори стал главой правительства. Сформированный им кабинет почти полностью в прежнем составе стал правительством коалиции ЛДП, Комэйто и Консервативной партии. Он заявил о намерении продолжать политику, направленную на восстановление и реформирование экономики.

Итак, в Японии начинала утверждаться коалиционная форма правления. Это подтвердили события 1998-1999 гг., когда либерал-демократы, вернув себе потенциальную возможность единолично управлять страной, были вынуждены искать политических союзников, которыми стали трудно совместимые между собой Либеральная партия и Комэйто. Трехпартийная коалиция сохранилась и в дальнейшем при правительстве либерал-демократа Ё.

Мори, в котором место Либеральной партии заняла возникшая вследствие ее раскола Консервативная партия.

Сегодня в Японии часто задаются вопросом, каковы последствия 90-х годов с их непрерывной политической чехардой, не означает ли нынешняя доминирующая роль ЛДП в правящей коалиции появления лишь новой формы монопольного правления этой партии. Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Многое будет зависеть от поведения Комэйто, от того, насколько настойчиво она будет отстаивать самостоятельные позиции и сможет ли надолго ужиться с партнерами по коалиции.

Что же дал японскому обществу переход к коалиционному правлению с 1993 по 2000 г.?

За эти годы в стране была проведена широко разрекламированная политическая реформа, начата административная реформа, определены основные направления и заявлено о намерении приступить к другим реформам в сфере финансов, промышленной структуры, социального обеспечения, образования. Следовательно, переход к коалиционному правлению стал фактором многих существенных подвижек в разных сферах жизни японского общества. Однако содержание и масштабы уже свершившихся перемен вызывают весьма пессимистические отклики в самой Японии. Политическая реформа, провозглашавшаяся во имя «чистой политики», этой цели фактически не достигла, сосредоточившись главным образом на изменении избирательной системы, что было умело использовано либерал-демократами для восстановления собственных позиций. С большим трудом продвигаются и прочие реформы, за основу которых взята американская модель по неолиберальным рецептам, без учета национальной специфики, что порождает как открытое, так и скрытое сопротивление.

Со времени образования в 1955 г. Либерально-демократическая партия пропагандировала себя и, надо сказать, весьма успешно в качестве единственной в стране политической силы, способной обеспечить экономическое развитие и политическую стабильность Японии. Переход к коалиционному правлению разрушил миф о ЛДП как незаменимом и единственно возможном субъекте власти. За годы коалиционных правительств несколько партий, помимо ЛДП, смогли побывать у власти, познать реалии непосредственного участия в управлении страной. Это послужило одной из причин ослабления конфронтационности в партийном соперничестве за власть, расширило возможности нахождения компромиссных решений по спорным проблемам. Сам же процесс принятия политических решений стал более прозрачным, открытым для общественности, что в принципе должно было способствовать активизации электората в выражении своих политических предпочтений.

Японская общественность восприняла форму коалиционного правления как отвечающую национальному менталитету. Ее тревожит перспектива возврата монопольного правления ЛДП, и в то же время опасения вызывает чрезмерное расширение рамок нынешней правящей коалиции. Численность депутатского корпуса трех правящих партий сейчас приблизилась к 2/3 всего состава палаты представителей, достигнуто и прочное их преобладание над оппозицией в палате советников. Столь неравное соотношение партийных сил в высшем органе государственной власти у одних вызывает одобрение, порождая надежду на твердое руководство и политическую стабильность, необходимые для оздоровления экономики; у других – беспокойство, не приведет ли оно к вседозволенности в действиях правительства, к выхолащиванию демократии и полному игнорированию мнения оппозиционных партий, отстаивающих интересы электората.

Профсоюзы и время. Заметки к десятилетию Японской конфедерации профсоюзов

А.И. Сенаторов

Японская конфедерация профсоюзов, ставшая крупнейшим в истории рабочего движения национальным профцентром, родилась в ноябре 1989 г. За месяц до десятилетнего юбилея конфедерация провела свой VI съезд. Как на профсоюзном форуме, так и на страницах японской печати не могли обойтись без оценки деятельности конфедерации за уже довольно большой срок ее существования. Наряду с признанием важного места конфедерации среди многочисленных субъектов гражданского общества с сожалением констатировались и явления, говорящие о застое, даже определенном упадке профсоюзного движения как раз в то время, когда объективно значимость профсоюзов, их влияние на государственную политику должны были возрастать. Совершенно очевидно, что активность профсоюзов в защите интересов трудящихся – необходимый фактор поиска оптимальных решений в развертывающихся сегодня социальных и экономических реформах с целью адаптации Японии к крупным внутренним и международным переменам.

Напомним, что Японская конфедерация профсоюзов (сокращенное название по-японски «Рэнго») возникла на месте распущенных четырех, нередко остро противоборствующих между собой, профобъединений: Генерального совета профсоюзов (Сохё, 4,5 млн. членов), Всеяпонской конфедерации труда (Домэй, 2,1 млн.), Совета связи нейтральных профсоюзов (Тюрицу рорэн, 1,3 млн.) и Национального конгресса производственных профсоюзов (около 100 тыс.). Образование Рэнго стало конечным результатом начавшихся с середины 70-х годов долгих дискуссий о необходимости ликвидировать раздробленность профсоюзного движения, преодолеть в нем идеологические разногласия. Путем сплочения, создания единого руководящего центра намечалось резко повысить результативность профсоюзного движения.

Полное единство не было достигнуто. Одновременно с Рэнго в стране в качестве «классового национального центра» оформилась Национальная федерация профсоюзов (Дзэн рорэн, около 1,5 млн. членов), тесно сотрудничающая с Коммунистической партией Японии (КПЯ), а профсоюзы, связанные с левым крылом социалистов, учредили менее влиятельный Национальный совет профсоюзов (Дзэн рокё). Часть профсоюзов осталась независимой от любого из профцентров. На этом фоне Рэнго, которая объединила профсоюзы, насчитывающие 7,9 млн. членов, т.е. 62% общей их численности, стала главной среди всех профсоюзов силой. По результатам

деятельности Рэнго, следовательно, во многом можно судить и об общем состоянии японского профсоюзного движения.

Как свидетельствует мировая практика, профсоюзы в демократических странах выполняют ряд важных функций. Основная из них – защита непосредственных интересов своих членов. Вместе с тем профсоюзы чаще всего признают, что для успеха в экономической борьбе требуется их активное участие в политической жизни страны. Помимо того, сегодня все шире распространяется мнение о необходимости профсоюзам не замыкаться на собственных интересах, активно вторгаться в решение разнообразных общественных проблем.

На VI съезде Рэнго спорили и принимали решения по каждому из этих главных направлений деятельности профсоюзов, но центральным стал вопрос об определении позиций конфедерации в усложнившейся расстановке политических сил.

Чтобы уяснить существо определенного съездом нынешнего политического курса Рэнго, следует рассказать о его предистории, мало освещавшейся в отечественной литературе.

По японскому законодательству профсоюзами считаются «организации или объединения организаций, созданные с главной целью самостоятельно добиваться защиты и улучшения условий труда и экономического положения». Организации, ставящие главной целью политическую или общественную деятельность, профсоюзами не признаются. Вполне естественно, что в процессе послевоенных демократических преобразований профсоюзы не могли стоять в стороне от политической борьбы, но принимали в ней участие главным образом в установленных законом рамках, оказывая поддержку определенным партиям, организуя вместе с ними массовые выступления в защиту демократии и мирного выбора для своей страны.

До появления Рэнго наиболее ярко политическая ориентация просматривалась у Генерального совета профсоюзов, который постоянно взаимодействовал с Социалистической партией Японии (СПЯ), и Всеяпонской конфедерации труда, которая являлась главной социальной опорой Партии демократического социализма (ПДС). В этих двух политических блоках профсоюзы оказывали кадровую, финансовую и моральную поддержку «своей партии» на парламентских и местных выборах, а партии координировали собственную политику с поддерживающими профсоюзами. Слияние в единую организацию национального масштаба Сохё и Домэй, а также двух других профцентров, у которых политическая ангажированность была не столь заметна, потребовало от Рэнго заново определить свои отношения с политическими партиями.

СПЯ и ПДС, находившиеся в состоянии «вечной оппозиции», Японскую конфедерацию не удовлетворяли. Она провозгласила намерение «способствовать формированию новой политической силы, способной

придти к власти, бороться за здоровую парламентскую демократию, при которой возможна сменяемость власти». Конфедерация объявила, что берет на себя «ответственность и роль застрельщика в преодолении разобщенности оппозиции, чтобы открыть путь к отстранению Либерально-демократической партии (ЛДП) от длительного единоличного правления. В практической деятельности Рэнго выразила готовность сотрудничать с «политическими партиями и организациями, которые имеют совпадающие цели и выступают с одинаковыми требованиями, при взаимном уважении самостоятельности», а решение вопроса о выборной поддержке определенной партии отдавала на усмотрение входящих в конфедерацию организаций. Отрицалась возможность сотрудничества с политическими силами, которые видят в образовании Рэнго «реорганизацию правого толка»[1].

Таким образом, в начале своего существования Рэнго сделала заявку на активное участие в перегруппировке политических сил, направленной на обеспечение сменяемости власти как важного атрибута парламентской демократии.

К концу 1991 г. руководство Рэнго конкретизировало главные направления этой деятельности:

1. «Новое сплочение политических сил, которые могут взять на себя власть вместо Либерально-демократической партии».

2. Конечная цель – «создание системы двух крупных партий». Ближайшая задача – добиться максимального сплочения политических сил, которые согласны с политикой и курсом Рэнго, за исключением Коммунистической партии.

3. Чтобы обеспечить нужное сплочение, важно сформировать согласие политических сил по принципиальным проблемам, прежде всего во взглядах на оборону и внешнюю политику страны, исходя из «реалистического понимания действительности».

Практически речь шла о солидарности Рэнго в ее деятельности главным образом с СПЯ, Комэйто (Партия чистой политики центристской ориентации, опирающаяся на буддистскую организацию Сока гаккай), ПДС и Социал-демократическим союзом (небольшая партия правого крыла социал-демократов), а также с фракцией депутатов, избранных в парламент по непосредственной рекомендации Рэнго. Вместе с тем предлагалось устанавливать отношения сотрудничества и с другими политиками. Расширению рамок сотрудничества с политическими силами, по мнению руководства Рэнго, должно было способствовать новое определение «желательной для конфедерации политики», в основу которой положен «либерализм» при приоритете общественных интересов. Рэнго выступила за осуществление

---

[1]Перевод полного текста программного документа Японской конфедерации профсоюзов см.: Япония 1991–1992. Ежегодник. М., 1994, с. 256-263.

структурных реформ в политической, экономической и социальной сферах[2].

На данной стадии определения политического курса Рэнго среди руководства конфедерации имелись заметные разногласия. Председатель политического комитета Т. Токумото, назвав главным новшеством готовность выйти за обычный круг сотрудничества профсоюзов с политическими силами, одновременно выражал сомнение в необходимости для них использовать идеи социал-демократии. Это расходилось с мнением председателя Рэнго А. Ямагиси, который в то время придерживался концепции сплочения в первую очередь социал-демократов, т.е. СПЯ, ПДС и СДС, при «наведении моста» с центристской Комэйто[3].

Параллельно с ревизией отношений с имеющимися политическими партиями Рэнго пыталась при их поддержке расширить и собственную депутатскую группу в парламенте. Такая группа от имени Общества Рэнго была создана еще в 1989 г., когда на выборах в палату советников от общества в парламент прошли 11 из 12 выдвинутых кандидатов. Однако на аналогичных выборах в 1992 г. все 22 новых кандидата Рэнго потерпели поражение в соперничестве с либерал-демократами. Эффективной совместной поддержки кандидатов Рэнго сотрудничающими с ней партиями не получилось из-за противоречий между СПЯ и партиями «среднего пути», обострившихся тогда в дискуссии о возможном участии японских вооруженных сил в разрешении международных конфликтов. Провал выборов по «формуле Рэнго» и сохраняющиеся противоречия между оппозиционными партиями побудили руководство конфедерации к публичной критике последних. А. Ямагиси осудил СПЯ за то, что внутри этой партии «социал-демократия уживается с марксизмом-ленинизмом», а ПДС и Комэйто – за их склонность к сотрудничеству с правящей ЛДП[4].

К этому же времени относится начало обсуждения внутри Рэнго идеи «создания новой партии», в том числе с возможностью включения в нее части либерал-демократов, если они покинут свою партию. Конкретно речь шла о привлечении в «новую партию» группы Ц. Хата – И. Одзава, обособившихся в ЛДП от наиболее влиятельной фракции Н. Такэсита. Одним из способов воздействия на характер формирования «новой партии» рассматривался особый, персональный отбор кандидатов на парламентских выборах для их поддержки со стороны профсоюзов.

После того, как в ЛДП произошел раскол и летом 1993 г. покинувшие ее деятели объявили о создании самостоятельных партий, руководство Рэнго в канун предстоявших выборов нового состава распущенной палаты представителей пригласило на заседание своего комитета по выборной полити-

---

[2] Сякай симпо. 06.11.1991.

[3] Там же.

[4] Асахи симбун. 01.08.1992 (интервью А. Ямагиси).

ке лидеров семи оппозиционных партий, за исключением коммунистической. Цель этой встречи, по словам А. Ямагиси, состояла в содействии установлению «дружеских отношений между семью партиями». Председатель Рэнго требовал здесь от СПЯ в интересах установления правления без ЛДП пойти на уступки другим участникам встречи и согласиться на признание неизменности внешней и оборонительной политики прежнего правительства. Иначе говоря, на СПЯ было оказано прямое давление, чтобы она отказалась от возражений против Японо-американского договора безопасности и признала «конституционность» японских сил самообороны. Помимо того, Ямагиси советовал поставить во главе будущего коалиционного правительства не лидера СПЯ, которая тогда была самой крупной партией среди всех потенциальных участников коалиции, а «кого-либо из консервативных лидеров». Рэнго, таким образом, выступила в роли «посредника», заботящегося об «отношениях взаимного доверия партий, выступающих против ЛДП»[5].

Последующий формальный призыв выборного комитета Рэнго к профсоюзам «всемерно поддержать кандидатов СПЯ и ПДС» практическими действиями в достаточной мере не подтверждался. СПЯ, потерпев крупное поражение на выборах палаты представителей (в которой ее депутатская группа сократилась почти вдвое), вынуждена была в дальнейшем прислушаться к «советам» руководства Рэнго. Благодаря уступкам СПЯ политическая платформа многопартийной коалиции была согласована, а ее правительство возглавил лидер Японской новой партии, бывший либерал-демократ М. Хосокава.

Внутри правящей коалиции сразу же начались коллизии. Проявилось стремление главы правительства и других либеральных политиков оттеснить социалистов от принятия принципиальных решений, а также за спиной СПЯ сколотить новую, объединенную партию, которая, по замыслу ее главного инициатора И. Одзава, должна стать еще одной консервативной партией в рамках двухпартийной системы. Рэнго не смогла выразить однозначного мнения по поводу такого развития событий.

На III съезде Рэнго (октябрь 1993 г.) официально утверждается политический курс, основные положения которого были опубликованы руководством конфедерации в 1971 г. Там же решено учредить «Политический форум Рэнго» как место для постоянного диалога с парламентариями различных партий с целью усиления влияния профсоюзов на начавшуюся перегруппировку политических сил. Но относительно того, кому и какую конкретно следует оказывать поддержку, единства в Рэнго по-прежнему не существовало.

А. Ямагиси, переизбранный председателем Рэнго на третий срок, признавал, что деятельность коалиционного правительства во главе с М. Хосо-

[5] Асахи симбун. 04.07.1993.

кава и, особенно, поведение Партии обновления в рамках коалиции вызывают недовольство профсоюзов. Не мог он согласиться и с концепцией политической системы в форме соперничества двух близких по мировоззрению и политическим целям партий. Более реалистичным, по его мнению, является сохранение многопартийной системы. Ямагиси высказывался в пользу «трехполюсной структуры: две консервативные и одна неконсервативная партии; в политической перестройке по этой схеме СПЯ должна играть роль «буксира неконсервативного объединения»[6].

Иного мнения придерживались многие другие руководящие деятели Рэнго, среди которых выделялся Э. Васио, избранный на том же съезде генеральным секретарем конфедерации. В японской прессе отмечалось, что Васио мало заботит судьба СПЯ; «имея связь с консервативными политиками, он не может выступать против планов двухпартийной системы»[7].

В то время Рэнго поддержала пересмотр порядка выборов палаты представителей. Вместо выборов по многомандатным округам, которые гарантировали сохранение многопартийности в парламенте, было введено избрание большей части состава палаты по одномандатным округам, а остальных ее членов – по партийным спискам и пропорциональной системе. Новый порядок выборов ключевой палаты парламента, как подтвердили позже результаты выборов 1996 г., оказался выгодным для восстановления в парламенте господствующих позиций ЛДП и способствовал еще одному поражению социал-демократов. Теперь с большим запозданием Ямагиси солидарен с теми, кто хотел бы вернуться к выборам по многомандатным округам. Он признает ошибочность прежней позиции: «был проглочен пирожок с ядом», пирожка, т.е. коалиционного правительства без ЛДП, давно уже нет, а яд остался[8].

Политическое противостояние внутри коалиционного кабинета М. Хосокава, а затем вокруг сменившего его кабинета Ц. Хата, в котором СПЯ непосредственно не участвовала, привело в конечном счете в 1994 г. к образованию необычной правящей коалиции в составе СПЯ, ее бывшего противника – ЛДП и небольшой партии Сакигакэ (группа парламентариев – выходцев из ЛДП). Появление нового коалиционного правительства, которое первоначально возглавил социалист Т. Мураяма, озадачило руководство Рэнго, по-разному было встречено в ее профсоюзах.

Выразив сожаление, руководство конфедерации однако подтвердило, что свою позицию, как и в отношении предыдущего правительства, будет определять исходя из того, какую политику будет проводить новое. Значительная часть отраслевых профсоюзов, входящих в конфедерацию, от поддержки социалистов не отказывалась, так как надеялась, что находясь у

[6] Майнити симбун. 04.07.1993.
[7] Асахи симбун. 04.09.1993.
[8] Асахи симбун. 10.03.1999.

власти, профсоюзы смогут более эффективно отстаивать традиционные позиции, отвечающие интересам трудящихся.

В сентябре 1994 г. А. Ямагиси под предлогом ухудшения здоровья ушел с поста председателя Рэнго. Его преемник Дз. Асида настаивал на дистанцировании конфедерации от политики. В целом же после ухода Ямагиси в руководстве Рэнго возобладали сторонники создания «новой партии» фактически без допущения в нее левого крыла социал-демократов. Это стало одним из факторов, благоприятствовавших образованию в декабре 1994 г. Партии новых рубежей (ПНР), в которой парламентарии из партий и групп бывших либерал-демократов объединились с политиками правого крыла социал-демократов и Комэйто. По численности депутатского корпуса ПНР стала второй после ЛДП и первой среди оппозиции.

В 1995 г. Рэнго еще раз заявляет о приверженности курсу на «новое сплочение политических сил, способных обеспечить правление вместо ЛДП». Одновременно признано необходимым «иметь отношения сотрудничества и согласия с СПЯ, Партией новых рубежей и Сакигакэ»[9], иначе говоря, независимо от их участия или неучастия во власти. Реально же более существенная поддержка многих профсоюзов оказывалась Партии новых рубежей, что помогло последней стать главным конкурентом либерал-демократов на выборах палаты советников в 1995 г. и палаты представителей в 1996 г. Однако ПНР, оставаясь конгломератом разнородных политических сил, к концу третьего года своего существования развалилась. Не оправдались надежды тех профсоюзных лидеров, которые в лице ПНР видели силу, способную стать одним из полюсов двухпартийной политической системы.

Нет оснований считать, что более успешно действовали и сторонники формирования «трехполюсной» политической системы. Большинство профсоюзов Рэнго оставалось безучастным, когда СПЯ официально призвала к созданию на своем месте более широкой партии, привлекательной как для людей, разделяющих идеи социал-демократии, так и для политиков либерального мировоззрения. Без поддержки профсоюзов конкретный план построения такой партии вылился лишь в роспуск СПЯ и провозглашение в январе 1996 г. Социал-демократической партии (СДП) с аморфными программными установками, но в прежнем, не изменившемся составе. Иначе поступило руководство Рэнго осенью 1996 г., когда близкий, по существу, к концепции «третьего полюса» призыв создать Демократическую партию прозвучал не от СПЯ, а от других политиков. Эта партия также мыслилась как новая сила, соперничающая за власть с ЛДП и ПНР. Заблаговременное обещание Рэнго тесного сотрудничества с Демократической партией, которое было дано инициаторам ее образования, при резком охлаждении интереса к СДП, побудило немалое число депутатов последней, опасаясь про-

[9] Иомиури симбун. 08.09.1995.

вала на выборах без профсоюзной поддержки, перейти под знамена новой партии. В результате на выборах палаты представителей, состоявшихся месяцем позже, Демократическая партия заняла третье место после ЛДП и ПНР, а СДП откатилась на пятое. В 1998 г. Демократическая партия пополнилась за счет части парламентариев распавшейся Партии новых рубежей – бывших либерал-демократов и бывших членов ПДС – и стала главной силой оппозиции.

Еще в то время, когда появились лишь первые признаки деградации ПНР, Демократическая партия делала первые шаги, а СДП, оставаясь формальным членом правящей коалиции, пока не решалась вернуться в оппозицию, в Рэнго остро ощущали ущербность создавшейся расстановки политических сил с точки зрения отражения профсоюзных интересов в парламенте. Э. Васио, избранный в 1997 г. председателем Рэнго, отмечал, что в условиях осуществления нынешних структурных реформ в соответствии с «неолиберализмом», т.е. по принципу всемогущества рыночного механизма, «совершенно не видно» попыток оппозиционных партий «представить собственную концепцию идеалов и принципов социально-экономической системы Японии XXI в.». «Народ, – продолжал Васио, – требует появления партии, основывающейся на политических принципах и идеалах, четко противостоящих неолиберализму»; а Рэнго «вынуждена активно вмешиваться в политику»[10].

В дальнейшем расстановка политических сил существенно изменилась, но не в пользу профсоюзов. В течение 1999 г. ЛДП привлекла на свою сторону сначала Либеральную партию, а затем и Комэйто. В результате правящая коалиция получила громадное превосходство в парламенте над остальными тремя партиями. С одной из них, коммунистической, Рэнго никаких отношений не поддерживает. В Демократической партии наблюдается заметный сдвиг вправо, теперь в ее руководстве большинство принадлежит бывшим либерал-демократам. СДП ослаблена, занимая последнее, шестое место в парламенте. Совокупное представительство ДП и СДП в парламенте не достигает того числа мест, которым в 1993 г. обладала одна СПЯ.

Главным рычагом «вмешательства в политику» у Рэнго по-прежнему остается взаимодействие с политическими партиями, используя их зависимость от профсоюзной поддержки на выборах. Следует, однако, заметить, что профсоюзные возможности влиять на выборную ориентацию своих членов неизменно сокращаются. Помимо того, за десять лет существования Рэнго единого мнения относительно выборной поддержки достичь не удавалось. В рамках Рэнго параллельно работали два органа взаимодействия с политическими партиями.

---

[10] Тюо корон. 1997, № 2, с. 70, 73.

Профсоюзы, входившие ранее в Домэй, учредили при образовании Рэнго Ассоциацию дружбы (Юаикай) с первоначальной целью поддержки Партии демократического социализма. Затем Юаикай поддерживала Партию новых рубежей, а после ее роспуска своих единомышленников в составе Демократической партии.

В то же время профсоюзы, ранее состоявшие в Сохё, сначала учредили Центр Сохё как орган поддержки СПЯ. В 1993 г. он преобразован в Совет солидарности с СПЯ, а позже в Совет профсоюзов за демократию и свободу, что отражало процесс размежевания в СПЯ – СДП, переход части их политиков в Демократическую партию.

Оба этих органа имели собственные филиалы на местах, в первом представлены 19 организаций с 2 млн. членов, во втором – 40 организаций с 5,7 млн. членов.

Настойчивое стремление руководства Рэнго добиться унификации поведения входящих в конфедерацию профсоюзов в их отношениях с партиями привело к тому, что в мае 1999 г. Юаикай и Совет профсоюзов за демократию и свободу объявили самороспуск. Однако деятельность Юаикай фактически продолжена в рамках новой организации – Юаи рэнраку кай (Общество дружеских связей). Перед наследниками Сохё встала более сложная задача, так как их политические симпатии разрываются между Демократической и Социал-демократической партиями. Видимо, частично их политическая деятельность будет осуществляться путем присоединения к реорганизованному в октябре 1999 г. Форуму движения за мир (Хэйва ундо фораму).

Желание Рэнго принимать решение о поддержке определенной партии исключительно в центре и усилить воздействие на партийную политику нашло отражение в решении VI съезда конфедерации учредить Политический центр Рэнго. Руководство этого нового органа формируется в составе пяти членов из расчета сбалансированного представительства существующих внутри конфедерации политических течений и во главе с генеральным секретарем Рэнго. Таким же образом учреждаются отделения Политического центра Рэнго в каждой префектуре.

На том же съезде одобрен новый, отличающийся от принятого в 1993 г., политический курс, которым должны руководствоваться профсоюзы конфедерации и Политический центр Рэнго. В нем подтверждена прежняя целевая установка, а именно: «добиваться нового сплочения политических сил, способного взять на себя власть», а в конечном счете «учредить систему двух больших партий». Состав «нового сплочения» на этот раз не конкретизируется, но на ближайшее время «осью» его формирования названа Демократическая партия.

При такой формулировке, за которой скрывается непреодоленные различия мнений, руководители Рэнго могут весьма свободно толковать рамки

сотрудничества с политическими партиями. Председатель Рэнго Э. Васио, например, хотя и заявляет: «Главное – опора на Демократическую партию», но не исключает сохранения сотрудничества с Комэйто и Либеральной партией, которые теперь стали союзниками ЛДП по правящей коалиции[11].

Как и прежде, составной частью политического курса Рэнго явилось изложение собственной позиции по дискуссирующимся в стране проблемам оборонной и внешней политики:

1. Дискуссию по оборонной политике следует вести в форме «народного обсуждения», раздельно по проблемам обороны в мирное время, при критических ситуациях «вокруг Японии», по так называемой проблеме действий «в чрезвычайных обстоятельствах».

2. Интерес к дискуссии о конституции возрастает, но он еще не достиг всенародного масштаба. Время выносить суждение о пересмотре конституции еще не пришло.

3. Японо-американские отношения сохранять и укреплять на почве взаимных интересов. Не останавливаться на военной стороне Японо-американского договора безопасности, ставить целью укрепление японо-американской экономической безопасности.

4. Право на оборону – суверенное право независимого государства. Силы самообороны Японии признаются на условиях исключительной обороны, последовательного гражданского контроля, трех неядерных принципов. В дальнейшем стремиться к их сокращению[12].

Отсюда видно, что Рэнго фактически снимает прежнее табу на участие в обсуждении проблемы пересмотра конституции, не возражает и против постановки вопроса о введении «чрезвычайного законодательства», планы которого ранее решительно отвергались многими профсоюзами. В то же время окончательного отношения к этим проблемам в политическом курсе Рэнго не высказывается. Тем самым сохраняется и возможность сотрудничества с политическими партиями, не определившимися по указанным проблемам или даже придерживающимися противоположных взглядов.

Пока трудно сказать, каким окажется действительный вектор воздействия Рэнго на продолжающийся процесс перегруппировки политических сил, насколько полезным это воздействие станет для самих профсоюзов. Внутри конфедерации далеко не преодолены и собственные политические противоречия, хотя Э. Васио утверждает, что они все же за десять лет сократились до 30% от прежнего уровня[13].

---

[11] Интервью Э. Васио. – Нихон кэйдзай симбун. 10.10.1999; Имомнури симбун. 15.10.1999.
[12] Асахи симбун. 15.10.1999.
[13] Нихон кэйдзай симбун. 10.10.1999.

Открывая последний съезд Рэнго, ее председатель вынужден был признать: «Политической силой профсоюзы обладали раньше, до Рэнго, во времена четырех рабочих организаций»[14].

Разумеется, главным в практической деятельности Рэнго было отнюдь не участие в «реорганизации политических кругов», как японцы обычно называют рассмотренные выше события, имеющие отношение к борьбе за власть. По девизом «сила и политика» профсоюзы конфедерации развертывали постоянную работу по защите экономических интересов рабочих, включаясь также в решение других общественных проблем. На первый план Рэнго поставила задачи «политического, системного значения» и «формирование согласия» в современном, «зрелом» гражданском обществе. Актуальность тесной увязки экономической борьбы профсоюзов с повышением их социальной роли подтверждалась японской действительностью 90-х годов, особенно с началом проведения структурных реформ.

«Путем усиления мощи профсоюзов, проявления их социальной роли, – пишет председатель Рэнго, – мы пытаемся активно включиться в создание прозрачных рыночных принципов и социально-справедливых правил, т.е. в формирование социального пространства, в котором можно было бы постоянно дополнять и исправлять рыночные провалы. Наши основные идеалы – «справедливость, беспристрастность, равенство, участие». Мы должны осуществлять контроль, чтобы не допустить чрезмерного акцента на «конкуренцию, эффективность, свободу»»[15]. О намерении Рэнго и далее работать в этом же направлении Э. Васио заявил, подводя итоги последнего съезда конфедерации: «При рыночных принципах естественно поражение слабых. Мы хотим серьезно относиться к чувству взаимопомощи. Будем делать упор на политические, системные требования к государству, отличающиеся от логики предприятия и рыночных принципов»[16].

И до образования Рэнго японские профсоюзы, что наглядно проявлялось, например, в «народных требованиях» «весенних наступлений», отнюдь не зацикливались на экономической борьбе за собственные интересы. Отличие нынешнего подхода Рэнго к совмещению экономических и социальных функций профсоюзов его руководители видят в том, что эта работа осуществляется «по типу участия, разнящегося с методами прежних профсоюзов». Деятельность «по типу участия» предполагает: «расширение контактов, переговоров с министерствами и управлениями, обращения к пра-

[14] Иомиури симбун. 15.10.1999.
[15] Тюо корон. 1997, № 12, с. 69.
[16] Иомиури симбун. 15.10.1999.

вительству и партиям, активное участие в консультативных советах[17], совместные с промышленными кругами действия»[18].

Действительно, все эти формы работы вошли в повседневную практику центральных органов Рэнго. В рамках Рэнго создан Институт комплексных исследований, готовящий необходимые для нее материалы и заключения.

В последние годы, характерные необычно высоким для Японии уровнем безработицы, Рэнго, например, вела переговоры по проблеме обеспечения занятости с Федерацией предпринимательских организаций, совместно с последней излагала свои требования премьер-министру, вступала в консультации с правящими и оппозиционными партиями. Мнение Рэнго нашло определенное отражение в ряде правительственных решений по антикризисной политике и мерам по расширению рабочих мест. На последнем съезде руководители Рэнго обещали «настойчиво требовать от каждой партии» принятия в парламенте решений о крупных дополнительных ассигнованиях в государственном бюджете и других неотложных мерах, чтобы открыть более 1,4 млн. рабочих мест[19].

Тем не менее в своем воздействии и на решение неотложных проблем, и на процесс начавшихся реформ, профсоюзы явно проигрывают в сравнении с предпринимателями, которые (прежде всего в лице Федерации экономических организаций) задают тон нынешним преобразованиям, возглавляя консультативные органы, в которых разрабатываются рекомендации правительству по содержанию и темпам реформ, предъявляя правительству также и требования от собственного имени. Отставая в определении своих позиций, Рэнго вынуждена занимать оборону, вести «арьергардные бои». Так, например, внутри Рэнго продолжаются споры, касающиеся отношения к различным планам реформы системы социального обеспечения. А тем временем в парламенте по правительственным предложениям принимаются важные решения.

Так же обстоит дело с идущим сейчас пересмотром ряда положений трудового законодательства, в том числе и относительно недавно принятых и введенных в действие. В 1997 – 1998 гг. парламент одобрил правительственные предложения о поправках к Закону о трудовых стандартах, которые аргументировались необходимостью учитывать изменения во внутренней и внешней обстановке, структурными социально-экономическими переменами, плюрализацией форм труда и сознания трудящихся и т.п. причинами. Этими поправками расширена сфера применения «труда по усмотрению», т.е. ненормированного по распределению рабочего времени, отменены некоторые ограничения сверхурочных и ночных работ для женщин, установ-

---

[17] Совещательные органы, учреждаемые на постоянной или временной основе при премьер-министре и других правительственных органах.

[18] Тюо корон. 1997, № 12, с. 71.

[19] Иомиури симбун. 15.10.1999.

лены сокращенные сроки действия трудовых договоров при найме пожилых людей и специалистов для производства новых товаров и технических разработок. Некоторые дополнения к предложенным формулировкам этих поправок, внесенные в парламенте в связи с возражениями профсоюзов, существа нововведений не изменили. Такое законотворчество воспринимается как содержащее «большую опасность возвращения к нерегулируемому длительному рабочему времени периода начального капитализма» и ведущее к «дальнейшей неустойчивости положения трудящихся»[20].

Стремясь переломить невыгодную для трудящихся тенденцию в пересмотре трудового законодательства, две группы разработчиков собственного мнения Рэнго по этому вопросу представили недавно комплексные предложения о «новых трудовых правилах», которые обеспечили бы справедливые условия труда и при наблюдающемся сегодня желании предпринимателей расширить временный наем, труд в неполное рабочее время, более свободное применение сверхурочных работ, использование прочих «гибких» форм труда и его оплаты. Особое внимание в этих предложениях уделено способам гарантирования стабильной занятости[21]. В принятый IV съездом курс деятельности Рэнго включена задача изучения и разработки «японского способа» взаимосвязанного сокращения рабочего времени и обеспечения занятости[22]. В этих рамках, вероятно, имеется в виду использовать и предложения о «новых трудовых правилах».

Опираясь на силу своих организаций, обращаясь к коллективным переговорам и в принципе не отказываясь от забастовок и прочих форм борьбы, Рэнго при своем образовании поставила задачу добиваться повышения заработной платы как одного, но не единственного звена в комплексной деятельности, направленной на улучшение жизни рабочих. Профсоюзы конфедерации – постоянные участники «весенней борьбы», осуществляемой по-прежнему в национальном масштабе. Однако раскаты «весенней борьбы» становятся менее слышными, поднимающиеся на них проблемы – более ограниченными, а результаты – скромными. Требования повышения заработной платы заглушаются боязнью потерять рабочие места. Успехи весенних наступлений во многом определяются выдвижением общих для профсоюзов, согласованных требований, координацией их массовых выступлений. Однако теперь центральные органы Рэнго, настойчиво поднимая вопрос о разграничении функций и ответственности с отраслевыми и первичными организациями, постепенно снижают собственную активность в руководстве «весенней борьбой». А в некоторых отраслевых профсоюзах

[20] Сэкай. 1998, ноябрь, с. 34, 37.
[21] Нихон кэйдзай симбун. 16.10.1999.
[22] Иомиури симбун. 16.10.1999.

начинают говорить, что «сегодня уже отпала необходимость в объединенной весенней борьбе»[23].

Подобные настроения появляются прежде всего там, где рушится практика пожизненного найма, внедряются формы оплаты не по трудовому стажу, а по результативности, и, следовательно, становится более трудно установить единые, удовлетворяющие всех членов профсоюзов требования в «весенней борьбе». В условиях глобализации экономики, ведущей к ужесточению конкуренции между предприятиями, еще более обнажились недостатки главной особенности японских профсоюзов – их «пофирменного» построения, которое усложняет согласование позиций первичных организаций на уровне одной отрасли.

Среди задач «весенней борьбы» первостепенное значение обретает обеспечение занятости. Характерно, что при обследовании общественного мнения, проведенном осенью 1999 г. газетой «Асахи», почти половина опрошенных (44%) отдали приоритет сохранению работы перед заработной платой, 35% такую постановку вопроса считают нежелательной. Тогда же 49% респондентов признали позитивную роль профсоюзов в деле защиты условий жизни и сохранении занятости, но немалая их доля (38%) заявила, что они на профсоюзы не надеются[24].

Обобщающим показателем потенциальных возможностей и реальной силы профсоюзного движения считается уровень организованности рабочих. В Японии доля организованных в профсоюзы, державшаяся в послевоенное десятилетие на уровне 40-50% (пик в 1949 г. – 55,8%), затем практически непрерывно падала. Снижение организованности продолжилось и после образования Рэнго, спустившись в 1997 г. до 22,4%, самого минимального уровня за все послевоенное время. Поставленная конфедерацией цель довести собственную численность до 10 млн. членов также оказалась непосильной. Более того, она даже несколько сократилась. В рамках Рэнго объединено лишь около 13% наемных работников. Комментируя этот факт, японские обозреватели отмечают, что конфедерации трудно говорить в нынешнем ее состоянии о «представительстве всех рабочих»[25].

Конечно, уровень организованности в профсоюзы снижался по многим причинам: вследствие роста общего числа занятых, изменения соотношения между работниками сферы производства и обслуживания в сторону последней, плюрализации форм найма (неполный рабочий день и т.п.), роста индивидуалистских наклонностей, ослабляющих солидарное сознание, и т.д. Но в немалой степени падению организованности способствовали определенная «бюрократизация» профсоюзов, окостенение методов их практической работы, не позволявшие своевременно учитывать перемены в ор-

---

[23] Тюо корон. 1998, № 6, с. 102.
[24] Асахи симбун. 05.09.1999.
[25] Асахи симбун. 14.10.1999.

ганизации производства, запросах и сознании рабочих. Постоянный резерв для пополнения профсоюзов – работники малых предприятий, нуждающиеся в солидарной защите своих интересов. Но работа по их привлечению тормозилась непреодоленными противоречиями в Рэнго между наследниками прежних профцентров Сохё и Домэй. Вместо сосредоточения такой работы в имевшихся ранее многочисленных территориальных объединениях предпринимались попытки создания новых местных органов профсоюзов, которые не подкреплялись достаточной поддержкой ни из центра, ни от отраслевых объединений.

Осознавая фактический провал в организационной работе, Рэнго приняла новый план ее активизации. Центральные органы конфедерации берут на себя учреждение фонда для финансирования работы местных, территориальных союзов, командирование на места своих консультантов, проведение семинаров для местных организаторов, определение сроков национальных кампаний с целью привлечения новых членов профсоюзов. На местах намечено усилить деятельность цеховых и других, помимо «фирменных», территориальных профсоюзов. Их привлекательности для работников малых и мельчайших предприятий, где профсоюзов не имеется, должна способствовать и организация движения за повышение устанавливаемого на местном уровне минимума заработной платы.

Заканчивая краткие, не претендующие на всесторонность заметки, связанные с десятилетием Японской конфедерации профсоюзов, мы не можем не согласиться с тем, что одновременно с осуществлением глубоких структурных реформ в Японии и ее профсоюзное движение, как об этом говорят тамошние журналисты, также нуждается в «большой встряске».

Потенциал правящей элиты

Э.В. Молодякова

Бурные события 90-х годов, о которых уже приходилось писать в предыдущих выпусках ежегодника, чрезвычайно усложнили политическую жизнь Японии. Однако власть по-прежнему остается в руках консервативно ориентированной элиты, принявшей и содействовавшей укоренению в стране демократии, обладающей своими специфическими чертами. В настоящее время в политической элите представлен весь спектр партий. Самый большой ее сегмент, несмотря на все происшедшие перемены, занимают либерал-демократы, которые входят не только в правящую, но и в консервативные оппозиционные партии, ибо у них одна alma mater – ЛДП. При ее создании в середине 50-х годов произошло объединение в одну структуру трех фракций из либеральной партии (Сигэру Ёсида, Такэтори Огата, Банбоку Оно) и пяти из демократической и партии реформ и прогресса (Итиро Хатояма, Тандзан Исибаси, Нобусукэ Киси, Мамору Сигимицу, Кэндзо Мацумура и Такэо Мики). Из них жизнеспособными оказались лишь фракции Ёсида, Хатояма, Киси и Мацумура–Мики, хотя они не раз раскалывались и объединялись; остальные же были распущены в 60-70-е годы.

ЛДП с самого начала обрела фракционную структуру, став своего рода прокрустовым ложем для фракций, что и предопределило их борьбу за лидерство в ней и соответственно за власть в стране, поскольку согласно политической традиции председатель правящей партии становится премьер-министром. Это проявилось уже на следующий год после создания партии при избрании нового председателя после отставки И. Хатояма с поста премьер-министра. Его преемник Т. Исибаси прошел лишь потому, что две фракции, выдвинувшие своих претендентов, договорились при последнем голосовании поддержать его кандидатуру. Достижение альянса соперничавших фракций, соблюдение баланса сил – залог успеха в борьбе за высший пост в партии. Эта тенденция, несмотря на формальный роспуск фракций, продолжается и по сей день. Примером может служить избрание председателем ЛДП Кэйдзо Обути летом 1998 г. Он не самый влиятельный политик в партии, и у него были очень сильные конкуренты: один из старейших и опытнейших деятелей – Сэйроку Кадзияма и молодой реформатор, один из несомненных будущих лидеров – Дзюнитиро Коидзуми, которого поддерживает молодое поколение либерал-демократов. Однако К. Обути сумел договориться о поддержке своей кандидатуры не только собственной фракцией, но и очень влиятельной фракцией Миядзава, а также

персонально с этим старейшиной ЛДП. Кроме того, он обеспечил поддержку бывшего в то время генеральным секретарем ЛДП Коити Като и группы молодых либерал-демократов во главе с очень перспективным политиком Таку Ямадзаки, которого в будущем прочат на пост президента партии, но его время пока не пришло.

Однако на очередных выборах председателя ЛДП в 1999 г. и К. Като и Т. Ямадзаки были уже соперниками К. Обути в борьбе за этот пост. Последний сумел обеспечить себе поддержку почти 70% депутатов, принадлежащих к разным фракциям. За него проголосовало 257 из 371 депутата обеих палат парламента плюс 95 представителей префектуральных партийных организаций. (Они представляли 1,43 млн. членов и друзей партии, 10 тыс. голосов которых равняются одному голосу депутата. В этом году достаточно низкий показатель представительства с мест – 49,3% от 2,91 млн. членов партии, что свидетельствует о незаинтересованности рядовых либерал-демократов в делах партии) Так что фракции продолжают функционировать, хотя о них теперь говорят «бывшая фракция такого-то». (Для удобства в тексте они по-прежнему будут называться просто фракциями.)

Формирование правящей элиты либерал-демократов с самого начала было связано с существованием фракций. Первоначально они представляли собой достаточно независимые от центрального руководства объединения с жесткой дисциплиной и субординацией, подчиненностью лидеру, со своими, и это очень важно, финансовыми средствами. Однако постепенно определенные политические различия между фракциями (в общем и целом весьма несущественные) стирались, но сохранялись личностные отношения, которые тоже со временем ослабевали, что приводило к «бунту» молодых (вспомним создание в 1976 г. Нового либерального клуба – НЛК – или различных исследовательских групп, клубов, обществ по изучению политики внутри ЛДП). Фракционность теперь базируется на прагматичности, практицизме, взаимовыгоде и взаимосвязи ради обретения власти.

Во фракции входит большинство депутатов ЛДП в обеих палатах парламента. Для депутатов палаты представителей принадлежность к какой-либо фракции практически обязательна, ибо без такой поддержки весьма затруднительно молодому политику получить мандат депутата. Фракционность ЛДП связана в первую очередь с многовариантностью финансовой поддержки, ибо фракции контролируют финансовые потоки. Постоянная борьба между ними вела к их расколу и новому объединению, перетеканию членов из одной в другую. Так, во второй половине 50-х годов раскололась фракция Ёсида, и входившие в нее два влиятельных политика из довоенных бюрократов Х. Икэда и Э. Сато создали свои. Почти в то же время аналогичный процесс шел во фракциях Хатояма и Киси. От вновь образовавшихся ведут свои происхождение все шесть нынешних фракций, которые

за последние два года несколько раз перегруппировывались, что свидетельствует об усилении фрагментарности внутри правящей партии.

Подвижный характер отношений между фракциями позволяет членам правящей элиты отклоняться влево и вправо от консервативного центра. Примером может служить противостояние между принадлежавшими в свое время к одной фракции «голубем» Ёхэй Коно и «ястребом» Митио Ватанабэ при избрании председателя партии в 1993 г. В сложное для нее время, когда на повестке дня стоял вопрос о необходимости проведения политической реформы, председателем стал Ё.Коно (208 голосов – за, 159 – против), бывший тогда генеральным секретарем и имевший имидж реформатора, поскольку уже выходил из ЛДП и создавал свою партию – Новый либеральный клуб. Кроме того, у него не было своей фракции, т.е. он как бы стоял над схваткой. Но уже на следующих выборах, понимая, что не имея фракции, он не будет иметь поддержки, Ё. Коно выходит из борьбы, и лидером партии становится Рютаро Хасимото, победивший Д. Коидзуми с убедительным счетом – 304 против 87 голосов. Однако Ё. Коно продолжает диссидентскую деятельность, и в настоящее время возглавляет так называемую «группу Коно» из 16 депутатов парламента. Сподвижник Х. Икэда, влиятельный политик, бывший спикер палаты представителей парламента Сигэсабуро Маэо уподобил подвижную структуру ЛДП «качающемуся маятнику»[1]; это определение вполне справедливо и для характеристики проводимой ею политики.

Борьба между фракциями ведется не на идеологическом или доктринальном уровне, а за право в данный момент возглавить партию и правительство. В определенной степени межфракционную борьбу можно уподобить межпартийной (в среде консервативно ориентированных партий). Фракции сменяют друг друга в руководстве партии, и, казалось бы, власть демократическим путем переходит от одной группировки к другой. Но на деле все решается договоренностью между фракциями об очередности выдвижения их лидеров на пост председателя партии и премьер-министра. В настоящее время необходимо договориться четырем из шести фракций, чтобы выбрать председателя. В связи с таким механизмом выбора определен срок полномочий – два года. Если, скажем, он был бы четыре года, то кандидат второй фракции должен был бы ждать четыре года, а третьей – шесть и т.д. В истории ЛДП были исключения, но они объяснялись особыми причинами. В частности, Я. Накасонэ занимал этот пост пять лет, ибо бывшая тогда суперфракция Танака, контролировавшая внутрипартийную жизнь, не выдвигала своего кандидата. Но, безусловно, это было возможно в условиях полного бессилия оппозиционных партий. Избрание в 1995 г.

---

[1] *Kishimoto Koichi.* Politics in Modern Japan. Tokyo, 1997, p. 132.

председателем партии Рютаро Хасимото и назначение его премьером коалиционного правительства в январе 1996 г. стало своего рода нарушением сложившейся политической практики, ибо уже действовала сильная оппозиционная партия, и он располагал поддержкой не столько фракций (кстати, у него не было собственной фракции), сколько так называемого общественного мнения. В личности Р. Хасимото в тот момент увидели тип лидера, способного решить внутри- и внешнеполитические задачи. Для Японии – это достаточно нетипичный случай, а для западных стран – ординарный. Однако избранный не вполне по законам фракционного механизма Р. Хасимото был смещен вполне по сценарию фракционной деятельности, к тому же слабым местом его политики была неспособность решить экономические проблемы.

Внутрипартийная жизнь правящей ЛДП была и остается практически недоступной для публичного контроля, ибо в соответствии с японской системой принятия решений, движение к достижению согласия идет путем утрясок и компромиссов, скрытно и закулисно, а обществу преподносится уже готовое решение. Безусловно, в ЛДП существовали и существуют различные точки зрения по важнейшим внутри- и внешнеполитическим проблемам, но публично члены партии всегда демонстрируют убедительное единство, не давая оппозиции шанса вступить в борьбу за власть. Партия добивалась согласия всех фракций, что и позволяло ей занимать все руководящие посты в правительстве, оказывать прямое воздействие на законодательный процесс, сдерживать до поры до времени внутренние центробежные тенденции. Подобное положение неминуемо вело к окостенению ее структуры, несменяемости лидеров, препятствовало притоку молодого поколения политиков, т.е. лишало ее способности к саморазвитию. Этот дисфункциональный потенциал особенно возрос с созданием суперфракции Танака–Такэсита к концу 70-х годов, когда борьба между лидерами фракций сменилась фактической борьбой за поддержку руководителя этой фракции, который стал могущественным теневым лидером. Наличие такой мощной фракции изменило картину внутрипартийной жизни, поскольку в ней установилась власть доминантной фракции.

На протяжении более 20 лет после создания «системы 1955 г.» соотношение правящей партии и оппозиции отражало реальную картину общества, в котором ЛДП представляла общенациональные интересы и интересы всего народа, а оппозиционные партии, кроме социалистической, – отдельных небольших групп. Некоторые политические обозреватели уподобили правящую партию универмагу, который может предложить покупателям товары на любой вкус, а известный американский японовед Д. Окимото на-

звал ее «большой коалицией», учитывая широкий спектр интересов, которые она представляет[2].

Диверсификация национальных интересов, усложнение социальной структуры общества, возникновение гражданских движений в начале 70-х годов впервые заставили правящую элиту задуматься о необходимости коррекции своих действий. Знаковым явлением было получение КПЯ на всеобщих выборах 1972 г. 39 мест в палате представителей парламента, что позволило ей стать третьей по представительству парламентской партией, пропустив вперед социалистов. (Спустя четверть века ситуация практически повторилась, но на этот раз впереди оказались лишь консерваторы, а социалисты сошли с политической арены.) В 1989 г. для доминантной партии очень неприятным фактом явилось выдвижение в палате советников лидера социалистов Такако Дои на пост премьер-министра как альтернативы Тосики Кайфу. (Кстати, летом 1998 г. произошло аналогичное событие: палата советников проголосовала за лидера демократической партии Наото Кан против К. Обути. Но, как известно, голосованию в палате представителей отдается преимущество.) В 1992 г. группа молодых либерал-демократов во главе с Морихиро Хосокава создала небольшую Новую партию Японии (Нихон синто). Все это были очень серьезные подсказки правящей партии о неблагополучии в ее рядах и политике. Следует отметить сужение социальной базы поддержки либерал-демократов. В основном их по-прежнему поддерживают жители сельскохозяйственных районов, представители старших возрастных групп населения и работники строительной индустрии, т.е. те слои, значение которых в обществе объективно идет на убыль. Но за всеми названными событиями стоял протест не против консервативной идеологии, а против конкретной политики либерал-демократов, которые не учитывали интересы различных слоев населения. На протяжении всей послевоенной истории ЛДП была и остается доминантной партией.

Появление внутри ЛДП суперфракции связано с личностью Какуэй Танака. Единственный среди японских премьер-министров не имевший высшего образования, он вошел в политику одновременно с Я. Накасонэ, впервые получив депутатский мандат в 1947 г. На высшем посту в партии и государстве он сменил абсолютного долгожителя – Э. Сато (занимал его 2798 дней). Несмотря на короткий срок официального пребывания во власти (1972-1974), К. Танака оказал чрезвычайно большое влияние на формирование правящей элиты, на внутриполитическую жизнь страны, ибо им была создана своего рода двойственная структура власти. Вынужденный уйти в отставку из-за скандала, связанного с получением взятки от американской

---

[2] *Okimoto Daniel.* The Liberal-Democratic Party's Grand Coalition. Stanford University, 1988.

компании «Локхид», переживший арест в 1976 г. и выпуск под залог, испытавший длительное судебное разбирательство, которое закончилось приговором к четырем годам тюремного заключения, в 1983 г. К. Танака продолжал возглавлять самую большую фракцию ЛДП, хотя формально и покинул партию. На выборах в палату представителей в 1986 г. уже после вынесения приговора (который он обжаловал в высшей судебной инстанции, что на несколько лет откладывало его приведение в исполнение) К. Танака получил в два раза больше голосов, чем ближайший соперник из семи претендентов в его «родовом» избирательном округе в преф. Ниигата.

К. Танака создал собственную мощную команду, которую называли «гундан» («боевой отряд»), действовавшую весьма эффективно, поскольку, с одной стороны, он вербовал в ее ряды, пожалуй, самых способных, деятельных, амбициозных политиков, готовых работать в его агрессивной манере, но под строжайшим контролем. С другой стороны, К. Танака оказывал своим сторонникам колоссальную финансовую и организационную помощь при завоевании мандатов в органах законодательной власти и получении постов в органах исполнительной. Но при этом К. Танака не только не готовил себе преемника, но даже не допускал мысли об этом, справедливо полагая, что второй сильный лидер рядом – угроза его власти. После отставки, регулируя назначения премьеров (в частности, Я. Накасонэ во многом обязан его поддержке), он никогда не предлагал своих сторонников на этот пост.

К. Танака сумел сплотить вокруг себя когорту политиков различных поколений, которые активно работают и в настоящее время. Наиболее влиятельными среди старших соратников являлись Нобору Такэсита (74 года) и скончавшийся в 1993 г. Син Канэмару (оба одновременно были избраны в палату представителей парламента в 1958 г. и сразу же примкнули к фракции Сато). Они были ключевыми фигурами во фракции Танака. Их связывали не только деловые, но и семейные узы. Стоит заметить, что К. Танака весьма поощрял подобное скрепление политических альянсов, что вполне в традициях японской политической культуры. Позже он добавил к этому альянсу своего любимого ученика Итиро Одзава, женив его на дочери строительного магната из преф. Ниигата, открыв таким образом доступ к весьма серьезным финансовым поступлениям. Вообще строительный бизнес – главный спонсор электоральной и финансовой империи Танака[3].

Готовясь занять пост председателя ЛДП и главы правительства, К. Танака на выборах в палату представителей в 1969 г. активно поддержал многих молодых кандидатов, обеспечивая себе их поддержку в парламенте. Вербуя по поручению К. Танака новых членов фракции, И. Одзава откро-

---

[3] *Schlisinger J.M.* Shadow Shoguns. N.Y., 1997, p. 178.

венно говорил:«Если присоединитесь к нашей фракции, то вам обеспечена финансовая и организационная поддержка. В противном случае у вас будут весьма серьезные оппоненты в избирательном округе»[4].

Внутри суперфракции Н. Такэсита не раз пытался поднять вопрос о необходимости смены поколений в руководстве. В конце 70-х - начале 80-х годов более 40% либерал-демократов в парламенте принадлежало ко второму поколению политиков, главным образом это были выходцы с мест, а третье поколение (Р. Хасимото, К. Обути, И. Одзава, Ц. Хата, М. Хосокава, кстати, все из одной суперфракции) только вступало в большую политику. В это время в других фракциях ЛДП достаточно спокойно власть переходит в руки политиков одного с Н. Такэсита возраста – около 60 лет. В 1984 г. всесильная троица Такэсита–Канэмару–Одзава начала борьбу за смещение К. Танака. К этому времени каждый из них почувствовал себя очень уверенно. Н. Такэсита в отдельные годы персонально собирает больше финансовых пожертвований, чем все остальные члены фракции, тратя их на перетягивание на свою сторону союзников. Обладающий огромными финансовыми возможностями С. Канэмару (известный в японской политике как мастер выполнять черновую работу для публичных политиков, но никогда не имевший шансов претендовать на пост премьер-министра) заручается полной поддержкой И. Одзава, добившись для него, несмотря на противодействие оппозиции из-за молодости претендента, влиятельного поста в парламенте.

В 1985 г. К. Танака был устранен из руководства фракции, но не оппонентами, реформаторами или интеллектуалами, а принадлежавшими к разным поколениям ближайшими сторонниками. Они использовали типичный для японской политической культуры прием – создали Общество творческой политики (Сосэйкай) якобы для изучения положения внутри фракции. Это было прикрытие, механизм для вербовки союзников из числа членов фракции. В июле 1987 г. Такэсита–Канэмару–Одзава официально объявили о создании новой фракции, к которой присоединились 113 человек из старой. К. Танака ушел с политической арены, но созданная им машина продолжала работать, перейдя в руки нового поколения политиков. Руководящий треугольник на европейский лад называли «королевской семьей», а по-японски «итикири», что означает «эксклюзивная семья».

Суперфракция Танака–Такэсита (так можно называть ее по сути) функционировала до 1992 г., хотя кризис правящей элиты обозначился с отставкой в 1989 г. кабинета Такэсита и последовавшей затем не свойственной японской политической системе чехардой премьер-министров (за один 1989 г. сменилось три главы правительства). В связи с грандиозным скан-

---

[4] Tokyo Business Today. 1990, July, p. 14.

далом, в связи с подкупом значительного числа политиков и высших государственных чиновников фирмой «Рикруто», поражением ЛДП на выборах в палату советников и потерей там большинства на посту премьера Н. Такэсита на несколько месяцев сменил Сосукэ Уно. Он не был замешан в скандалах, связанных с коррупцией, но пострадал от скандала, имевшего отношение к его моральному облику. ЛДП нужна была передышка и премьером стал сравнительно мало известный, но имевший имидж «чистого» политика Т. Кайфу. К слову сказать, его назначение энергично поддержал С. Канэмару. Т. Кайфу связал свою судьбу с проведением политической реформы. Это было не случайно. Такая реформа стала приоритетом внутренней политики, за ее проведение выступали все партии, но каждая понимала ее по своему, преследовала свои цели. ЛДП надеялась с помощью, прежде всего, реформы избирательной системы и системы контроля за поступающими в партийные фонды финансовыми средствами подправить свой облик в глазах избирателей.

Однако именно во время премьерства Уно и Кайфу полностью обнажился стиль действия двуструктурной системы власти, т.е. стало абсолютно ясно, у кого реальная политическая власть – у правительства или суперфракции. Американский политолог Я. Шлезингер пишет:«И в Токио и за границей не заблуждались на счет того, что японский премьер-министр был не более чем церемониальной фигурой. Даже когда Н. Такэсита оставил официальный пост, президент США Дж. Буш направил ему послание с просьбой о продолжении поддержки. Н. Такэсита регулярно посещал в последующие два года Белый дом, а И. Одзава и С. Канэмару взяли на себя ответственность непосредственно вести наиболее деликатные переговоры с США и другими странами»[5]. И это несмотря на то, что, например, Т. Кайфу был очень популярен в стране: согласно опросам общественного мнения его поддерживало более 50% населения.

Главная причина такой ситуации была в том, что сложившийся специфический механизм взаимодействия так называемой железной триады (симбиоз политиков, бюрократии и бизнеса), который с середины 70-х годов начал давать сбои, в 90-е годы перерос в острый кризис, разрешение которого требовало немедленного и одновременного проведения политической, административной, финансовой и других реформ. Иными словами, изменились условия, в которых функционировала двойственная структура власти, созданная К. Танака. Страна стояла перед новыми вызовами, и ЛДП должна была ответить на них, а для этого требовалась прежде всего перегруппировка сил внутри самой партии.

---

[5] *Schlisinger J.M.* Shadow Shoguns, p. 206.

Межфракционная борьба обнаружила неспособность правительства принимать конструктивные решения, что и вызвало отставку Т. Кайфу осенью 1991 г. Его сменил лидер одной из фракций – К. Миядзава, к назначению которого тоже имел непосредственное отношение С. Канэмару. С приходом этого сильного политика связывались большие надежды на то, что первоочередная политическая реформа станет инструментом оздоровления политики. Однако именно на период его нахождения у власти и пришелся пик кризиса правящей элиты, приведшего к серьезным переменам внутри ЛДП. К. Миядзава (79 лет) принадлежит к потомственной политической элите страны, он парламентарий в третьем поколении, связан семейными узами с несколькими финансово-промышленными кланами. До того как стать премьер-министром, он уже четыре десятка лет был депутатом парламента, занимал 13 различных постов в правительстве, в том числе министра финансов, которым он вновь стал в 1998 г. в кабинете К. Обути.(Небывалый случай для Японии, чтобы бывший премьер-министр становился министром.) Интеллектуал и бюрократ К. Миядзава был антиподом политикам типа К. Танака и С. Канэмару, но ему пришлось поступиться своими амбициями, чтобы заручиться поддержкой суперфракции.

В 1992 г. разразился очередной громкий скандал, в котором оказался замешанным и затем арестован С. Канэмару. Сразу же встал вопрос о новом руководителе крупнейшей фракции ЛДП (108 человек). Спустя две недели после ареста С. Канэмару главой фракции стал К. Обути, но недовольный этим решением И. Одзава создал внутри нее неформальную группу (вспомним действия Н. Такэсита и его союзников при смещении К. Танака!). В результате сложной борьбы в декабре 1992 г. фракция раскололась на две соперничающие группы: одна во главе с К. Обути, другая – с И. Одзава. Однако официальным лидером последней стал Ц. Хата, поскольку у него был более приемлемый имидж публичного политика. И. Одзава (56 лет) с самого начала политической деятельности не любил находиться на переднем плане, выступать с речами, общаться с прессой, а предпочитал закулисные игры. Он был типичным «серым сёгуном», который в соответствии с японской политической культурой вершит дела в тиши традиционных ресторанов. В 47 лет он стал генеральным секретарем ЛДП, более десяти лет занимался организацией избирательных кампаний партии. Под его непосредственным контролем либерал-демократы одержали убедительную победу в 1990 г. на всеобщих выборах, получив 275 мандатов. И. Одзава даже называли «богом избирательных кампаний»[6]. Но его манера действий работала против имиджа современного демократического лидера. С начала 90-х годов И. Одзава меняет тактику и начинает появляться на публике.

---

[6] Майнити симбун. 02.07.1998.

К. Обути (61 год) был избран в палату представителей с первой попытки в 1963 г. в возрасте 26 лет (одновременно со своим одногодкой Р. Хасимото) после смерти отца (в 1968 г. его путь повторил И. Одзава). В правительстве Н. Такэсита он был генеральным секретарем кабинета (ему выпала честь официально провозгласить начало новой эры в истории Японии – Хэйсэй – после смерти императора Сёва). Именно с Н. Такэсита связана активная политическая деятельность К. Обути. Он был одним из главных участников процесса смещения К. Танака, после чего возглавил секретариат суперфракции. На этой должности проявилась его способность добиваться консенсуса различных фракций. В 1991 г. К. Обути был назначен генеральным секретарем ЛДП, а в 1994 г. стал заместителем председателя партии. В правительстве Р. Хасимото он возглавил министерство иностранных дел. Доработав срок своего предшественника, он вновь был избран председателем ЛДП.

К. Обути считался осторожным и умеренным политиком, но, по мнению многих обозревателей, ему не хватало решительности, и он не обладал характером лидера[7]. Это не вполне справедливо. К. Обути был закаленным бойцом. Ведь на протяжении всей своей политической карьеры ему приходилось вести избирательную кампанию в третьем избирательном округе преф. Гумма наряду с такими политическими тяжеловесами, как бывшие премьеры Т. Фукуда и Я. Накасонэ. При старой избирательной системе многомандатных округов он всегда занимал последнее место в своем округе, т.е. ему приходилось играть роль второй скрипки. Возможно, поэтому К. Обути с определенным вызовом уподоблял себя небольшой харчевне – рамэн среди больших ресторанов. На выборах в палату представителей парламента в 1996 г. ему пришлось выставить свою кандидатуру по партийному списку, ибо, несмотря на то что он был председателем отделения ЛДП в преф. Гумма, Я. Накасонэ в союзе с сыном Т. Фукуда не допустили его избрания в одномандатном округе. Но К. Обути, как известно, стал председателем партии и премьер-министром. Правда, госсекретарь США М. Олбрайт позволила себе неуважительно отозваться о новом японском премьере, заявив, что невелика радость иметь дело с холодной пиццей[8]. На что К. Обути заметил, что пиццу можно разогреть в микроволновке.

Стоит заметить, что И. Одзава, К. Обути, Ц. Хата, С. Кадзияма входили в так называемую семерку основных сподвижников Танака–Такэсита. После раскола суперфракции пути их разошлись: И. Одзава и Ц. Хата проявили свои амбиции в создании новых партий, а К. Обути и С. Кадзияма стали ведущими политиками в ЛДП, хотя принадлежали к разным возрастным группам. С. Кадзияма (72 года), как многие влиятельные партийные

---

[7] The Daily Yomiuri. 22.07.1998.
[8] Тюо корон. 1998, № 11, с. 45.

функционеры старшего призыва, начинал карьеру с работы в префектуральном собрании в преф. Ибараки. Депутатом парламента он стал довольно поздно, одновременно с молодыми И. Одзава и Ц. Хата в 1968 г. С. Кадзияма выступает за консолидацию ЛДП с частью консервативной оппозиции в целях обеспечения контроля над обеими палатами парламента.

Раскол суперфракции был вызван в значительной степени недовольством молодого поколения политиков жесткой системой засилья «старших», которое зрело в предшествующие два десятилетия. Образовался определенный «разрыв» поколений. Раскол вылился в борьбу за власть и влияние между К. Обути и И. Одзава. Последний выступил под знаменем реформы партии и политической системы, хотя до конца 80-х годов твердо стоял на позициях сохранения статус-кво. «99% населения не желает перемен, – говорил он. – Главная задача сегодня – сохранение твердого фундамента....для обеспечения долговременной стабильности»[9]. Свои взгляды по поводу необходимости проведения «структурных реформ японского общества» И. Одзава изложил в известной книге «Проект переустройства Японии»[10].

Переход на курс реформ обеспечил ему поддержку молодежного крыла фракции. Позиции молодых членов партии были достаточно уязвимы, поскольку они пока не располагали прочной системой поддержки в своих избирательных округах. Среди сторонников И. Одзава не было почти никого, кто избирался бы в парламент более 5 раз, в основном – 1-2 раза[11]. Ветераны партии вообще были не слишком заинтересованы связывать себя с реформаторами. По неписаным законам партийной иерархии, политики в ЛДП, которые избирались до 6-7 раз депутатами парламента, составляют средний ранг элиты ЛДП, до 8-10 раз – обладают значительным весом, а более 10 раз – входят в высший слой элиты, но он очень небольшой[12]. Из прежней суперфракции К. Обути поддержали 62 человека, а И. Одзава – 44, причем у последнего было больше сторонников в палате представителей (35 против 28), а в палате советников, наоборот (9 против 34). Это связано с тем, что в повестке дня стояла реформа избирательной системы в части, касающейся именно нижней палаты.

Создавая фракцию, И. Одзава и Ц. Хата, возможно, не предполагали раскалывать партию. Но последствия этого события имели чрезвычайный характер: ушло в прошлое доминирование суперфракции, которая фактически контролировала ситуацию в партии, т.е. была как бы скорректирова-

---

[9] Дзидзи цусинся сэйдзибу (Раздел «Политика» агентства Дзидзи). Токио, 1987, с. 64.
[10] *Ozawa Ichiro.* Blueprint for a New Japan. Tokyo, 1994.
[11] Нихон кэйдзай. 18.12.1992.
[12] Сёкун. 1998, июль, с. 98.

на нормальная деятельность, однако жесткая межфракционная борьба продолжалась.

И. Одзава и Ц. Хата планировали сместить с поста премьер-министра К. Миядзава, используя вотум недоверия правительству в связи с неспособностью последнего решить вопрос о пакете законопроектов, касающихся политической реформы. Они рассчитывали, что будет избран новый лидер партии и премьер, и прочили на этот пост бывшего в то время заместителем премьер-министра Масахару Готода, при котором их фракция могла бы стать основной силой. Но, во-первых, он отказался от всяких переговоров, сославшись на преклонный возраст (78 лет) и болезни, а, во-вторых, К. Миядзава поступил не по их сценарию: распустил палату представителей и назначил новые выборы.

В такой ситуации Хата и Одзава приняли решение покинуть ЛДП и создать Партию обновления (Синсэйто, председатель – Ц. Хата, генеральный секретарь – И. Одзава). Чуть ранее аналогичным образом несколько человек из разных фракций ЛДП во главе с Масаёси Такэмура организовали Новую партию Инициативы (Синто сакигакэ, для удобства в дальнейшем она будет называться просто Сакигакэ). На выборах в палату представителей парламента в 1993 г. в силу изложенных обстоятельств ЛДП не получила большинства мест в этой палате и оказалась в оппозиции. Сложилась ситуация, когда практически впервые установилось относительно долгое правление коалиционных правительств. Первоначально в правительство вошли представители практически всех партий, кроме КПЯ и ЛДП. Подобное «многоглавое» содружество очень скоро показало свою нежизнеспособность, ибо партии в принципе создали своего рода «фракционную» систему, привнеся в деятельность правительства «фракционные» противоречия. Затем была образована новая коалиция, которая, хотя и включала непримиримых ранее противников – ЛДП, СДП и партию Сакигакэ, оказалась более интегративной системой.

Формирование коалиционных правительств ускорило процесс размывания рядов либерал-демократов. В 1994 г. создается целый ряд мельчайших и мимолетных партий диссидентами из ЛДП. В этом же году появилась вторая по величине общенациональная консервативная Партия новых рубежей (Синсинто). После образования в 1955 г. ЛДП впервые была учреждена партия в результате объединения, а не размежевания.

В единую организацию слились совершенно разные партии и группы: ряд выходцев из ЛДП, недовольных прежним руководством и явным кризисом в партии, Комэйто, Партия демократического социализма и некоторые небольшие объединения, выступающие за политические реформы. С созданием ПНР впервые в политической жизни страны появилась реальная возможность перевести в практическую плоскость имевшую давнюю историю дискуссию о создании двухпартийной системы по американскому об-

разцу. Но последующие события свидетельствовали не только о нежелании, но и о неспособности партийных лидеров вести конструктивный диалог о реорганизации политической системы.

Ведущими силами в ПНР были Партия обновления и Комэйто, что с самого начала создавало напряженность в руководстве. Кроме того, ПНР была обременена тремя бывшими премьерами (Т. Кайфу, Ц. Хата, М. Хосокава), претендовавшими на власть. Ц. Хата, которого И. Одзава быстро сместил с поста председателя, уже в декабре 1996 г. ушел из партии и создал свою Партию солнца (Тайёто). Часть ее членов тяготеет к alma mater – ЛДП. Не на пользу ПНР и личность самого И. Одзава, что в полной мере проявилось при переизбрании председателя партии в декабре 1997 г. Вся совокупность факторов привела к роспуску ПНР в начале 1998 г. Приняв такое решение, И. Одзава, чтобы отсечь все противостоящие ему группы и создать новую монолитную партию, повторил классическую ленинскую тактику – чтобы объединиться, надо сначала размежеваться. Он полагал, что появятся два-три достаточно крупных объединения, но никак не ожидал, что партия расколется на мелкие кусочки.

173 члена ПНР (речь идет, безусловно, о депутатах парламента) образовали: Либеральную партию (Дзиюто, 54 человека, из бывшей Партии обновления), Партию нового мира (Синто хэйва, 37 человек из бывшей Комэйто), Партию нового братства (Синто юкай, 23 человека из бывшей ПДС), Клуб «Рассвет» (Рэммэй курабу, 18 человек тоже из бывшей Комэйто), Глас народа (Кокумин-но коэ, 18 человек), Клуб реформ (Кайкаку курабу, 12 человек), семь человек объявили себя независимыми, а четверо вернулись в ЛДП[13]. Самой крупной является, безусловно, Либеральная партия, которую ее лидер И. Одзава считает преемницей первой политической партии в истории Японии – Либеральной партии Итагаки Тайсукэ и одноименной послевоенной, которая при премьер-министре С. Ёсида играла важную роль в жизни страны.

Накануне проводившихся в соответствии с новым избирательным законом всеобщих выборов в 1996 г. на политической карте, но в общем в пределах консервативного поля появилась Демократическая партия Японии (Нихон минсюто). Инициаторы ее создания (Наото Кан и братья Хатояма) поставили целью оформить достаточно широкий альянс «неоконсервативных и либеральных сил». Ю. Хатояма близки идеи либерализма, а Н. Кан видит в качестве образца Демократическую партию США, и европейские социал-демократические партии. Костяк ДПЯ составили выходцы из Сакигакэ (т.е. бывшие либерал-демократы), ПДС и отчасти СДП.

---

[13] The Daily Yomiuru. 06.01.1998.

С момента появления ДПЯ заявила, что не стремится любой ценой добиваться участия в каком-либо коалиционном правительстве и предпочитает свободу рук оппозиционной партии. На первых для себя выборах она ничего не прибавила к имевшимся 52 мандатам, не сумела использовать общественный энтузиазм в связи с эффектом своего создания прямо накануне выборов. Однако ДПЯ воспользовалась расколом Партии новых рубежей, предложив сформировать парламентский блок родственных оппозиционных сил. В него вошли: Демократическая партия Японии (лидер Н. Кан), Партия нового братства (Кансэй Накано), Глас народа (Митихико Кано), Партия солнца (Ц. Хата), Партия из пяти (Фуромy файфу то, М. Хосокава), Союз демократических реформ (Минсю кайкаку рэнго, Тэйко Сасано). Блок получил название «Минъюрэн», составленное из части иероглифов названий вошедших партий. В новом объединении сразу же обозначились серьезные противоречия между Н. Кан и ранее входившими в ПНР Ц. Хата и М. Хосокава по вопросам о характере блока, о возможности превращения его в партию, о будущих союзниках и партнерах. Несмотря на это, к апрелю 1998 г. лидеры ДПЯ, Партии справедливого правления (Минсэйто, созданной на базе Партии солнца), Партии нового братства и Союза демократических реформ сумели договориться и создать новую Демократическую партию. Она стала самой большой оппозиционной партией, имея 93 мандата в палате представителей и 47 – в палате советников парламента (ЛДП соответственно 261 и 103).

Главным стратегом и координатором этого альянса выступил небезызвестный М. Хосокава, ибо в Минъюрэн он был председателем комитета по выработке стратегии этого блока. Личность бывшего премьер-министра первого коалиционного правительства заслуживает некоторого внимания ввиду своеобразия его места в правящей элите. По материнской линии он принадлежит к 18-му поколению одной из древнейших аристократических фамилий периода Хэйан (его дед – принц Коноэ не раз был премьер-министром в довоенной Японии). Политический старт М. Хосокава принял во фракции К. Танака, пробыв 12 лет (1971-1983) депутатом парламента и 8 лет губернатором преф. Кумамото (1983-1991). Затем в 1992 г. он вышел из ЛДП и создал свою Новую партию Японии. Она была обречена на неудачу, ибо изначально ориентировалась на одного лидера. За нее на выборах в палату советников в 1992 г. и палату представителей в 1993 г. проголосовали в основном средние слои больших городов, разочаровавшиеся в прежних партиях.

М. Хосокава пришел во власть не в результате внутренней борьбы в ЛДП, как всегда было прежде, а как премьер коалиционного правительства (став им в 55 лет, в более молодом возрасте этот пост занял только К. Танака – 54 года). Его имя связано с введением новой избирательной системы. М. Хосокава получил высший пост в государстве в условиях серьезного

кризиса, когда влиятельные политики предпочли оставаться в тени, чтобы не ставить под удар свое политическое будущее (согласно японской политической традиции дважды в разное время занять этот высший пост в карьере политика невозможно).

За спиной М. Хосокава в правительстве стоял И. Одзава, которого устраивала позиция теневого лидера при слабом премьере – без официальных обязанностей и политической ответственности. По опросам общественного мнения, лишь 16% респондентов полагали, что М. Хосокава проявляет самостоятельность и инициативу, а 60,9% идентифицировали его с И. Одзава и его сторонниками[14]. Коалиционное правительство Хосокава оказалось чрезвычайно неустойчивым из-за серьезных расхождений его участников относительно важнейших проблем. В результате оно продолжало прежнюю политику ЛДП. И это не удивительно, ибо за недавними бывшими членами этой партии сохранились наиболее важные министерские посты. Кроме того, М. Хосокава обвинили в незаконных спекуляциях земельными участками, неправомерных получениях политических пожертвований, по которым он не сумел дать вразумительных разъяснений, и через восемь месяцев ушел в отставку.

При создании новой ДПЯ одним из сложнейших вопросов было определение основного направления политики. Все участники согласны, что это будет демократическая центристская партия, но Н. Кан хочет видеть ее партией «левоцентристской ориентации» или «демократической либеральной», а Ц. Хата – «консервативно-центристской ориентации». В настоящее время левоцентристские и прогрессивные партии достаточно четко заявили о себе в ряде европейских стран. Они представлены политиками нового поколения. Подобный процесс в Японии проявляется в создании демократической партии, сотрудничестве части молодых либерал-демократов с СДП и Сакигакэ. Моделью для Н. Кан служит левоцентристская коалиция с участием умеренных коммунистов в Италии, так называемая Olive tree coalition.

Не обошлось без борьбы за места в высшем руководстве новой партии, ибо в принципе нужно было удовлетворить амбиции всех лидеров. Большинством голосов председателем был избран Н. Кан, поскольку все рассчитывали использовать во время избирательных кампаний его личную популярность политика общенационального масштаба. Генеральным секретарем стал Ц. Хата. Другие лидеры получили посты заместителей. Вполне логично встает вопрос, не создается ли вновь партия под одного лидера, как это было в случае с М. Хосокава? Опыт подсказывает, что организации подобного рода недолговечны. Для партии важны четкие принципы, ясная

---

[14] Санкэй симбун. 13.08.1993.

политика, хорошая организационная структура, активная парламентская деятельность и, конечно, социальная база. Как раз по вопросу о принципах построения партии достаточно резко расходятся взгляды Н. Кан и Ю. Хатояма – инициаторов создания старой ДПЯ. Первый считает, что в настоящее время самое важное – коалиция с разнообразными силами и это даже важнее, чем установление своего единовластия. Ю. Хатояма решительно против подобной установки на широкую коалицию и полагает, что необходимо укреплять структуру партии, превратить ее во вторую главную партию в новой двухпартийной системе. Он полагает, что нынешняя популярность ДПЯ – свидетельство не ее широкой народной поддержки, а временного ослабления поддержки ЛДП из-за ее просчетов (вспомним, что такое уже бывало!). На первых для ДПЯ национальных выборах в палату советников парламента в июле 1998 г. в общенациональном округе пропорционального представительства партия получила поддержку в основном за счет так называемых плавающих голосов, т.е. тех, кто не поддерживает определенную партию (мутохасо)[15].

Демократическая партия Японии возникла сначала как третья сила, альтернатива бывшим двум большим консервативным партиям – ЛДП и ПНР. В настоящее время она – главная оппозиционная партия, но в ней нет единства. Сторонники Н. Кан в принципе не против сотрудничества с администрацией, а Ю. Хатояма за то, чтобы оставаться в оппозиции. Однако при этом он выступает инициатором создания межпартийной исследовательской группы для гальванизации консервативных сил, способных противостоять ЛДП. Ю. Хатояма призывает участвовать в ее работе всех, кто ранее входил в ПНР. При этом наблюдается дистанцирование от пришедших в ДПЯ из соцпартии и усиливается внимание к возродившейся в октябре 1998 г. Комэйто.

На выборах председателя партии в сентябре текущего года в напряженной борьбе с Н. Кан на этот раз победил Ю. Хатояма (во втором туре за него проголосовало 182 делегата съезда, против – 130). Новый лидер выступает за усиление внимания к партийному строительству, превращению ДПЯ в монолитную партию, за быстроту принятия решений. Конек его политических устремлений – пересмотр конституции. Но в партии как не было, так и нет ясной политической программы.

Появление Демократической партии Японии вновь ставит вопрос о переносе в практическую плоскость дебатов о введении в стране двухпартийной системы, но уже классического европейского образца. Во многом это будет зависеть и от положения дел в самой Либерально-демократической партии. В 1999 г. ЛДП была представлена шестью фракциями: Обути (94

---

[15] Иомиури симбун. 13.07.1998.

человека), Като (70), Это–Камэй (63), Мори (62), Ямадзаки (31), бывшая Комото (после его смерти название сохранилось, 17), группа Коно (16). 18 депутатов не определились в своих политических симпатиях. Эта картина отражает серьезные перемены, происшедшие за истекший год. Коити Като унаследовал фракцию Миядзава. С его именем отождествляют сохранение приверженности японского общества идеям консерватизма и либерализма. В свое время именно ему было поручено создавать коалиционное правительство с социал-демократами. Несмотря на относительную молодость, он уже десять раз избирался в парламент, но, как и многие соратники по партии, замечен в темных связях с миром бизнеса, в частности с компанией «Кёвако». К. Като – несомненный потенциальный лидер ЛДП так же, как и Дзюнъитиро Коидзуми (56). Последний – потомственный политик (его дед и отец – парламентарии). Провалившись при первой попытке получить мандат в нижней палате в 1968 г., он обрел его в 1972 г. В кабинете К. Миядзава он был министром почт и телекоммуникаций (как дед), а Р. Хасимото в первом правительстве доверил ему как бы наследственный пост его семьи – министра здравоохранения и социального обеспечения. К слову сказать, в 1995 г. Д. Коидзуми конкурировал с Р. Хасимото на выборах председателя ЛДП, а в 1998 г. – с К. Обути, что заметно повысило его популярность и укрепило позиции в партии. Он – сторонник активного проведения административной реформы. Д. Коидзуми очень популярен не только в ЛДП, но вообще в политических кругах, хотя влиятельные либерал-демократы считают, что ему пока не хватает гибкости и он склонен к экстремизму, поскольку грозит разогнать бюрократию.

Из бывшей фракции Мицудзука образовались две новые, которые возглавили Ёсио Мори и Сидзука Камэй. Безусловно, они привлекали сторонников и из других фракций. Ё. Мори всегда славился своими хорошими связями в различных фракциях, свидетельством чего являются высшие посты, которые он занимал в партийной иерархии: председателя политического совета ЛДП, генерального секретаря. Бывший министр строительства С. Камэй создал сначала межфракционную группу из 35 либерал-демократов, которые поддержали в 1998 г. на выборах председателя партии соперника К. Обути – С. Кадзияма, а в 1999 г. преобразовал ее в третью по численности фракцию. Фракции Мори и Камэй представляют те силы в партии, которые всегда выступали против каких-либо контактов с СДП и Сакигакэ. Р. Хасимото и К. Обути вынужденно, но поддерживали с ними отношения. Стоит заметить, что в свое время Сакигакэ создали молодые либерал-демократы (тот же Ю. Хатояма), поэтому у нее сохранились контакты с частью правящей партии, склоняющейся к либеральному краю консервативного спектра.

Таку Ямадзаки (62 года) прошел в палату представителей парламента одновременно с Д. Коидзуми и тоже со второй попытки. До этого он был

депутатом префектурального собрания. До образования своей фракции в 1998 г. принадлежал к фракции Накасонэ. Т. Ямадзаки занимал ключевой пост в партии – председателя политического совета ЛДП и координировал связи с партнерами в коалиционном правительстве Р. Хасимото. Однако он дистанцируется от политики лидера Либеральной партии И. Одзава. По его словам, он очень надеется стать премьер-министром в 2005 г., но пока у него недостаточно широк круг политических контактов[16].

События 1999 г. – создание первого коалиционного правительства с ЛП в январе и второго – в октябре при участии еще и Комэйто – свидетельствуют о том, что правящая ЛДП сделала выбор в пользу консервативно-консервативного альянса. Эти правительства достаточно условно можно назвать коалиционными, поскольку обе партии – партнеры либерал-демократов занимают по одному посту. Но важно направление движения в сторону консолидации консервативно ориентированных сил.

Путь Либеральной партии к коалиции был достаточно сложным. Будучи практически на нуле в политической жизни, честолюбивый и амбициозный И. Одзава старался сохранить лицо в переговорах с правящей партией. Вступая в правительственную коалицию, его партия тем самым уходила из оппозиции, ибо реально ничего не могла противопоставить ЛДП в парламенте, и вступала в ряды действующих политических сил. Объединение в сложной экономической ситуации ЛДП и ЛП, у которых одна альма-матер, было выгодно обеим сторонам. ЛДП получала поддержку в парламенте для стабилизации политической обстановки, а ЛП – поле для маневра. Хотелось бы задаться вполне правомерным вопросом – не повторит ли последняя судьбу СДП, вступившую в свое время в коалицию с ЛДП?

Альянс с Комэйто обеспечивает ЛДП прочные позиции в палате советников, где у нее лишь 105 мандатов. Комэйто располагает там 23 мандатами, а в палате представителей 43. Эта партия представлена в правительстве Кунихиро Цудзуки, занявшего пост начальника Управления административного контроля и координирования. За тесный союз с Комэйто ратует министр внешней торговли промышленности Такаси Фукай, которого связывают тесные узы с одним из ведущих лидеров Комэйто – Томио Фудзии. В целом трехпартийное правительство имеет поддержку более чем 70% депутатов палаты представителей парламента. Однако внутри правящей партии есть достаточно сильное противостояние альянсу с Комэйто (в частности К. Като и Т. Ямадзаки), которое (в случае необходимости) скорее готово к сотрудничеству с ДПЯ.

В определенной степени положение в политическом мире страны можно определить как возвращение к временам единоличного правления ЛДП,

---

[16] The Daily Yomiuri. 10.09.1999.

однако это только по форме, а содержание иное. Прежде ЛДП могла действовать абсолютно свободно и самостоятельно, а теперь должна не только оглядываться, но и заручаться поддержкой отдельных оппозиционных сил для принятия тех или иных важных решений. Но стоит заметить, что главная в настоящее время оппозиционная ДПЯ так же, как и вся прежняя оппозиция, не может явиться реальной альтернативой правящей ЛДП. При этом важно помнить, что в рядах демократической партии достаточно сильны бывшие либерал-демократы с их консервативными взглядами, что, как уже отмечалось, затрудняет определение политического вектора этой партии.

Несмотря на все изменения, ЛДП по-прежнему крупнейшая партия в стране, являющаяся ядром всей политической жизни. Поэтому оппозиции для реальной замены ее у власти необходимо не только сместить эту партию, но и создать здоровую политическую систему. А для этого, как справедливо полагает политолог из университета Кэйо Соёя Ёсихидэ[17], оппозиции следует не уклоняться от совместной работы с либерал-демократами, поддерживать их при решении «кризисных» вопросов, что, с одной стороны, будет разъедать единство в рядах ЛДП, а с другой – ускорит процесс проведения политических реформ.

Накануне третьего тысячелетия политическая система Японии вошла в стадию перемен, которые, возможно, сблизят ее с политическими системами других стран. Но это, безусловно, не означает, что она утратит свои особенности, обусловленные традициями собственной политической культуры. Начало этим переменам положили бурные события первой половины 90-х годов, приведшие к серьезной перегруппировке сил внутри правящей элиты. Но по-прежнему сохраняется структура власти внутри ЛДП. Вместе с тем для ее упрочения необходимо мобилизовать все силы партии, чтобы не только не допустить размывания ее рядов, но и привлекать всех ранее покинувших ЛДП. Создание коалиционного правительства с ЛП – определенный шаг в этом направлении. Появление накануне XXI в. ДПЯ вносит серьезные коррективы в расстановку политических сил. Основным соперником ЛДП становится не консервативная оппозиция, а центристская. Другими словами, в стране появилась, очевидно, настоящая оппозиционная партия, достойный соперник правящей. Правда, ЛДП усилила свои позиции, наладив связи с Комэйто, оттянув ее пока от возможного сотрудничества с ДПЯ. Однако процесс перетекания политиков из рядов одной партии в другую, смена партнеров по совместным действиям имманентно присущи современной политической действительности.

---

[17] Look Japan. 1998, октябрь, с. 25.

Правящая коалиция на настоящий момент располагает 357 мандатами из 500 в палате представителей и 141 из 252 в палате советников. При такой расстановке сил при проведении в 2000 г. всеобщих выборов оппозиции будет достаточно сложно претендовать на решительную перемену своего положения. Вне всякого сомнения, правящая коалиция постарается использовать свое значительное превосходство, чтобы оттеснить оппозицию. Но все будет зависеть от того, насколько эта коалиция окажется жизнестойкой.

Общественный капитал: ликвидация диспропорций в японской экономике

И.Л. Тимонина

Впечатляющие экономические успехи Японии в послевоенный период, создание универсальной промышленной структуры, превращение страны в экспортера продукции высочайшего качества и технического уровня, мирового кредитора, достижение высокого жизненного уровня для основной массы населения – все это закономерно способствовало распространению в других странах представления о Японии как стране «экономического чуда». Вместе с тем проблемы и противоречия ее быстрого экономического роста, та цена, которую стране пришлось платить за экономический рывок, оставались в основном за пределами массового сознания. Между тем уже в 60-е годы в экономическом развитии Японии обнаружились серьезные диспропорции как регионального, так и отраслевого характера, драматически обострились экологические проблемы. Одной из диспропорций макроэкономического уровня стало отставание в развитии так называемого «общественного капитала», состояние которого прямо влияет на эффективность общественного производства и определяет качество и уровень жизни населения[1].

Общественный капитал и национальная инфраструктура

В японской статистике основные фонды делятся на две категории – на «производительный» капитал и «общественные» основные фонды (сякай

[1] Следует еще раз подчеркнуть, что подобные проблемы не принимались во внимание общественным сознанием, но не специалистами. Так, проблемы состояния и динамики общественного капитала объективно анализировались в таких работах, как: Воспроизводство общественного продукта в Японии. М., 1970. *Баскакова М.В.* Япония: государство и накопление основного капитала. М., 1976. *Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б.* Японское общество: книга перемен. М., 1996 (главы 8 и 9); Япония: мифы и реальность. М., 1999 и др.

сихон). Основными статьями общественного капитала являются автодороги, железные дороги, порты, аэропорты, водопроводные и канализационные сети, мощности по переработке отходов, городские парки, учреждения медицинского и социального обеспечения, образования и культуры, сооружения для проведения досуга и отдыха.

В японской и западной экономической науке понятие «общественный капитал» тесно связано с понятием «инфраструктура». Связующим звеном здесь служит теория вменения, а также положения Р. Нуркса, А. Хиршмана, П. Самуэльсона, У. Ростоу и других представителей неокейнсианства о «социальных накладных расходах». В американском «Словаре современных экономических терминов» дается следующее определение: инфраструктура – это социальный или накладной капитал (over head capital), база, обеспечивающая национальную экономику (транспорт и система коммуникаций, энергетические сооружения и другие общественные службы), от которой зависит уровень экономической деятельности (промышленность, торговля и т. д.)[2]. В Японии в плановых разработках и статистике экономическую инфраструктуру также относят к общественному капиталу, включая в нее все вспомогательные общественные сооружения, созданные человеческим трудом[3].

В данной статье понятия «общественный капитал» и «экономическая инфраструктура» будут использоваться как синонимы, поскольку в содержательном плане они не отличаются, включая одни и те же элементы, а именно – совокупность материально-технических сооружений, предназначенных для обеспечения тех или иных видов человеческой деятельности на определенной территории. При этом, однако, понятие «общественный капитал» относится более к сфере общественного воспроизводства в стоимостном аспекте, и в этом смысле он представляет собой пассивные элементы основного капитала общественного пользования (если мы говорим об инфраструктуре страны или района, а не об отдельной производственной единице), а понятие «инфраструктура» отражает технико-экономические аспекты воспроизводства.

Инфраструктура представляет собой сочетание наземных и подземных инженерно-технических сооружений, предназначенных для обеспечения тех или иных видов человеческой деятельности на определенной территории. По характеру использования или основному функциональному назначению экономическая инфраструктура страны (района) подразделяется на производственную (главным образом промышленную) и социальную.

Применение понятия «промышленная инфраструктура» («сангё ки-бо», или «сангё-но сэцуби») в Японии относится к началу 60-х годов. Промышленная инфраструктура, по определению Масацугу Судзуки, является

---

[2] Региональные исследования за рубежом. М., 1973, с. 111, 113.

[3] Состояние и проблемы размещения производительных сил в Японии. М., 1968, с. 28-29.

совокупностью инженерно-технических сооружений: порты, оборудование промышленных участков, система водообеспечения, сухопутные пути сообщения, районная планировка и сооружения по защите от стихийных бедствий и от ущерба, наносимого промышленностью[4].

Под социальной инфраструктурой, или «базой быта», в японской литературе обычно подразумеваются все сооружения, предназначенные для обеспечения жизненных условий населения, в том числе жилища, социальные учреждения (больницы, школы), коммунальные или городские водопроводы, системы канализации и т.д.

В последние два десятилетия в связи с софтизацией и сервисизацией экономики, роста значения третичного сектора в развитых странах, в том числе и в Японии, понятие «инфраструктура» существенно обогатилось: стали выделять так называемую «жесткую» и «мягкую» инфраструктуру. К «жесткой» инфраструктуре относят традиционные материальные элементы инфраструктуры в приведенном выше понимании. Под «мягкой» инфраструктурой понимаются нематериальные составляющие, необходимые для обслуживания воспроизводственного процесса, особенно в высокотехнологичных и наукоемких отраслях. Это – научные исследования, знания, информация, управление, квалифицированные кадры и т.п.[5].

В региональном планировании, в частности в планах комплексного развития национальной территории, в Японии также используют общее понятие «инфраструктура территории» («коку до кибо»), в которую включают все сооружения, связанные с обустройством территории страны и ее отдельных районов, независимо от функционального назначения.

---

[4] Когё ритти. Токио, 1962, с. 132-134.

[5] В Японии понятие «мягкая инфраструктура» получило распространение в 80-е годы в связи с разработкой программ развития отдаленных районов на основе высокотехнологичных территориально-производственных комплексов, таких, как «технополисы», и необходимостью решения вопросов о том, какую же инфраструктуру следует развивать в районах предполагаемого создания таких комплексов. Думается, что это понятие имеет право на существование, поскольку отражает важные сдвиги в общественном воспроизводстве и системе производительных сил. Вместе с тем в настоящее время возможности его практического применения ограничены, хотя бы потому, что «мягкая» инфраструктура (ее состояние, уровень, динамика) не поддается точному и адекватному количественному учету. Иногда она оценивается по продукту деятельности (как подотрасль третичного сектора), тогда нет необходимости выделять ее как отдельную экономическую категорию. В других случаях оцениваются традиционные элементы инфраструктуры, относящиеся к соответствующим сферам деятельности (например, материальная часть научно-исследовательских комплексов, современные линии связи).
Сказанное не означает, что нет необходимости разрабатывать соответствующие методические подходы к новым явлениям в развитии инфраструктуры. И наиболее перспективным направлением здесь могут стать исследования, связанные с оценкой человеческого капитала и информационных ресурсов общества, рассмотрение которых, однако, выходит за рамки данной статьи.

Проблемы общественного капитала в период высоких темпов роста

Диспропорции в развитии производительных отраслей и инфраструктуры уже с начала 60-х годов превратились в «узкое место» экономики Японии. Как известно, по мере роста экономики возникает необходимость в определенном расширении и совершенствовании производственной и социальной инфраструктуры и это является одной из закономерностей экономического роста. С 1955 по 1965 г. соотношение общественного и производительного капитала в Японии сократилось с 0,567 до 0,488, а в 1962 г. этот коэффициент даже падал до 0,478[6]. При этом в региональном аспекте самое большое несоответствие наблюдалось в наиболее развитых промышленных районах Канто, Кинки и Токай.

Особенно велико было отставание в сфере транспортной инфраструктуры: отношение основных фондов в сфере транспорта и связи к стоимости основного капитала в обрабатывающей промышленности сократилось в тот же период почти в 2 раза. Обнаружились недостаточные пропускная способность и механизация портов, в том числе специализированных (нефтяных, лесных, рыболовных), огромная перегрузка в крупнейших портах, имевших первостепенное значение для внешней торговли, рост аварий, простоев судов, что приводило к прямому экономическому ущербу[7]. В условиях быстрого роста промышленного производства и развития новых промышленных районов сухопутная транспортная система также не справлялась с растущим объемом грузовых и пассажирских перевозок[8].

Быстрый рост экономической активности и числа жителей привел к нехватке территории в центрах крупных городов, выросли цены на земельные участки, жилищные массивы стали строиться на значительном удалении от центров городов. В результате внутригородские транспортные коммуникации стали испытывать серьезные перегрузки[9].

Еще более острый характер приобрели диспропорции между уровнем экономического развития, измеряемым в традиционных показателях (ВНП, национальный доход, объем промышленного производства), и уровнем

---

[6] Кэйдзай хакусё. 1967, с. 234 (По: Воспроизводство общественного продукта, с. 273).

[7] Например, продолжительность стоянки судов на рейде портов Токио, Иокогама, Нагоя, Кобе, Китакюсю в 1962–1967 гг. выросла с 36 до 45,7 часов. – Проблемы современной Японии, вып. IX, с. 45.

[8] Общее число автомашин в Японии с 1950 по 1965 г. увеличилось в 20 раз, а протяженность шоссейных дорог почти не изменилась. К середине 60-х годов протяженность автострад и шоссе первого и второго классов составляла лишь 28 тыс. км. Почти 95% всех дорог страны представляли собой дороги без твердого покрытия. – Воспроизводство общественного продукта в Японии, с. 275.

[9] В Токио в 1965 г. число пассажиров транспорта в часы «пик» составляло 1,1 млн. человек, в Осаке – около 800 тыс., в Нагое – около 250 тыс.

развития социальной инфраструктуры, что порождало не только экономические, но и социальные противоречия. Сложилась ситуация, когда развитие страны под лозунгом «Экономический рост превыше всего» не сопровождалось адекватным ростом уровня и качества жизни населения. В 60-е годы, когда Япония заняла второе место в мире по объему национального дохода, одной из острых социальных проблем оставалась жилищная. Низкое качество жилищ большинства населения усугублялось их недостатком. Особенно резко это ощущалось в быстро растущих городах, где число семей, скученных в одной или двух комнатах, небольших по размеру, достигало половины городского населения[10].

Вместе с тем были и некоторые социально важные показатели, например, инфраструктура здравоохранения и образования, по которым Япония уже в 60-е годы занимала достойное место в ряду промышленно развитых стран[11].

В целом же Япония заметно отставала от них по многим элементам инфраструктуры (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные показатели состояния инфраструктуры в отдельных странах (1962/63 фин. г.)*

	США	Великобритания	ФРГ	Франция	Япония
Число жильцов на одну комнату	0,6	0,7	1,0	1,0	1,4
Степень обеспеченности населения:					
– водопроводом (% к общей численности населения)	80,0	95,0	90,0	70,0	60,0
– канализацией (в % к общей численности населения)	65,0	90,0	70,0	30,0	12,0
– телефонами (штук на 100 человек)	43,1	16,7	12,4	10,5	7,7
Автодороги с твердым покрытием (в % по отношению к общей протяженности дорог)	36,8	100,0	56,9	32,0	4,1

[10] Основу жилищного фонда страны составляли наскоро построенные после войны частные деревянные домики с раздвижными перегородками и постоянными сквозняками, холодом зимой и сыростью летом. Лишь около 4% населения жило в домах железобетонной конструкции и около 12% – в домах, имеющих канализацию. По результатам обследования 1969 г. число семей страдавших от неудовлетворительных жилищных условий, составляло 9,2 млн. человек, а к 1973 г. – уже около 10 млн., или 35% семей. Из них половина испытывала недостаток в жилплощади, остальные страдали от плохого санитарно-гигиенического оснащения, недостаточности дневного освещения и т.п. – *Баскакова М.В.* Япония: государство и накопление основного капитала, с. 31-32.

[11] По числу больничных коек на 1 тыс. жителей Япония в рассматриваемый период находилась на уровне других стран (хотя отставала по числу врачей). Положение в образовании также было достаточно благополучным – 50% населения имело образование в объеме неполной средней школы, а по доле имеющих полное среднее Япония занимала третье место – после США и Швеции.

Площадь, занимаемая дорогами в столице (в % к общей площади города)	43,0	23,0	–	24,0	12,0
Доля расходов на общественные работы в общегосударственных расходах (%)	7,2	4,8	10,0	3,4	19,1

*The Oriental Economist. 1964, November, p. 714 (Состояние и проблемы размещения производительных сил в Японии, с. 31).

Обнаружившееся уже в 60-е годы явное несоответствие между развитием производственной сферы и инфраструктуры стало вступать в противоречие с основными тенденциями развития экономики в целом и промышленности в частности. Возрастание удельного веса отраслей тяжелой и химической промышленности, в наибольшей степени зависящих от транспорта и связи, водоснабжения, обеспечения электроэнергией, земельными участками; укрупнение масштабов производственных единиц, образование новых промышленных городов и районов, урбанизация и концентрация населения в крупнейших городах настоятельно требовали решения проблем инфраструктуры.

Политика правительства в области строительства инфраструктуры

В интересах ликвидации перекосов в экономической структуре, поддержания экономического роста на основе сохранения высокого уровня частных промышленных инвестиций, а также обеспечения социальной стабильности правительство Японии было вынуждено вплотную заняться улучшением инфраструктуры на основе соответствующей инвестиционной политики и государственного планирования.

Государственная политика в области формирования инфраструктуры начала складываться еще в середине 50-х годов, когда основное внимание уделялось промышленной инфраструктуре[12]. В конце 50-х – начале 60-х годов правительство перешло к долгосрочному прогнозированию и планированию развития промышленной инфраструктуры во всех районах страны с учетом не только текущих нужд промышленности, но и будущих потребностей. Вопросы развития инфраструктуры стали обязательным компонентом среднесрочных экономических планов, в которых определя-

[12] В 1956–1959 гг. японским парламентом был принят ряд законов о строительстве автомобильных дорог, портов и промышленных водопроводов. В 1959 г. при кабинете министров был создан Совет по оборудованию зон размещения предприятий обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, основной целью которого стала координация работ всех министров по созданию условий размещения промышленности. Совет разработал и осуществил ряд мероприятий по развитию инфраструктуры в четырех крупнейших промышленных районах Японии.

лись стратегические цели и задачи в данной сфере. Так, например, в «Плане удвоения национального дохода (1961–1970 гг.)» ее совершенствование провозглашалось одной из основных задач и предусматривалось значительное увеличение государственных расходов в дорожное и портовое хозяйство, промышленное водоснабжение, которые к 1970 г. должны были достичь не менее половины частных инвестиций (в 1960 г. это соотношение составляло 1 к 3). Заметное место проблемы инфраструктуры заняли и в книге бывшего премьер-министра К. Танака «План реконструкции Японского архипелага» (1972 г.), где увеличение капиталовложений в инфраструктуру выдвигается в качестве одного из главных факторов экономического роста[13].

Планирование инфраструктуры на всех этапах послевоенного экономического развития Японии происходило с учетом тенденций и пропорций развития экономики, в частности поиска наиболее рациональной региональной структуры хозяйства. Так, в «Плане реконструкции Японского архипелага» предусматривалось, что промышленная застройка в новых районах, отдаленных от морского берега, должна вестись по принципу «индустриальных парков». Решающую роль при перемещении промышленности должно сыграть обеспечение транспортных коммуникаций и средств связи. Для этого предлагалось:

1) построить общенациональную сеть скоростных железных дорог, связав «солнечную» и «теневую» части Японского архипелага;

2) построить систему магистральных скоростных шоссе, связав четыре главных острова тоннелями и многопролетными мостами;

3) расширить сеть авиалиний, соорудить новые международные аэропорты;

4) расширить имеющиеся и построить новые порты, обеспечивающие рост внешней торговли;

5) составить генеральную схему перевозок с учетом транспортных издержек в зависимости от вида транспорта и расстояний;

6) создать сеть магистральных каналов связи с использованием электронно-вычислительной техники.

Инфраструктурный блок стал одним из основных и в долгосрочных планах комплексного развития национальной территории, которые принимаются с 1962 г. и содержат долгосрочные перспективы региональной

[13] В книге на основе подробного обзора состояния инфраструктуры в стране делается вывод о неудовлетворительной ситуации по всем основным элементам производственной и социальной инфраструктуры. Так, стоимость сооружений инфраструктуры в Японии в расчете на душу населения в 1970 г. равнялась 450 тыс. иен, что составляло 1/3 от уровня США, 5/8 уровня Англии, 2/3 – ФРГ. Чтобы ликвидировать отставание от США, по мнению автора, в течение 70-х годов потребуется вложить в инфраструктуру 270 трлн. иен для сооружения водопроводов, канализации, дорог, парков, спортивных площадок и других объектов.

структуры экономики в тесной увязке с использованием территории страны.

Еще в 50-е годы на постоянной основе составлялись планы общественных работ, направленных на развитие отдельных компонентов инфраструктуры по следующим направлениям: 1) дорожное строительство; 2) портовое строительство; 3) строительство аэропортов; 4) строительство жилья; 5) строительство водопровода и канализации; 6) мощности по переработке отходов; 7) городские парки; 8) охрана лесного фонда; 9) охрана водных ресурсов; 10) охрана побережья; 11) улучшение земель; 12) реконструкция рыбных портов; 13) реконструкция мест лова рыбы[14].

Исторически наиболее ранними стали планы реконструкции рыбных портов и дорожного строительства, которые начали разрабатываться соответственно с 1951 и 1954 гг. Наибольшие же финансовые ресурсы направлялись на строительство дорог, водопровода и канализации и на улучшение земель.

Планы предусматривают широкий круг работ в области развития инфраструктуры по перечисленным направлениям. Так, в рамках программ дорожного строительства сооружаются и реконструируются дороги как общенационального значения, на которые приходится основная масса грузоперевозок, так и местного подчинения, строятся скоростные магистрали, сооружения, обеспечивающие безопасность движения.

Основным направлением в реконструкции железнодорожного транспорта стало повышение скоростей и увеличение пропускной способности железных дорог, строительство скоростных магистралей, производство оборудования для механизации погрузочно-разгрузочных работ и сокращения сроков перегрузки с одного вида транспорта на другой, контейнеризация перевозок.

В программах модернизации портового хозяйства большая часть вложений направлялась на расширение и техническое переоснащение внешнеторговых и внутренних, а также специализированных портов; нефтяных, угольных, металлургических, лесных и пр. Основной упор делался на техническую модернизацию портового хозяйства для обеспечения роста пропускной способности, в том числе строительство специальных причалов для контейнерных перевозок и приема паромов. Проводились работы по оборудованию портов специальными установками по предотвращению загрязнения морской воды нефтепродуктами и другими отходами. Были построены новые порты, способные принимать танкеры водоизмещением от 300 тыс. до 500 тыс. т.

Программы, связанные с охраной и воспроизводством природных ресурсов, предусматривают мероприятия по борьбе с эрозией почвы, предотвращению и ликвидации последствий стихийных бедствий и экологиче-

[14] Тиики токэй ёран. 1995, с. 52.

ского ущерба, сооружение водохранилищ и дамб, укрепление берегов рек и морского побережья.

Программы жилищного строительства охватывают как государственный, так и частный сектор. В 1956–1966 гг. частные расходы на жилищное строительство росли в среднем на 15% в год. а в 1967–1969 гг. – на 16,5%. С учетом капиталовложений государственной компании жилищного строительства общий объем инвестиций рос быстрее, чем ВНП, но Японии не удалось достичь уровня западных стран.

В течение всего послевоенного периода на создание «национальной инфраструктуры» в Японии выделялись значительные средства[15]. Общее представление о масштабах инвестиций в инфраструктуру можно составить на основе статистики совокупных национальных расходов (табл. 2)[16].

Таблица 2

Инвестиции в национальную инфраструктуру*

Инвестиции	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1993 г.
Капиталовложения в общественный основной капитал (трлн. иен)	18,5	23,2	20,8	37,2
По отношению к валовым национальным расходам (%)	9,7	9,6	7,1	8,9
Частные инвестиции в жилищное строительство (трлн. иен)	15,6	15,1	14,1	20,4
По отношению к валовым национальным расходам (%)	8,2	6,2	4,8	4,9
Частные капиталовложения** (трлн. иен)	7,4	9,6	12,3	21,0
По отношению к валовым национальным расходам (%)	3,8	4,0	4,2	5,0
Всего капиталовложений в национальную инфраструктуру (трлн. иен)	41,4	47,9	47,2	78,6
По отношению к валовым национальным расходам (%)	21,7	19,8	16,1	18,7

[15] Оценка масштабов инвестиций в создание и совершенствование национальной инфраструктуры в Японии представляет определенную проблему. Строительство объектов инфраструктуры осуществляется частным сектором и государством. Вместе с тем компании получают на льготных условиях государственные кредиты, которые проходят и по статьям государственных финансов. Само государственное финансирование многоканально и отражено не только в государственном и местных бюджетах, но и в различных пересекающихся планах и программах. Кроме того, необходимо учитывать, что в японской статистике расходы на строительство инфраструктуры, хотя и именуются инвестициями, включают и другие категории – потребление, трансфертные платежи (см. примечания к таблицам).

[16] Приведенные данные представляются несколько завышенными из-за того, что и государственные, и частные капиталовложения учтены полностью (не выделены именно инфраструктурные объекты, т.е. вспомогательные сооружения), но тем не менее дают общее представление о масштабах инвестирования, и именно так оцениваются они при подготовке планов комплексного развития национальной территории, в которых определяется курс строительства инфраструктуры на перспективу.

* Данные за 1975–1985 гг. в ценах 1980 г., за 1993 г. – в ценах 1985 г.; до 1985 г. капиталовложения Японской телефонно-телеграфной корпорации (NTT) проходят по графе «общественный капитал», затем – по графе «частные инвестиции». Капиталовложения железнодорожной корпорации «Кокутэцу» – до 1987 г. – по статье «общественный капитал», затем – по статье «частные инвестиции». – Дай ёндзи дзэнкоку сого кайхацу кэйкаку. Кайсэцу то сирё (Четвертый комплексный план развития территории страны. Комментарии и материалы). Токио, 1989, с. 644. Тиики токэй ёран. 1995, с. 537.

** В частных капиталовложениях учтены те, которые Управление национальной территории относит к созданию национальной инфраструктуры: транспорт, энергетика, газоснабжение, водопровод, связь, образование, медицинское обслуживание, охрана природных ресурсов, инфраструктура сельского хозяйства.

Размеры инвестиций в национальную инфраструктуру на перспективу приводятся в последних планах комплексного развития национальной территории. В третьем плане (1977–1990 гг.) называлась цифра в 240 трлн. иен государственных инвестиций в инфраструктуру при условии 6%-ного среднегодового темпа экономического роста, а в четвертом плане (1987–2000 гг.) необходимый уровень частных и государственных капиталовложений в национальную инфраструктуру был оценен в гигантскую сумму – 1000 трлн. иен. при условии 4%-ного экономического роста в годовом исчислении на эти цели предусматривалось выделение не менее 16% валовых национальных расходов[17].

Важными особенностями инфраструктуры как сферы приложения капитала являются, как известно, ее высокая капиталоемкость и длительные сроки строительства и освоения этой части основных фондов, в связи с чем в большинстве стран с целью обеспечения общих условий общественного воспроизводства и жизни населения значительную часть этих расходов берет на себя государство. В Японии особенно велика его роль в сфере строительства дорог и городских коммуникаций, образовании, охране окружающей среды. Одновременно государство сохраняет за собой координирующие и распределительные функции и направляет не только государственные, но и частные инвестиции в определенные территории и на те виды работ, которые предусмотрены в государственных планах. Вместе с тем роль государственных инвестиций в инфраструктуру в воспроизводстве этим не ограничивается: они также играют важную роль в регулировании циклического развития и темпов роста экономики. В Японии расширение масштабов и частных, и государственных инвестиций в инфраструктуру стало важной составной частью стратегии переориентации экономики с

[17] Все показатели в текущих ценах. Син дзэнкоку сого кайхацу кэйкаку (Новый план комплексного развития территории страны); – Когё ритти хандобукку (Справочник по размещению промышленности). 1969, с. 92-98; The Third Comprehensive National Development Plan. Pub. By National Land Agency. 1979, p. 139; The Forth Comprehensive National Development Plan. Pub. By National Land Agency. 1987, p. 149–150; Дай ёндзи дзэнкоку сого кайхацу кэйкаку. Кайсэцу то сирё (Четвертый комплексный план развития территории страны. Комментарии и материалы). Токио. 1989, с. 644.

внешнего на внутренний спрос, провозглашенной в середине 80-х годов в «планах Маэкава».

Японская статистика подразделяет государственные капиталовложения, в том числе и в инфраструктуру, на две группы. К первой относятся так называемые «административные» капиталовложения, охватывающие в основном сферу общественных работ и финансируемые за счет средств центрального и местных бюджетов и частично – по правительственной программе займов и инвестиций (ППЗИ). Вторая группа охватывает инвестиции государственных и муниципальных предприятий, финансируемых в основном из внебюджетных источников: ППЗИ, государственных и местных займов, собственных средств и т.п. Соотношение между названными видами государственных капиталовложений составляет примерно 3:2.

Общий объем «административных» капиталовложений постоянно растет: за полтора десятка лет – с 1975 по 1991 г. он увеличился в 2,4 раза с 16,5 трлн. до 40,3 трлн. иен в годовом исчислении (см. табл. 3), что отражает и рост расходов на строительство и обновление инфраструктуры.

Таблица 3

Целевая структура административных капиталовложений (%)*

	1955 г.	1960 г.	1967 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1991 г.
Дорожное строительство	17,2	29,4	34,9	17,6	19,4	24,2	26,9	26,3
Порты	3,0	3,5	3,4	2,4	2,2	1,9	1,9	2,0
Аэропорты	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4	0,8	0,8	1,2
Охрана природных ресурсов	42,9	24,9	14,9	6,7	7,9	9,1	8,7	8,2
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	17,3	12,5	11,6	8,5	10,4	10,6	9,0	8,4
Жилищное строительство	7,7	6,7	9,1	8,5	6,5	5,3	5,7	6,0
Городское планирование	0,6	0,2	2,8	2,4	2,5	3,8	5,2	5,5
Охрана окружающей среды	...	...	...	2,4	1,8	1,9	2,2	2,5
Здравоохранение и социальное обеспечение	1,4	1,4	2,1	3,0	3,2	3,0	3,8	4,0
Образование и культура	5,4	12,4	11,3	9,1	11,5	9,8	9,0	9,2

Водопровод	0,1**	0,9**	1,6**	4,8	3,6	4,2	3,8	3,5
Канализация	...	...	...	4,8	6,8	7,5	7,9	7,9
Промышленное водоснабжение	...	...	...	0,5	0,3	0,3	0,2	0,2
Другие сферы	4,2	11,8	7,9	28,5	23,3	16,6	15,2	15,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
(трлн. иен)				(16,5)	(27,9)	(26,5)	(36,8)	(40,3)

* Тиики токэй ёран. 1995, с. 436; *Баскакова М. В.* Япония: государство и накопление основного капитала, с. 70.

* * Статья «общественная санитария» без выделения отдельных видов затрат.

Административные капиталовложения распределяются по своему функциональному назначению и регионам.

Таблица 4

Распределение административных капиталовложений по целям и региональным блокам (%)

Цели, регионы	Социальная инфраструктура*		Производственная инфраструктура**		Сельское, лесное и рыбное хозяйство***		Охрана территории****	
	1975 г.	1991 г.	1975 г.	1991 г.	1975 г.	1991 г.	1975 г.	1991 г.
Всего по стране, трлн. иен	6,9	19,7	2,5	7,8	1,4	3,4	1,1	3,3
Доля каждого из видов инфраструктуры	57,9	57,6	22,1	22,8	12,4	9,9	9,7	9,6
Зоны крупнейших городов:	68,7	66,8	46,4	54,0	31,5	29,9	44,3	47,0
Канто	36,6	39,9	23,7	29,9	14,4	14,2	20,0	22,6
Токай	10,1	9,8	9,6	9,2	9,0	8,7	11,8	12,1
Кинки	22,0	17,1	13,0	15,0	8,1	7,1	12,6	12,3
Другие районы:	31,3	33,2	53,6	46,0	68,5	69,8	55,7	53,0
Хоккайдо	4,6	4,3	7,6	7,5	15,1	12,5	7,2	7,7
Тохоку	7,1	8,8	15,3	11,1	19,7	19,1	16,5	13,6
Хокурику	2,1	2,6	4,5	2,6	4,9	4,5	5,0	4,2
Тюгоку	5,0	5,7	8,6	8,3	8,1	9,3	7,8	7,9
Сикоку	2,7	2,6	4,4	6,2	4,9	5,7	6,7	5,1
Кюсю	8,7	8,1	11,3	8,7	14,7	16,7	12,1	13,8
Окинава	1,1	1,0	1,9	1,5	1,0	2,0	0,4	0,7

* Социальная инфраструктура: внутригородское дорожное строительство, планировка городо охрана окружающей среды, здравоохранение, образование, водопровод и канализация.

** Производственная инфраструктура: государственные и префектуральные дороги, порты, а ропорты, промышленное водоснабжение.

*** Сельское, лесное и рыбное хозяйство: обеспечение производственного процесса в этих отраслях.

**** Охрана территории: лесные богатства, водоемы, морское побережье.

Таблица составлена по данным: Тиики токэй ёран. 1995, с. 439-440; Состояние и проблемы размещения производительных сил в Японии, с. 32.

Как демонстрируют данные таблицы, соотношение между отдельными группами капиталовложений достаточно устойчиво и целевая структура отличается высокой долей инвестиций в социальную инфраструктуру, на которые приходится свыше половины общего объема административных капиталовложений.

В территориальном плане большая часть капиталовложений всех видов (за исключением инвестиций в инфраструктуру первичного сектора) приходится на три наиболее развитых экономических района – Канто, Кинки и Токай. Такая ситуация объясняется тем, что в период высоких темпов экономического роста разрыв между темпами и ростом промышленности и степенью обеспеченности инфраструктурой, как производственной, так и социальной достиг максимального размера именно в этих префектурах. Подобная ситуация сохраняется и в настоящее время. Например, если по протяженности дорог в расчете на 1 кв. км территории крупные города и прилегающие к ним префектуры обгоняют периферийные районы, и данный показатель в этих городах выше среднестрановых значений, то по протяженности дорог, приходящихся на одного жителя и один автомобиль, урбанизированные территории существенно уступают периферии. Например, в Токио приходится 220 м автодорог на 1 тыс. жителей и 0,6 м дорог с твердым покрытием на 1 автомобиль, в то время как соответствующие показатели для Хоккайдо составляют 3,11 км и 2,9 м[18].

Жилищные условия в центральных префектурах хуже, чем в более отдаленных. Так, например, средняя жилая площадь одной квартиры (дома) в проф. Аомори и Иватэ составляет 122 кв. м по сравнению с 62 кв. м в Токио и 72 кв. м в преф. Канагава[19]. Жители этих городов, как правило, хуже обеспечены парками и другими рекреационными зонами.

Финансирование «административных» капиталовложений из госбюджета проходит по статье «общественные работы». Ассигнования на общественные работы составляют 10-12% расходной части государственного бюджета (по бюджету на 1997/98 фин. г. 9,7 трлн. иен). Япония традиционно выделяет на эти цели большую долю ВВП по сравнению с другими промышленно развитыми странами (% к ВВП)[20]:

[18] Дороги префектурального и государственного подчинения. По данным: Тиики токэй ёран. 1995, с. 447.

[19] Japan Almanac. 1998, p. 213.

[20] Составлено по: Japan Almanac. 1998, p. 28.

	1970 г.	1980 г.	1990 г.	1995 г.
Япония	4,9	6,4	5,2	6,9
Франция	3,6	2,8	3,3	3,4*
Германия	4,4	3,5	2,3	2,0*
Великобритания	4,8	2,4	2,2	1,9*
США	2,5	1,8	1,7	1,6**

*Данные на 1994 г.

**Данные на 1993 г.

По характеру финансирования из бюджета общественные работы делятся на две категории: непосредственно финансируемые, которыми распоряжаются министерства и ведомства, в первую очередь министерство строительства[21], и субсидируемые, когда для их проведения ОМС и общественным корпорациям (кодан, дзигёдан) выделяются субсидии.

Довольно значительные средства на финансирование строительства инфраструктуры выделяются по программе займов и инвестиций [22].

Таблица 5

Целевое распределение средств программы займов и инвестиций (в % к итогу)*

Целевое назначение	1975 г.	1995 г.	1997 г.
Жилищное строительство	21,4	29,5	35,0
Улучшение жизненной среды	16,7	13,7	18,2
Социальное обеспечение	3,4	3,3	4,1
Образование	2,9	1,7	2,2
Помощь мелким и средним предприятиям	15,6	12,8	13,0
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	4,1	2,9	2,2
Сохранение территории	1,2	1,1	1,5
Дорожное строительство	8,0	6,5	9,7
Транспорт и коммуникации	12,7	3,8	3,6
Региональное развитие	3,3	2,2	2,9
Промышленность и технология	3,0	2,6	2,4
Торговля и экономическое сотрудничество	7,7	3,9	3,9
Управление фондами	–	16,5	–
Всего	100,0	100,0	100,0

* Japan Almanac. 1996, p. 79; Japan Economic Almanac. 1997, p. 199.

[21] Размещение заказов на производство работ находится в компетенции директоров восьми региональных бюро этого министерства в Тохоку, Канто, Хокурику, Тюбу, Кинки, Тюгоку, Сикоку и Кюсю. При этом используется система торгов со специально назначаемыми участниками, в соответствии с которой министерство строительства разбивает строительные компании на пять категорий по размеру предприятий и производственных мощностей и назначает для участия в торгах за крупные и трудные работы кандидатов из первых категорий. Таким образом, отбор подрядчиков и выявление победителя на торгах связаны с характером работ.

[22] Общие расходы по программе займов и инвестиций в 1997/98 фин. г. составили 51,4 трлн. иен.

Выделение значительных средств из государственных и частных источников, проведение масштабных работ позволило Японии к 80-м годам в значительной мере ликвидировать отставание в развитии «общественного капитала» по сравнению с другими секторами экономики и по сравнению с другими странами (табл. 6).

Таблица 6

Изменение состояния общественного капитала в Японии в 1960–1985 гг.*

Показатель	1960 г.	1965 г.	1975 г.	1985 г.
Доля населения, проживающего в домах с канализацией (%)	6,0	8,0	23,0	36,0
Доля населения, проживающего в домах с водопроводом (%)	53,0	69,0	88,0	93,0
Доля сжигаемых отходов в общем объеме бытового мусора (%)	32,0	38,0	58,0	88,0
Площадь городских парков в расчете на одного жителя (кв. м)	2,1	2,4	3,3	4,9
Площадь зданий начальных и средних общественных школ в расчете на одного ученика (кв. м)	3,6**	5,6	6,6	8,6
Доля реконструированных высокоскоростных дорог в общей протяженности автодорог (доля реконструированных обычных автодорог, %)	35,0**	66,5	81,2	56,1
Объем грузов, обрабатываемых в портах (т на 1 м причала)	–	1111,0	898,0	1039,0
Число аэропортов	25	43	67	78
Число аэропортов, принимающих реактивные самолеты	7	7	18	39
Общая протяженность «синкансэн» (км)		515,0	1069,0	1831
Доля двухколейных железных дорог к общей протяженности железных дорог (%)	11,9**	16,9	25,5	27,8
Число телефонов на 100 жителей	2,4**	7,5	28,2	37,4
Доля малых рек, прошедших очистку, к общему числу малых рек (%)	40,0	42,0	51,0	61,0
Доля больших рек, прошедших очистку, к общему числу малых рек	5,0	7,0	13,0	21,0
Доля территории побережья, восстановленного после тайфунов, ко всему пострадавшему побережью (%)	3,0**	10,0	21,0	35,0

* Нихон-но тиики кайхацу (Региональное развитие Японии). Подготовительные материалы к IV комплексному плану. Изд. Японского центра исследований регионального развития, табл. V–1.

** Данные за 1955 г.

«Реконструктивный бум» 80-х годов

В 80-е годы политика в области создания общественного капитала вступает в новый этап, который в целом можно охарактеризовать как переход от количественного наращивания мощностей экономической инфраструктуры к их качественному совершенствованию.

Главными факторами, предопределившими эти перемены, стали повышение доли наукоемких отраслей в структуре общественного производства, сервисизация и софтизация экономической структуры, информатизация и тенденция к старению населения. Кроме того, первостепенную роль сыграл количественный и качественный рост запросов населения, их дифференциация, выдвинувшие новые требования к состоянию той части общественного капитала, которая непосредственно связана с жизнью людей.

Всплеск активности в сфере строительства инфраструктуры получил название «реконструктивного бума» и был вызван целым рядом причин как стратегического, так и конъюнктурного характера. Среди них следует выделить курс правительства на переориентацию экономики с внешнего на внутренний спрос и принимавшиеся в связи с эти меры по стимулированию капиталовложений в строительство объектов инфраструктуры в условиях определенного переизбытка капиталов, возникшего на фоне длительного экономического подъема 80-х годов. К тому же при благоприятной экономической конъюнктуре государство смогло направить значительные бюджетные средства на «общественные работы», т.е. в инфраструктуру, в том числе и на строительство территориально-производственных комплексов.

В 80-е годы в Японии заметно активизировалась деятельность по разработке и реализации крупных проектов, которые с точки зрения их функционального назначения можно разделить на несколько групп.

К первой по масштабам и значимости группе следует отнести проекты, нацеленные на *формирование современной базы для телекоммуникаций и обмена информацией.* Среди них и сетевые проекты, предусматривающие строительство в различных частях страны объектов информационной инфраструктуры, связанных между собой, и проекты создания опорных пунктов информатизации в регионах.

Наиболее крупными и известными стали Информационная сеть (INS) Японской телефонно-телеграфной корпорации[23], Национальная сеть научно-технической информации (NIST)[24], Телетопия министерства почт и те-

---

[23] Эта сеть должна охватить всю территорию Японии волоконно-оптическими линиями связи, которыми смогут пользоваться 45 млн. человек.

[24] Этот проект предусматривает создание сети комплексных и специализированных информационных центров по всей территории Японии в целях эффективной интеграции производителей и потребителей научно-технической информации.

лекоммуникаций[25], Проект новых средств массовой информации («New massmedia») МВТП[26], строительство к 2005 г. общенациональной оптоволоконной сети. Реализация названных проектов предусматривала строительство по всей стране новых объектов инфраструктуры, в том числе в рамках функционально-территориальных образований внутри городских территорий, специально оборудованных для обработки, передачи и использования информации, – телепортов и информационных городков в крупных городах страны, в первую очередь, Токио и Осака (шесть проектов), «интеллектуальных городков» в ключевых городах в провинции (36 проектов)[27].

В настоящее время в Японии находятся в стадии завершения проекты строительства трех телепортов – «Минато Мирай XXI» в г. Иокогама, телепорта Токио в районе Ариакэ, технопорта Осака[28].

Составной частью сложной информационной инфраструктуры Японии стали «интеллектуальные небоскребы» («Intelligent Skyscrapers»)[29], которые сооружены в «Минато Мирай XXI» и других телепортах.

При разработке проектов авторы уделяют внимание и строительству там обычной, «жесткой» инфраструктуры, и созданию «благоприятной окружающей среды». Например, в «Минато Мирай XXI» были построены железная и автодороги, реконструирован морской порт с причалами, сооружены современная система предотвращения стихийных бедствий и «зеленые зоны», строится жилье для 10 тыс. человек.

Другая группа проектов представлена *научными комплексами.* Это – научно-исследовательские и культурно-научные городки, «парки», «сады», академгородки. Самым известным проектом такого рода стал академгородок Цукуба, построенный еще в 70-е годы как центр развития фундаментальной науки. Среди проектов меньшего масштаба, разработанных уже в 80-е годы – парк новейших технологий в академгородке Цукуба, академгородок Онаридай в преф. Тиба, культурно-научный комплекс «Земля Азия» (г. Араи, преф. Кумамото), культурно-научный городок «Окавабата ривер

---

[25] Проект Телетопия разработан в 1984 г. и предусматривает строительство в 63 пунктах страны «телекоммуникационных зданий» (оснащенных оборудованием высокоэффективной связи для коллективного пользования), телекоммуникационно-исследовательских парков, телепортов. Объекты Телетопии должны быть соединены с INS.

[26] Эти проекты уже частично или полностью выполнены.

[27] 90-нэндай-но дзёхо кётэн сэнряку (Стратегия развития информационных опорных пунктов), Токио, 1989, с. 36.

[28] Телепорты и технопорты территориальные комплексы с функциями высокотехнологичных информационных услуг, деловой и культурной зонами и морским портом.

[29] Они представляют собой специально оборудованные здания, где могут быть предоставлены сложные информационные и коммуникационные услуги. В этих зданиях могут размещаться правительственные учреждения, инженерные центры, офисы японских и иностранных компаний. «Интеллектуальные небоскребы» подключаются к оптоволоконной сети, а через спутники – связаны с основными городами Азии и Северной Америки.

сити – XXI» в районе большого Токио, академгородок Кансай и научный парк Канагава в г. Кавасаки.

Ведущим направлением совершенствования инфраструктуры в 80-е – 90-е годы остается *строительство транспортно-коммуникационных сетей* (свыше 20 проектов). К ним относятся проекты строительства новых международных аэропортов (Кансай[30], Хиросима, Тюбу, Китакюсю), реконструкция Токийских аэропортов Нарита и Ханэда, строительство мостов и тоннелей, соединяющих четыре главных острова Японии, строительство новых железнодорожных терминалов.

Особенностью современного этапа реализации проектов в области транспорта является не только использование новейших технологий, передовых и оригинальных инженерных решений – это было на каждом этапе научно-технического развития, но и направленность на комплексное освоение и обустройство территории, прилегающей к объекту, что особенно важно с точки зрения формирования облика региона, где осуществляется проект. Так, например, при подготовке проекта строительства нового аэропорта Кансай был разработан специальный план развития территории вокруг этого нового международного аэропорта.

Целая группа «больших проектов» направлена на преобразование самой территории Японии путем *создания искусственных островов и насыпных территорий*, прилегающих к побережью. Подобные работы начались около 30 лет назад, причем тогда главным мотивом выступало физическое увеличение территории Японии[31]. В настоящее время только в Токийском заливе насчитывается свыше 20 искусственных островов и сооружаются новые. Искусственные острова строятся и в других частях акватории Японии, например, у берегов о-ва Хоккайдо. Современные искусственные острова используются для самых различных целей. Так, упоминавшиеся выше телепорты – «Минато Мирай XXI». «Космополис» и телепорт Токио – полностью или частично размещаются на насыпных территориях. В Порт-Айленде близ Кобэ проживает 20 тыс. жителей, остров имеет всю необходимую инфраструктуру и относится к числу ведущих портов в мире для приема контейнерных судов. Компания «Мицуи дзосэн», Японская телефонно-телеграфная корпорация и Токийский университет реализовали проект строительства «океанского информационного города» в Тихом океане в 150 км к югу от Токио[32].

---

[30] Вступил в строй в 1996 г.

[31] Первые искусственные острова использовались для размещения вентиляционных шахт для добычи полезных ископаемых в море. Затем на них стали переносить экологически «неприятные» производства – ТЭЦ, предприятия по переработке отходов и т.п.

[32] На четырехъярусной конструкции острова разместились аэропорт, 400 теннисных кортов, 8 площадок для гольфа, административные здания, опреснительные установки для морской воды.

Не осталась без внимания и проблема *обустройства комфортабельной среды обитания в гармонии с окружающей средой*, обеспечение условий для отдыха и сохранение природно-исторических памятников. Реализуются или уже завершены проекты оборудования современных курортных зон (22 проекта), проекты по использованию подземного пространства городов (один из крупных проектов такого рода уже осуществлен в центральной части г. Осака) и строительства развлекательных комплексов[33], проводится реконструкция городских кварталов в соответствии с современными концепциями градостроения и требованиями к окружающей среде и рациональному использованию природных ресурсов (экополисы).

Проблемы инфраструктуры и депрессия 90-х годов

Затянувшийся экономический спад конца 80-х и 90-х годов оказывает противоречивое влияние на интенсивность и масштабы работ по реконструкции территории страны и строительства инфраструктуры.

Снижение деловой активности, финансовые трудности, постигшие даже крупные компании и финансовые организации, существенное ограничение возможностей бюджетного финансирования не могли не оказать негативного влияния на ход общественных работ и программ расширения общественного капитала в целом. Так, в 1995/96 фин. г. впервые за много лет произошло абсолютное сокращение бюджетных ассигнований на общественные работы – на 17,1%. В 1996/97 и 1997/98 фин. гг. ассигнования немного выросли (соответственно на 4,1 и 1,3%), однако в годовом исчислении не достигли уровня 1994/95 фин. г. В 1994–1997 гг. сократилась и доля расходов на указанные цели в общих расходах центрального бюджета – с 15,3 до 12,6%. Снизились или были заморожены и расходы на цели строительства инфраструктуры (за исключением дорожного строительства) по правительственной программе займов и инвестиций[34].

В результате даже некоторые из начатых ранее проектов испытывают серьезные финансовые затруднения или находятся под угрозой закрытия. Показательна в этом отношении история проекта «Космополис» в Идзумисано (преф. Осака). В 1987 г. была создана компания с участием властей префектуры, банков и строительных компаний, которая к 1996 г. на территории площадью 85 га собиралась создать технопарк для размещения высокотехнологичных предприятий. Были куплены земельные участки, однако дальнейшая реализация не удалась, так как из-за краха экономики

---

[33] Например, в преф. Кагаку (о-в Сикоку), «Космический мир» (имитация космического полета) в Китакюсю (о-в Кюсю), игровые комплексы в неиспользуемых танкерах для нефти (г. Куре, преф. Хиого) и многие другие.

[34] Japan Economic Almanac. 1998, p. 198-199.

«мыльного пузыря» не нашлось достаточного числа арендаторов, желающих обосноваться в технопарке. Теперь же муниципалитет Идзумисано и префектура Осака имеют долги на сумму 21,5 млрд. иен, которые они должны вернуть общественным фондам и корпорациям. Для этого предполагается продать земельные участки и взять дополнительный заем[35].

Вместе с тем инвестиции в общественный капитал, по-прежнему рассматриваются правительством Японии как средство оживления экономики. Так, в подготовленной Управлением экономического планирования в ноябре 1998 г. Программе неотложных экономических мер предусматриваются дополнительные инвестиции в общественный капитал в размере 8,1 трлн. иен, которые будут сконцентрированы на следующих основных направлениях: 1) телекоммуникации, наука и технологии; 2) экология; 3) социальное обеспечение здравоохранение и медицинское обслуживание, образование; 4) повышение эффективности товарооборота и усиление конкуренции в промышленности; 5) активизация сельскохозяйственных, рыболовецких, лесных и иных регионов; 6) оживление городов, в том числе путем привлечения частных инвестиций. Кроме того, специальное внимание в программе уделено активизации жилищного строительства. В рамках перспективного проекта «удвоения жилого пространства», нацеленного на обеспечение для населения более высокого качества проживания, увеличение размеров и комфортабельности жилья, предлагается содействовать росту жилищных инвестиций путем снижения процентных ставок и расширения лимитов кредитования по линии Корпорации жилищных кредитов[36].

Одновременно правительство ищет новые пути реализации общественных проектов в условиях бюджетного дефицита. В частности, адаптируется к японским условиям программа британского правительства по привлечению частного сектора к реализации общественных проектов – «частная финансовая инициатива» (PFI). Эта программа предусматривает увеличение числа и доли проектов в рамках «общественных работ», финансируемых и управляемых частным сектором (компаниями или группами компаний и банков)[37]. Среди возможных сфер использования данной схемы – строительство общенациональной оптико-волоконной сети, торговых центров, предприятий по переработке отходов, энергетических мощностей, перепланировка городов.

В феврале 1998 г. Исследовательский совет по проблемам политики ЛДП представил в японский парламент соответствующий законопроект. Авторы его полагают, что в Японии, где корпоративные финансы играют

---

[35] The Daily Yomiuri. 02.05.1998, p. 2.

[36] Effors towards the Revitalization of the Financial System and Recovery of the Japanese Economy. Tokyo, 1998, November.

[37] В Великобритании на основе PFI финансируется около 10% общественных работ. – The Nikkei Weekly. 21.09.1998.

решающую роль, нет рынка проектного финансирования, и такой рынок должен быть создан. С одной стороны, это создаст новые возможности для наращивания банками операций по кредитованию, а с другой – может обеспечить дополнительные сферы предпринимательской деятельности для частных компаний.

Первые примеры деятельности банков и компаний по схеме PFI появились уже летом 1998 г., еще до принятия соответствующего закона, Японский банк развития и банк «Санва» объявили о первом в Японии случае проектного финансирования – кредите на сумму 12 млрд. иен на строительство генераторной станции в Осака, предоставленном компании «Накаяма Стил Уокс» и корпорации «Томен». Половина указанной суммы обеспечивается Японским банком развития, половина – синдикатом частных банков во главе с «Санва». При этом стоимость кредитования в данном и подобных случаях выше, чем в случае получения обычного кредита, так как здесь заложена более высокая степень риска: банки не требуют никаких специальных гарантий и основываются лишь на собственной оценке перспективности того или иного проекта[38].

Вместе с тем на пути реального создания такого рынка имеются весьма серьезные препятствия и проблемы, на которые указывают и сами авторы проекта, и банки и компании, которые потенциально в нем заинтересованы. Среди них прежде всего – высокие цены на землю, что снижает потенциальную прибыльность проектов. По мнению авторов проекта, здесь должны помогать местные власти, выделяя земельные участки из своих фондов. Кроме того, по мнению руководства банков и компаний, проекты в сфере общественного капитала отличает высокая степень риска, поэтому финансироваться проекты должны не только на основе коммерческого кредита, но и из правительственной программы инвестиций и займов. Правительство также могло бы позаботиться о прибыльности сооружений и предприятий, относящихся к общественному капиталу, после ввода их в эксплуатацию (например, выплачивать консигнацию компаниям, занимающимся переработкой отходов). Для банков весьма сложной задачей станет оценка перспективности проектов, поскольку у них нет специалистов, обладающих глубокими познаниями в тех отраслях, которые связаны со строительством и эксплуатацией объектов инфраструктуры[39].

В целом же можно констатировать, что несмотря на сложную финансово-экономическую ситуацию, правительство Японии ищет пути и методы финансового обеспечения, которые позволили бы продолжить политику дальнейшего совершенствования национальной инфраструктуры. Выбор показателей развития общественного капитала, включенных в сред-

[38] The Nikkei Weekly. 21.09.1998.
[39] The Nikkei Weekly. 23.03.1998.

несрочные общеэкономические планы (план социально-экономического развития страны на 1992–1996 гг. и ныне действующий план на 1996–2000 гг.), приводит к выводу о том, что первостепенная роль в системе приоритетов отводится социальной инфраструктуре. Это не удивительно, учитывая, что Япония, прочно занявшая место второй экономической державы мира, тем не менее по-прежнему имеет относительно невысокие параметры качества жизни, существенно уступая в этом отношении другим развитым странам. Например, Япония занимает последнее место в этой группе стран по степени обеспечения канализационными сетями (соответствующие показатели для Дании, Великобритании и Германии превышают 90%, Швеции и Швейцарии – более 80%, Австрии, Канады, США и Норвегии – свыше 70%). Жители больших городов Японии значительно хуже обеспечены зелеными зонами: например, в 1996 г. на одного жителя Токио приходилось всего 2,9 кв. м парков, в то время как на жителя Нью-Йорка 23 кв. м (1989 г.), Лондона – 26,6 кв. м (1982 г.), Парижа – 11,6 кв. м (1989 г.)[40].

Весьма острой, несмотря на значительный прогресс в этой области, остается проблема обеспечения качественным жильем. За последние 25 лет жилая площадь на одного человека в Японии удвоилась, однако она вдвое ниже уровня США. К тому же стоимость жилья в крупных городах Японии такова, что делает его недоступным для значительной части населения. Так, в Токио она эквивалента 12,9 личных годовых доходов, в Осака – 9,5, в то время как в Нью-Йорке – 2,9 годовых доходов[41]. Поэтому жилищное строительство остаются важнейшей частью программ строительства общественного капитала.

Большое внимание уделяется также проблеме совершенствования городских транспортных коммуникаций, которые, судя по фактическим данным, приведенным в среднесрочных планах, работают с большой перегрузкой. При этом в 90-е годы положительных сдвигов здесь не наблюдалось, а плановые показатели в ныне действующем плане были даже снижены по сравнению с предыдущим.

Одновременно обращает на себя внимание увеличение плановых показателей по позициям, связанным с жизненным обеспечением пожилых людей, что свидетельствует о том, что проблема старения населения остается одной из наиважнейших в системе приоритетов социально-экономического развития страны.

В направлении развития транспортной инфраструктуры наиболее радикальные шаги предусматриваются в области создания общенациональных оптико-волоконных сетей: за 15 лет доля охвата ими территории, по замыслу, должна увеличиться с 10 до 100%.

---

[40] Japan Almanac. 1998, p. 52.
[41] Там же, с. 212.

В соответствии с пятым планом комплексного развития национальной территории (принят в 1998 г.) предусматривается строительство шести мостов в различных частях страны, в том числе через Токийский залив между префектурами Канагава и Тиба, через залив Исэ между префектурами Аити и Миэ, а также моста, связывающего преф. Вакаяма и о-в Авадзи (преф. Хиого). Кроме того, должны быть построены новые аэропорты в крупных городах страны, чтобы обеспечить возможность добраться из любой точки Японии в любую страну Восточной Азии в течение одного дня.

Вместе с тем актуальной остается и проблема увеличения протяженности и реконструкции дорожной сети. Несмотря на колоссальный объем уже проведенных работ в этой области в послевоенный период, Япония отстает от многих развитых стран по качеству дорог. Так, по доле дорог с твердым покрытием (72% в 1994 г.) она опережает лишь США (58,8% в 1992 г.) и уступает Великобритании и Франции (100%) и Германии (99%). В Японии ниже и показатели протяженности скоростных дорог в расчете на один автомобиль: 0,09 км по сравнению с 0,45 км в США 0,30 – во Франции, 0,26 –в Германии, 0,21 – в Италии, 0,14 км – в Великобритании[42]. Поэтому не удивительно, что японское правительство продолжает реализацию планов дорожного строительства, которые к тому же традиционно использовались как средство оживления экономики в периоды депрессии. Так, в декабре 1998 г. министерство строительства разрешило общественной корпорации скоростных магистралей начать работы в рамках очередного этапа плана строительства 1 тыс. км новых дорог, принятого еще в 1996 г., и реконструкции 400 км дорог общей стоимостью 6 трлн. иен[43].

Таким образом, правительство и компании Японии в будущем, по-видимому, не собираются отказываться от планов расширения и совершенствования общественного капитала, рассматривая данную сферу как одну из наиважнейших в новой системе приоритетов социально-экономического развития, ориентированной на повышение качества жизни населения, и в то же время перспективную для расширения предпринимательской деятельности в условиях затянувшегося экономического спада. Вместе с тем методы руководства в этой области и инструменты перераспределения ресурсов в ее пользу, несомненно, претерпят существенные изменения, обусловленные намечающимися сдвигами во всей системе государственного экономического регулирования. Конкретные формы и степень радикальности этих изменений пока трудно предугадать, однако общим магистральным направлением, скорее всего, станет отказ от прямого государственного регулирования и финансирования в пользу создания более гибких и адекватных нынешним быстро меняющимся условиям методов привлечения частного капитала, его технических, технологических, управленческих ресурсов в сферу строительства и эксплуатации объектов общественного капитала.

---

[42] Там же, с. 27; Japan. An International Comparison. 1998, p. 102.
[43] Asahi Evening News. 23.12.1998.

Финансовые проблемы малого бизнеса в Японии

И.П. Лебедева

Для развития любого предприятия его финансовые возможности имеют решающее значение. В малом же бизнесе наличие или, наоборот, отсутствие денег часто определяют не только возможности развития самих предприятий, но и судьбы их владельцев.

Так же, как и крупные предприятия, мелкие и средние фирмы стремятся обеспечить себя деньгами, необходимыми для расширения производства, при такой структуре источников, которая позволила бы минимизировать издержки по их привлечению. Общее представление о структуре финансирования малого бизнеса в Японии и направлениях ее изменения по трем группам предприятий – мельчайшие, мелкие и средние, «тюкэн кигё» (предприятия, управляющие ресурсами средних масштабов) – дает таблица 1.

При анализе данных таблицы 1, прежде всего, бросается в глаза отсутствие сколько-нибудь заметных контрастов в структуре источников финансирования между тремя выделенными группами предприятий. Этот факт, на наш взгляд, можно интерпретировать как еще одно доказательство того, что управление малыми масштабами объективно обусловливает наличие общих черт даже у предприятий полярных групп (мельчайших, с одной стороны, и «тюкэн кигё» – с другой). В то же время, если сопоставить любую из этих групп с крупными предприятиями (с капиталом свыше 1 млрд. иен), то различия окажутся весьма заметными. Так, например, в конце 80-х – начале 90-х годов у крупных предприятий доля кредитов в структуре источников финансирования находилась на уровне 28-30%, за счет выпуска акций и облигаций обеспечивалось 9-10% средств, а доля внутренних источников самофинансирования составляла порядка 25-26%[1].

[1] *Куцуна Кэндзи.* Тюсё кигё то бэнтя файнансу (Мелкие и средние предприятия и венчурное финансирование). Токио, 1997, с. 3.

Таблица 1

Структура финансирования малого бизнеса; %*

Мельчайшие предприятия (с капиталом до 10 млн. иен)

Год	Кредиты	Ценные бумаги	Собственный капитал	Прочее**
1970	26,9	0,0	14,9	58,2
1975	31,4	0,0	15,7	54,7
1980	32,7	0,0	13,9	53,4
1985	37,2	0,0	11,7	51,1
1990	42,2	0,0	12,5	54,7
1991	43,2	0,0	11,3	45,5

Мелкие и средние предприятия (с капиталом от 10 млн. иен до 100 млн. иен)

Год	Кредиты	Ценные бумаги	Собственный капитал	Прочее**
1970	26,4	0,0	13,5	60,1
1975	30,9	0,0	13,2	55,9
1980	32,6	0,0	13,8	53,6
1985	38,1	0,0	14,6	47,3
1990	42,2	0,0	14,3	43,5
1991	43,2	0,1	14,6	42,1

«Тюкэн кигё» (с капиталом от 100 млн. иен до 1 млрд. иен)

Год	Кредиты	Ценные бумаги	Собственный капитал	Прочее**
1970	30,4	0,0	15,1	54,5
1975	36,1	0,1	11,6	52,2
1980	34,5	0,1	12,4	53,0
1985	39,6	0,1	13,7	46,6
1990	41,1	0,4	13,3	45,2
1991	42,1	0,6	14,1	43,2

* *Кудзуна Кэндзи.* Тюсё кигё кинъю то бэнтя файнансу. Токио, 1997, с. 3.

** Сюда включены различные виды межфирменного кредита.

Как показывают данные таблицы 1, в рассматриваемый период общей тенденцией для всех трех групп предприятий стало заметное повышение доли кредитов финансовых институтов в структуре источников финансирования – с 27-30% в начале 70-х годов до 33-34% в начале 80-х годов и 42-43% в начале 90-х годов. За этим явлением стоят значительные изменения в условиях деятельности финансовых и нефинансовых корпораций Японии в

результате начавшейся в 80-х годах финансовой либерализации и углубления процесса интернационализации японской экономики. Одним из прямых следствий этих изменений стал отход от банков («гинко банарэ») крупных компаний, во все большей степени переключавшихся на привлечение денег через рынок ценных бумаг и операции «дзайтэк», что, в свою очередь, подталкивало банки к расширению кредитования мелких и средних предприятий. Так, например, по городским банкам доля кредитов малому бизнесу в общей сумме кредитов увеличилась с 34,5% в 1975 г. до 71,9% в 1992 г., по местным банкам – соответственно с 53,1% до 79,2%, по траст-банкам – с 17% до 47,1% и по банкам долгосрочного кредитования – с 16,5% до 42,7%[2].

Прежде чем переходить к проблемам, связанным с кредитованием малого бизнеса по линии финансовых институтов, остановимся кратко на другой крупной статье в структуре источников финансирования – межфирменном кредите. Межфирменный кредит, т.е. оплата векселями за приобретенные товары или услуги, получил довольно широкое распространение как в малом, так и в крупном бизнесе Японии. Правда, из-за в целом более напряженного положения с финансами на мелких и средних предприятиях здесь его роль более значительна, чем на крупных: так, если на первых в начале 80-х годов на него приходилось в среднем 53-54%, а в начале 90-х годов – 43-45%, то на вторых – соответственно 43-44% и 35-36%. Финансовая либерализация привела к тому, что на протяжении 80 – 90-х годов доля межфирменного кредита в структуре источников финансирования как на крупных, так и на мелких предприятиях заметно упала. Однако, если в первой группе это было связано со значительным расширением масштабов прямого финансирования, то во второй – за счет роста объемов кредитования по линии финансовых институтов.

Что касается системы кредитования малого бизнеса по линии финансовых институтов, то прежде всего следует отметить, что она состоит из трех звеньев: частных банков, банков, специализирующихся на кредитовании мелких и средних предприятий, и институтов государственного (политического) финансирования. Первая группа представлена городскими банками, местными банками первой и второй категории, траст-банками и банками долгосрочного кредитования. Вторая – кредитными корпорациями и кредитными ассоциациями, а третья – Корпорацией финансирования мелких и средних предприятий, Национальной финансовой корпорацией и Центральным банком торгово-промышленных кооперативов (действующими на правах особых юридических лиц).

О значении каждого из этих звеньев в кредитовании мелких и средних предприятий можно судить по данным, представленным в таблице 2.

---

[2] Там же, с. 34.

Таблица 2

Структура кредитования малого бизнеса*, %

Банки	1978 г.	1983 г.	1988 г.	1990 г.	1992 г.	1994 г.	1996 г.
Городские	23,8	24,4	31,8	31,6	30,3	32,6	32,4
Местные банки 1-й категории	21,1	20,7	20,3	21,5	21,8	22,2	22,6
Местные банки 2-й категории	14,9	14,8	11,6	9,7	9,8	9,8	9,8
Кредитные корпорации	17,8	17,4	14,4	14,8	15,0	14,3	14,8
Кредитные ассоциации	4,6	4,6	3,9	4,2	–	–	–
ЦБТПК**	4,1	3,7	3,0	3,6	3,7	3,4	3,3
КФМСП***	2,7	2,8	1,7	2,5	2,8	2,5	2,1
НФК****	2,5	2,6	1,9	2,4	2,7	2,7	2,4
Прочее	8,5	9,0	11,4	9,7	13,9	12,5	12,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Кэйдзай сисутэму-но тэнкан то тюсё кигё, с. 341; Тюсё кигё хакусё. 1997, с. 30 (Приложение).
** ЦБТПК – Центральный банк торгово-промышленных кооперативов
*** КФМСП – Корпорация финансирования мелких и средних предприятий
**** НФК – Национальная финансовая корпорация

Как видно из этих данных, подавляющая часть кредитов малому бизнесу – 70–75% – поступает по линии частных банков, среди которых преобладающие позиции к концу 80-х – началу 90-х годов заняли городские банки. На их долю в последнее десятилетие приходилось порядка 1/3 всех кредитов малому бизнесу. Укрепление позиций городских банков происходило за счет относительного ослабления влияния других категорий частных банков – местных банков второй категории, кредитных корпораций и кредитных ассоциаций, основными клиентами которых традиционно являлись мелкие и средние предприятия, «тюкэн кигё» и местные общественные корпорации. По существу, свои позиции под натиском городских банков смогли отстоять лишь местные банки первой категории.

Эти изменения означают, что, как только жизнь заставила городские банки обратить более пристальное внимание на малый бизнес, опираясь на свои экономические и неэкономические преимущества, они смогли довольно легко потеснить традиционных операторов этого рынка, предложив предприятиям более привлекательные условия сотрудничества. При этом речь идет не только о более выгодных условиях кредитования (таких, как уровень процента, объем кредита и сроки его погашения, величина залога), но и возможностях предоставления дополнительных услуг, в которых ма-

лый бизнес особенно нуждается, – различного рода консультаций, деловой информации, помощи в управлении и т.д.

Изменения в соотношении сил между различными видами частных банков в сфере кредитования мелких и средних предприятий на микроуровне проявились в таком процессе, как смена «главного банка». Как известно, среди крупных и значительной части мелких и средних предприятий Японии довольно широкое распространение получила так называемая «система главного банка» (main bank system), под которой имеется в виду практика установления между предприятием и одним из его банков-партнеров особо доверительных отношений, позволяющих обеим сторонам извлекать определенные преимущества. Прежде для большей части мелких и средних предприятий роль главного банка выполняли кредитные корпорации, местные банки первой и второй категории. Однако с началом финансовой либерализации ситуация начала меняться, и только за вторую половину 80-х годов около 10% мелких и средних фирм поменяли свой главный банк. При этом общим направлением стало повышение статуса главного банка: кредитные корпорации и местные банки первой и второй категории были заменены на местные банки, а местные банки обеих категорий – на городские[3].

В целом можно констатировать, что в результате ужесточения конкуренции между различными видами банков возможности получения кредитов для малого бизнеса расширились. Особенно благоприятной в этом отношении была ситуация второй половины 80-х – начала 90-х годов, когда, с одной стороны, с целью поддержания объема активных операций банки существенно увеличили масштабы кредитования малого бизнеса (так, за 1985–1991 гг. объем кредитов городских банков малым предприятиям вырос с 43 308,8 млрд. иен до 91 028 млрд. иен, или в 2,1 раза), а с другой – вследствие резкого роста цен на землю значительно улучшились позиции предприятий с точки зрения залоговой базы[4].

Разумеется, крах экономики «мыльного пузыря», ввергнувший японскую экономику в затяжную депрессию, не мог не сказаться на кредитной политике банков. В 90-е годы банки, прежде всего городские, обремененные огромными размерами «плохих» долгов (по некоторым оценкам достигающим 80-100 трлн. иен), стали более осторожно подходить к выбору клиентов среди мелких и средних фирм и в определенной степени ужесточили условия кредитования (при общей тенденции к понижению процентных ставок, что типично для периода депрессии).

Первой реакцией банков был отсев наименее благонадежных клиентов, в результате чего в первые годы депрессии общее число мелких и средних

---

[3] Кэйдзай сисутэму-но тэнкан то тюсё кигё (Изменение экономической системы и мелкие и средние предприятия). Токио, 1995, с. 344.

[4] Тюсё кигё хакусё. 1997, с. 30 (Приложение).

предприятий, кредитуемых городскими банками, сократилось с 851,2 тыс. в 1990 г. до 775 тыс. в 1993 г. (в том числе в обрабатывающей промышленности – со 175,7 тыс. до 158,5 тыс.). Кроме того, уменьшилась и доля предприятий, кредитуемых на условиях «prime rate»: так, среди «тюкэн кигё» доля предприятий, кредитуемых по ставкам, превышающим «prime rate», в марте 1991 г. составлявшая всего 8%, к марту 1993 г. поднялась до 34,5%[5].

В целом различия в условиях кредитования между крупными предприятиями и малым бизнесом, несколько сгладившиеся в период экономики «мыльного пузыря», в 90-е годы вновь возросли. Разумеется, существуют чисто объективные причины, вынуждающие банки кредитовать малый бизнес на более жестких условиях, чем крупный. Неустойчивое положение многих мелких и средних предприятий, слабая залоговая база, неопределенность перспектив повышают риск их кредитования для банков, что отражается в более высоком уровне процента и в более жестких требованиях в отношении залога (в то время, как крупные предприятия часто кредитуются без залогового обеспечения и без гарантов – только на основе доверия). Кроме того, из-за относительно небольших объемов кредитов издержки банков, связанные с проверкой положения дел у потенциальных клиентов из числа малых предприятий, выше, чем в случае крупных предприятий, что также повышает цену кредита.

Но наряду с этими объективными причинами на условиях кредитования мелких и средних предприятий сказывается и стремление банков решить за их счет ряд своих проблем с учетом того обстоятельства, что их позиции на переговорах намного слабее, чем позиции крупных компаний.

Как видно из данных таблицы 2, в 90-е годы на рынке кредитования мелких и средних предприятий в целом сохранилось соотношение сил, сложившееся к концу предыдущего десятилетия: городские банки продолжают занимать преобладающие позиции, обеспечивая до 1/3 общей суммы кредитов малому бизнесу, за ними следуют местные банки, которым удалось даже несколько увеличить свою долю (до 22,6% в 1996 г.), позиции двух других традиционных операторов этого рынка – местных банков второй категории и кредитных ассоциаций, – по существу, остались без изменений (соответственно около 10% и 15%)[6].

Перейдем теперь к следующему звену системы кредитования малого бизнеса – специализированным банкам. До 1990 г. в эту систему входили три вида финансовых институтов – банки взаимного кредита, кредитные корпорации и кредитные ассоциации. Но в конце 80-х годов банки взаимного кредита были преобразованы в обычные банки – местные банки второй категории – с разрешением производить все виды операций, включая валютные и с ценными бумагами. Их основными клиентами по-прежнему

[5] *Куцуна Кэндзи.* Тюсё кигё то бэнтя файнансу, с. 39.
[6] Тюсё кигё хакусё. 1997, с. 30 (Приложение).

остаются мелкие и средние предприятия, но к специализированным банкам они теперь не относятся.

Что касается кредитных корпораций и кредитных ассоциаций, то это наиболее близкие к малому бизнесу финансовые институты. Их клиенты – это главным образом мелкие и средние предприятия местного значения. В середине 90-х годов в Японии насчитывалось более 450 кредитных корпораций и более 400 кредитных ассоциаций.

По форме организации и те и другие представляют собой финансовые учреждения кооперативного типа, а что касается конкретных направлений деятельности, то в этом они практически ничем не отличаются от обычных банков.

Различия между кредитными корпорациями и кредитными ассоциациями состоят в том, что если первые работают только со своими членами, то вторые, учитывая векселя и кредитуя только своих членов, принимают депозиты и от других клиентов.

Из-за сложностей с пополнением кредитных ресурсов проценты по ссудам здесь довольно высоки, а размеры ссуд существенно ниже, чем у банков (по кредитным корпорациям – не более 1,5 млрд. иен, а по кредитным ассоциациям – не более 800 млн. иен). Однако процедура получения кредита здесь проще, так как предприятия избавлены от необходимости предоставлять залоговое обеспечение и гарантов[7].

Из-за активного переключения городских банков на кредитование мелких и средних предприятий в 80-е годы кредитные корпорации и кредитные ассоциации были вынуждены уступить им часть своего традиционного бизнеса и перенести центр тяжести активных операций на рынок ценных бумаг. При этом их кредитная деятельность все больше перемещалась в сферы, имевшие непосредственное отношение к раздуванию «мыльного пузыря» (строительство и операции с недвижимостью), а доля обрабатывающей промышленности, прежде являвшейся основным объектом кредитования этих финансовых институтов, быстро падала (к началу 90-х годов – до 1/3 в общей сумме кредитов)[8].

В 90-е годы вследствие более осторожного подхода городских банков к выбору клиентов среди малых предприятий кредитные корпорации и кредитные ассоциации смогли несколько улучшить свои позиции, вернув часть прежней клиентуры, но в тенденции ситуация складывается не в их пользу.

Что касается третьего звена в системе кредитования малого бизнеса – институтов государственного (политического) финансирования – то они не

---

[7] *Тэраока Хироси.* Нихон-но тюсё кигё сэйсаку (Политика в отношении мелких и средних предприятий в Японии). Токио, 1997, с. 118-119.

[8] *Куцуна Кэндзи.* Тюсё кигё то бэнтя файнансу, с. 44.

только дополняют количественно ресурсы частных банков, но и служат для реализации определенных целей государственной политики.

Как видно из данных таблицы 2, в 80-е годы вследствие активизации частных банков доля кредитов правительственных институтов малому бизнесу несколько уменьшилась (с примерно 10% в начале 80-х годов до 6-6,5% в конце десятилетия). Однако после развала экономики «мыльного пузыря» она вновь начала возрастать и к середине 90-х годов поднялась до 8-8,5%. При этом государственные кредиты направлялись прежде всего в те отрасли, которые испытывали нехватку средств из-за ухода из них частных банков.

Корпорация финансирования мелких и средних предприятий предоставляет кредиты как через свои отделения, так и через посредников – городские и местные банки, траст-банки, банки долгосрочного кредитования, кредитные корпорации и ассоциации (в настоящее время их насчитывается более 800). Кредиты выдаются на цели инвестирования в оборудование и в оборотный капитал с длительным периодом оборота (в первом случае на срок от 10 до 20 лет, во втором – от 5 до 7 лет). Размеры кредитов составляют обычно от 100 млн. до 400 млн. иен, в отдельных случаях – до 600 млн. иен.

Национальная финансовая корпорация ссужает относительно небольшие суммы (до 40 млн. иен) физическим и юридическим лицам, желающим открыть дело или расширить его. Эти операции совершаются через 151 отделение корпорации и более 900 посредников. Кредиты на цели инвестирования в оборудование выдаются на срок до 10 лет, а для инвестиций в оборотный капитал – до 5 лет. Кроме того, корпорация выдает специальные кредиты на цели совершенствования управления (до 60 млн. иен). В этом случае сроки погашения кредита составляют 20 и 7 лет соответственно.

Наконец, Центральный банк торгово-промышленных кооперативов финансирует кооперативы малого бизнеса (а также их членов) и другие виды объединений мелких и средних предприятий. Банк имеет широкую сеть отделений (более 100) как в самой Японии, так и за рубежом. Кроме того, небольшие суммы кредитов (до 100 млн. иен) желающие могут получить через Кредитные ассоциации. Размеры кредитов достаточно велики – до 15 млрд. иен при кредитовании кооперативов и до 1,5 млрд. иен при кредитовании их членов. Кредиты для инвестиций в оборотный капитал выдаются на срок до 10 лет, а в основной капитал – до 15 лет[9].

Как отмечалось выше, кредитная деятельность этих финансовых институтов имеет целью не только дополнить количественно ресурсы частного сектора, но и содействовать реализации тех или иных направлений государственной политики. Поэтому обычно кредиты, предоставляемые по этой

[9] *Тэраока Хироси*. Нихон-но тюсё сэйсаку, с. 105-109.

линии, носят целевой характер (например, на цели сбережения энергии, защиты окружающей среды, компьютеризации производства и управления и т.д.), но условия кредитования мягче, чем в частном секторе.

В связи с рассмотрением вопроса о финансировании малого бизнеса нельзя не упомянуть и о системе государственного гарантирования и страхования кредитов частных банков, предназначенных для мелких и средних предприятий. Целью этой системы является облегчение доступа малых предприятий к ресурсам частных банков, а существо ее вкратце сводится к следующему. Во всех префектурах и ряде крупных городов Японии созданы ассоциации гарантирования кредитов, которые по заявкам мелких и средних фирм предоставляют им гарантии, под которые они могут получить кредиты в частных банках.

Размеры гарантий различаются в зависимости от целей, под которые берется кредит. Например, размеры гарантий по кредитам на цели предотвращения загрязнения окружающей среды составляют 20 млн. иен (для кооперативов – 40 млн. иен), на цели экономии энергии – соответственно 100 млн. и 200 млн. иен, для зарубежного инвестирования – 200 млн. и 400 млн. иен, для открытия нового дела – 150 млн. и 300 млн. иен, на развитие техники и технологии – 200 млн. и 400 млн. иен. В остальных случаях (например, для привлечения дополнительной рабочей силы, предотвращения банкротства, импорта товаров, для развития народных промыслов и т.д.) объем гарантий составляет 135 млн. иен для отдельных предприятий и 255 млн. иен для кооперативов.

За пользование услугами ассоциаций гарантирования кредитов предприятия платят 1% в год от объема гарантий[10].

Если предприятие погашает кредит в срок, то соглашение между ним, ассоциацией и банком аннулируется. В случае же возникновения со стороны предприятия каких-либо затруднений ассоциация берет на себя ответственность по платежам и возвращает банку кредит.

В то же время сами ассоциации страхуют выданные гарантии в Корпорации страхования кредитов для мелких и средних предприятий – специально созданной для этих целей правительственной организации. По соглашению между ассоциациями гарантирования кредитов и Корпорацией страхования кредитов, как только наступает страховой случай (выплата ассоциацией банковского кредита вместо предприятия), Корпорация выплачивает первым от 70 до 80% суммы гарантированного кредита. При этом ассоциации вносят в Корпорацию страхования кредитов определенные суммы в виде ежегодных взносов и, кроме того, получив от предприятия компенсацию за выплаченный кредит (что предусмотрено требованием

[10] Там же, с. 112-114.

предоставления залога на весь объем гарантии), переводят ей 70-80% этой суммы[11].

Система государственного гарантирования и страхования кредитов частных банков малым предприятиям, и прежде игравшая важную роль в финансовом обеспечении их развития, в 90-е годы, когда после краха экономики «мыльного пузыря» многие мелкие и средние предприятия попали в крайне тяжелое положение, оказалась просто незаменима. Достаточно сказать, что в первой половине 90-х годов среднегодовой объем выплат частным банкам по линии ассоциаций гарантирования кредитов в среднем в пять раз превышал уровень второй половины 80-х годов. А об абсолютных масштабах операций в рамках этой системы можно судить по следующим цифрам: в первой половине 90-х годов малому бизнесу ежегодно предоставлялись гарантии на сумму 12-13 трлн. иен, а во второй половине – порядка 14-15 трлн. иен[12].

В укреплении финансовой базы ассоциаций гарантирования кредитов заметную роль играют и местные органы самоуправления, которые через местные общественные корпорации переводят в них определенные суммы, что позволяет увеличить возможности ассоциаций по гарантированию кредитов малому бизнесу.

Следует также упомянуть и о различных схемах кредитования малого бизнеса по линии местных органов самоуправления (различающихся как по объектам, так и по целям кредитования). Предприятия, подпадающие под эти схемы, в массе своей являются мелкими и мельчайшими, и хотя размеры кредитов невелики (в середине 90-х годов в среднем они составляли порядка 8-10 млн. иен), для предприятий этой категории они имеют весьма важное значение, так как в силу слабости залоговой базы для них доступ к кредитам частных банков (в том числе и через ассоциации гарантирования кредитов) сильно ограничен. В рамках же этой системы даже после некоторого ужесточения условий кредитования в связи с крахом экономики «мыльного пузыря» почти в 80% случаев залога не требуется[13].

Обратимся теперь к возможностям самофинансирования мелких и средних предприятий. Собственные средства предприятий, направляемые на финансирование развития, складываются их двух источников – приращения акционерного капитала и внутренних накоплений (за счет прибыли и амортизационных отчислений). Как видно их данных таблицы 1, по всем трем группам малых предприятий наблюдается аналогичная картина: основным источником самофинансирования являются внутренние накопления, а что касается выпуска акций, то даже в высшем слое – «тюкэн кигё» –

[11] *Куцуна Кэндзи.* Тисё кигё то бэнтя файнансу, с. 75.
[12] Там же, с. 76-77; Кинъю кэйдзай токэй гэппо. 1999, № 11, с. 163.
[13] *Куцуна Кэндзи.* Тюсё кигё то бэнтя файнансу, с. 69, 71.

на него приходится ничтожно малая доля, измеряемая десятыми долями процента.

Собственные средства имеют чрезвычайно важное значение для развития предприятий, так как именно они являются источником рискового капитала, направляемого на развитие НИОКР, освоение новых сфер деятельности, проникновение на новые рынки и т.д. Очевидно поэтому существенно более низкий уровень самофинансирования мелких и средних предприятий по сравнению с крупными (в 90-е годы у последних на выпуск акций приходилось 9-10%, а на внутренние накопления – 25-26%) является наиболее слабым местом структуры финансов малого бизнеса.

Такова картина в целом. Между тем при ближайшем рассмотрении можно обнаружить ряд моментов, которые существенно корректируют этот вывод в отношении определенных групп предприятий.

Так, среди мелких и средних предприятий есть немало таких, где при практически полном отсутствии выпуска акций и крайне низком уровне самофинансирования за счет прибыли и амортизации неожиданно большими оказываются личные активы владельцев. Японские ученые К. Фудзита и М. Такэути объясняют этот парадокс следующими двумя обстоятельствами: с одной стороны, личные активы владельцев являются своего рода страховым фондом, который может быть востребован тогда, когда предприятие будет остро нуждаться в деньгах; с другой стороны, в силу особенностей японской налоговой системы направление прибыли на приращение личных активов и опора в финансировании развития на внешние источники оказываются для владельцев предприятий более выгодными, чем использование прибыли для накопления капитала[14].

Далее, на значительной части малых предприятий накопление капитала за счет прибыли либо вообще не происходит, либо происходит лишь периодически. Так, например, в группе семейных предприятий, организующих дело в виде побочных или подсобных промыслов с целью пополнения семейных доходов, случаев накопления капитала практически не наблюдается. В группе семейных предприятий, организующих производство каких-либо видов товаров или услуг с целью увеличения доходов семьи, но не разделяющих прибыль и заработную плату, предпринимательские счета и семейный бюджет, накопление прибыли с целью расширения производства происходит лишь периодически. Среди семейных фирм, ориентированных на предпринимательство, т.е. четко разделяющих предпринимательские счета и семейный бюджет и функционирующих ради получения прибыли, также немало таких, которые лишь периодически используют прибыль для накопления капитала, а обычно направляют ее на увеличение личного богатства семьи. И даже среди полноценных предприятий, организованных в

[14] *Фудзита К., Такэути М.* Тюсё кигёрон (Теория мелких и средних предприятий). Токио, 1994, с. 87.

форме корпораций, нанимающих рабочую силу и ставящих целью получение прибыли и расширение производства, есть довольно много предприятий, которые периодически используют прибыль для увеличения личного богатства главы фирмы, а не для накопления капитала[15].

Наконец, среди «тюкэн кигё» есть предприятия, где уровень самофинансирования существенно выше, чем в среднем по группе, причем не только за счет внутренних, но и внешних источников, т.е. за счет выпуска акций. Рассмотрим этот вопрос несколько более подробно.

На большей части мелких и средних предприятий, в том числе и в группе «тюкэн кигё», выпуск акций носит нерыночный характер, так как они распределяются в основном среди работников предприятий, а также родственников и друзей хозяина. Однако среди «тюкэн кигё» есть несколько сотен компаний, которые смогли преодолеть эту практику и выйти на рынок ценных бумаг.

Японские «тюкэн кигё» могут заниматься публичной продажей акций на так называемом рынке «тэнто сидзё» (что буквально означает «рынок лавок»). Он представляет собой внебиржевой рынок ценных бумаг со значительно более либеральными, чем на бирже условиями регистрации компаний. В течение 80 – 90-х годов условия листинга на «тэнто сидзё» неоднократно смягчались, что сделало его более доступным для компаний, решивших приступить к публичной продаже акций. Кроме того, в конце 1991 г. был введен индекс акций «тэнто сидзё» – JASDAQ, а также организована система автоматической купли-продажи акций, что облегчило работу инвесторов на этом рынке и придало большую плавность процессу купли-продажи акций[16].

Число зарегистрированных на «тэнто сидзё» компаний быстро возрастает: со 108 в 1982 г. до 436 в 1992 г. и 779 к началу 1997 г. Большая часть из них – это «тюкэн кигё» из зрелых отраслей японской экономики, существующие уже не один десяток лет. Размеры этих компаний таковы, что условия листинга на «тэнто сидзё» ими легко перекрываются. Например, среди 363 компаний, зарегистрированных в 1986–1992 гг., у 260 – размеры акционерного капитала составляли более 1 млрд. иен (при требовании – не менее 100 млн. иен), а у 344 объем чистых активов превышал 1 млрд. иен (при требовании – не менее 200 млн. иен)[17].

О масштабах операций на «тэнто сидзё» можно судить по тому факту, что уже к началу 90-х годов по количеству и стоимости выпущенных акций он сравнялся со второй секцией биржи.

Разумеется, крах экономики «мыльного пузыря» оказал негативное влияние на развитие этого рынка, и в 1992-1993 гг. здесь наблюдался за-

---

[15] *Киёнари Тадао.* Тюсё кигё (Мелкие и средние предприятия). Токио, 1985, с. 31-33.
[16] Кэйдзай сисутэму-но тэнкан то тюсё кигё, с. 350.
[17] *Куцуна Кэндзи.* Тисё кигё то бэнтя файнансу, с. 108.

стой. Но с 1994 г. «тэнто сидзё» вновь начал оживать, и в последующие годы ежегодно на нем регистрировалось более 100 компаний[18].

Кроме того, в результате финансовой либерализации некоторые из «тюкэн кигё» получили возможность выпускать так называемые «сибосай», т. е. малые партии облигаций, предназначенных для распространения среди узкого круга подписчиков (в основном банков и деловых партнеров предприятий).

В результате всех этих изменений по структуре и способам привлечения финансовых ресурсов определенная группа «тюкэн кигё» вплотную приблизилась к крупным предприятиям. Это сближение наблюдалось и в отношении направлений использования средств. Так, на волне финансовой либерализации во второй половине 80-х – начале 90-х годов довольно большое число «тюкэн кигё» стали заниматься операциями «дзайтэк», стремясь получать доходы не только от основной сферы бизнеса, но и от операций с различными финансовыми инструментами. Правда, поскольку некоторые финансовые инструменты (крупномасштабные депозиты, депозитные сертификаты, «гэнсаки») продавались только крупными лотами и поэтому были недоступны для многих предприятий, масштабы операций «дзайтэк» на «тюкэн кигё» были относительно невелики.

Таким образом, как было показано выше, при общности некоторых финансовых проблем и схожести структуры финансирования между различными группами мелких и средних предприятий, а также внутри каждой из групп можно обнаружить весьма значительные отличия. И если в верхнем слое малого бизнеса – «тюкэн кигё» – существует немало предприятий, чей финансовый менеджмент весьма сходен с тем, что применяется в крупных компаниях, то в отношении нижних его этажей – предприятий семейного типа, не разделяющих семейный бюджет и предпринимательские счета, – говорить о финансовом менеджменте как таковом можно лишь с большой долей условности. При этом и среди однотипных предприятий можно обнаружить весьма значительные с точки зрения финансового положения различия, связанные с особенностями стратегии компании, уровнем компетентности менеджмента, состоянием дел в данной сфере бизнеса, особенностями отношений с банками и т.д.

Продолжая тему контрастов в малом бизнесе, хотелось бы остановиться на финансовых проблемах еще одной группы предприятий – венчурных фирм. Поскольку проблемы, с которыми сталкиваются эти предприятия, весьма специфичны, они, на наш взгляд, заслуживают специального рассмотрения.

В системе финансирования венчурных предприятий можно выделить следующие звенья: частные компании венчурного капитала, банки, госу-

[18] Там же, с. 91.

дарственные и префектуральные органы содействия развитию венчурного бизнеса.

Прежде всего следует отметить, что структура финансирования венчурных фирм выглядит по-разному на разных стадиях их развития. На первых двух стадиях, когда происходит разработка научной идеи и ее воплощение в технологию производства, венчурные предприятия существуют в основном на деньги своих основателей, а также их родственников и друзей. Согласно данным одного из обследований в середине 90-х годов в структуре средств финансирования венчурных предприятий в стартовый период на деньги владельцев предприятий приходилось 45,1%, а на деньги их родственников и друзей – 33,5%. Роль частных компаний венчурного капитала на этой стадии ничтожна, на банки приходится порядка 10% необходимых для старта средств, а на государственные и префектуральные органы – 6%[19].

В этом плане Япония сильно отстает от США, где, помимо эффективной помощи государства, с самого начала своей деятельности венчурные фирмы получают поддержку и со стороны частных инвесторов.

На третьей и четвертой стадиях, когда происходит налаживание производства, освоение массового выпуска продукции и стабильный рост продаж, к финансированию венчурных фирм подключаются частные компании венчурного капитала, а также индивидуальные венчурные капиталисты. Кроме того, достигшие успеха венчуры получают возможность привлечения средств за счет публичной продажи акций на рынке «тэнто сидзё». Существенно расширяются и масштабы кредитования венчурных предприятий частными банками.

О значении каждого из этих источников можно судить по следующим цифрам. Почти у 45% венчурных предприятий на долю банковских кредитов приходится более половины в структуре средств финансирования, а еще у 20% – от 30 до 50%; 27,5% венчуров более половины необходимых средств обеспечивают за счет самофинансирования, а еще у 16% эта доля составляет от 30 до50%. Самым же поразительным является тот факт, что абсолютное большинство венчурных предприятий вообще не используют ни средства частных компаний венчурного капитала, ни деньги индивидуальных венчурных капиталистов (соответственно 78,2 и 79,6% предприятий). А среди тех, кто прибегает к этим источникам, преобладают предприятия, где их доля составляет менее 10%[20].

Как отмечают японские специалисты, именно неразвитость венчурного капитала (и в плане подключения к финансированию венчуров лишь на

---

[19] Там же, с. 17. Для сравнения укажем, что структура финансирования в стартовый период обычных мелких и средних предприятий выглядит следующим образом: на личные средства владельцев приходится 30,8%, деньги их друзей и родственников – 8,4%, помощь партнеров – 12%, банковские кредиты – 25,7%, кредиты государственных и местных органов – 10,1% (Там же, с. 13).

[20] Тюсё кигё хакусё. 1997, с. 364.

поздних стадиях развития, и в плане ограниченности самих масштабов финансирования) является главным недостатком системы финансирования венчурного бизнеса в Японии.

Что же представляет собой венчурный капитал в Японии?

Первые частные компании венчурного капитала возникли в Японии еще в начале 70-х годов. Со вступлением страны в 80-е годы их число начало быстро возрастать и к концу 90-х годов их насчитывалось уже около 130. Большая часть этих компаний представляет собой дочерние фирмы, созданные банками, компаниями по операциям с ценными бумагами, страховыми компаниями и «сого сёся» (универсальными торговыми компаниями).

Основные функции компаний венчурного капитала состоят в приобретении акций венчурных предприятий до их выхода на рынок ценных бумаг и оказании им различных консультационных услуг. При этом, если дела венчурного предприятия идут успешно, и оно достигает таких масштабов, которые соответствуют условиям, выдвигаемым при регистрации на рынке ценных бумаг (в отношении суммы активов, размеров дивидендов, уровня прибыли и т.д.) и позволяют ему приступить к публичной продаже акций, то компания, владеющая акциями этого предприятия, получает огромные доходы за счет значительного роста цены акций при их публичной продаже.

В Японии в случае успеха венчурное предприятие получает возможность публичной продажи акций на рынке «тэнто сидзё», о котором уже говорилось выше. К середине 90-х годов на нем было зарегистрировано уже более 100 венчурных фирм, а в июле 1995 г. этому процессу был придан дополнительный импульс. Во-первых, были сняты ограничения на число вновь выходящих на «тэнто сидзё» предприятий и, во-вторых, была открыта вторая секция «тэнто сидзё». Если прежде одним из непременных условий регистрации был уровень доходности не менее 10 иен на одну акцию, то теперь на второй секции этого рынка могут быть зарегистрированы и предприятия, не достигшие пока высокой рентабельности и даже работающие с убытками, но имеющие многообещающие перспективы[21].

Принятие этих мер было одной из попыток разорвать «порочный круг», сложившийся в системе финансирования венчурного бизнеса Японии, суть которого состоит в следующем. С одной стороны, из-за того, что частные капиталы подключаются к финансированию венчуров лишь на поздней стадии, у последних из-за нехватки средств период от начала деятельности до выпуска акций оказывается слишком растянут (если в США он составляет в среднем 5 лет, то в Японии – 29 лет). С другой стороны, если частный капитал, окажет помощь венчурному предприятию в стартовый пери-

[21] Сакура сого кэнкюдзё кэйдзай рэпото (Экономический доклад Института комплексных исследований банка Сакура). Токио, 19.01.1996, с. 6-7.

од, то ему придется долго ждать возврата своих денег, поэтому он и не стремится прийти сюда на ранних стадиях.

Однако, как отмечают японские специалисты, главным условием решения этой проблемы является изменение идеологии самих венчурных капиталистов и, прежде всего, их отношения к рисковому менеджменту. Достаточно сказать, что если в США 56% случаев инвестирования частного капитала в венчурные предприятия приходится на раннюю стадию их развития (когда риск инвестирования особенно велик), то в Японии – только 6,5%[22].

Значительно уступает Япония США и с точки зрения масштабов деятельности индивидуальных венчурных капиталистов (так называемых «ангелов»). «Ангелы» приходят на помощь венчурным предприятиям на самой ранней стадии их развития – разработки научной идеи – и оказывают им не только финансовую поддержку, но и помощь в проведении НИОКР, консультируют по вопросам маркетинга и управления и т.д.

В США в роли «ангелов» часто выступают управляющие венчурных предприятий, добившихся успеха и вышедших на рынок ценных бумаг. Имея за спиной опыт работы в венчурном бизнесе, они способны на самых ранних стадиях развития венчуров оценить их перспективность и оказать им реальную помощь (а тем самым многократно снизить для себя риск инвестирования в эти предприятия). О масштабах деятельности американских «ангелов» свидетельствуют следующие данные: если среднегодовой объем инвестиций частных компаний венчурного капитала в венчурный бизнес составляет порядка 4 млрд. долл., то «ангелы» предоставляют ему порядка 20 млрд. долл., т.е. в 5 раз больше[23].

В Японии же, как отмечают сами японские специалисты, почти нет независимых капиталистов, способных профессионально оценить перспективность того или иного предприятия на самых ранних стадиях его развития, а масштабы деятельности индивидуальных венчурных капиталистов весьма скромны.

Акцентируя внимание на проблемах, существующих в сфере финансирования венчурного бизнеса по линии частных венчурных капиталов, следует в то же время отметить, что объем инвестиций последних в акции венчурных предприятий довольно быстро нарастает: за период 1983–1993 гг. он увеличился более, чем в 10 раз (с 70 млрд. до 796 млрд. иен), а в последующие годы на эти цели направлялось ежегодно порядка 300–400 млрд. иен[24].

С начала 80-х годов к финансированию венчурного бизнеса все более активно стали подключаться и японские банки. Как известно, особенностью японских банков является акцент на долгосрочные стратегические ин-

---

[22] Тюсё кигё хакусё. 1997, с. 368.

[23] Там же, с. 382.

[24] *Куцуна Кэндзи.* Тисё кигё то бэнтя файнансу, с. 140.

тересы, расчет на длительную перспективу. Вот почему, несмотря на определенный риск, они идут на расширение сделок с венчурными предприятиями, видя в последних «хороших клиентов XX1 в.».

Как отмечалось выше, на значительной части венчурных предприятий, удачно преодолевших этап старта и налаживания производства и вступивших в период освоения массового выпуска продукции, банковские кредиты являются наиболее крупным источником средств финансирования. Их притоку в венчурный бизнес, безусловно, способствует система государственного гарантирования обязательств венчурных предприятий, причем в данном случае в качестве гарантов выступают не только уже упоминавшиеся выше ассоциации гарантирования кредитов, но и некоммерческий фонд – Центр венчурных предприятий и Фонд развития производства министерства внешней торговли и промышленности (МВТП).

Центр венчурных предприятий, созданный в 1979 г. на правах общественного юридического лица, осуществляет гарантирование обязательств предприятий, ведущих интенсивные научные исследования и обладающих передовой технологией, а также интеллектуалоемких предприятий (прежде всего, в сфере услуг), способных предложить обществу качественно новые виды товаров и услуг. Центр гарантирует до 80% суммы обязательств венчурных фирм, но не более 80 млн. иен на каждый проект на срок от одного года до восьми лет, а в качестве платы взимает ежегодно 1-2% от суммы гарантий. С 1979 по 1995 г. его услугами воспользовались около 500 венчурных предприятий[25].

Фонд развития производства МВТП с 1989 г. начал осуществлять гарантирование обязательств «предприятий новаторского типа, предлагающих обществу качественно новые виды товаров и услуг, способствующие повышению жизненного уровня населения». Он гарантирует до 70% объема кредитов этим предприятиям, предоставленных частными банками и, кроме того, выступает гарантом по их облигациям.

Очевидно, что система государственного гарантирования обязательств венчурных фирм является важным инструментом, стимулирующим приток частного банковского капитала в венчурный бизнес, однако возможности ее невелики в силу ограниченности общих размеров средств, выделяемых на эти цели. По мнению японских специалистов, принципиально важное значение для облегчения доступа венчурных предприятий к банковским кредитам мог бы иметь переход банков к беззалоговому их кредитованию, т.е. к использованию в качестве залога по кредиту не материальных ценностей, а идей и ноу-хау, прошедших экспертизу в каком-либо из органов содействия венчурному бизнесу. Но для такого перехода необходимо, чтобы деловой мир Японии, традиционно признававший основным видом залога

[25] Сакура сого кэнкюдзё кэйдзай рэпото, с. 139.

лишь землю, изменил свою «систему ценностей», что потребует длительного времени.

Рассмотрим теперь вопрос о государственной системе финансирования венчурного бизнеса. Помимо упомянутого выше гарантирования обязательств венчурных фирм в ней можно выделить еще два звена: государственный венчурный капитал, а также программы финансирования венчурных предприятий в форме предоставления им кредитов и субсидий.

Государственный венчурный капитал представлен тремя акционерными компаниями по содействию инвестициям в мелкие и средние предприятия, созданными в Токио, Осака и Нагоя в 1963 г. и получившими статус «особых акционерных компаний». Свыше 80% их капитала принадлежит частному капиталу (банкам, брокерским и страховым фирмам, промышленным компаниям), а остальное – местным общественным корпорациям. В своей деятельности эти компании подотчетны МВТП и на все свои действия (начиная от выборов директора и кончая рабочим планом) должны получать его санкцию.

К финансированию венчурных фирм (т.е. приобретению их акций на ранних стадиях развития) эти компании фактически приступили лишь с 1983 г., когда был создан предназначенный для этих целей фонд и смягчены условия получения денег для венчуров (требуемый уровень доходности акций был понижен до10%).

Сейчас главным объектом деятельности этих компаний являются мелкие фирмы с капиталом не более 100 млн. иен, которые тратят на НИОКР не менее 3% объема продаж и созданы не более 10 лет назад.

В 1989 г. к этим трем компаниям добавилась еще одна, основную часть капитала которой составляют средства Фонда развития производства МВТП. Объектом ее деятельности являются относительно крупные венчуры – с капиталом до 1 млрд. иен, но созданные не более трех лет назад.

Что касается различных схем кредитования и субсидирования венчурных предприятий, то в настоящее время наиболее мощным каналом этого вида поддержки является частично беззалоговое кредитование венчуров по линии Корпорации финансирования мелких и средних предприятий, введенное в феврале 1995 г. Объектом приложения этой схемы являются предприятия, открывшиеся не более трех лет назад и производящие продукцию, не имеющую аналогов. Отбор предприятий для этого вида поддержки осуществляет специально созданный при корпорации комитет. Процент по долгосрочным ссудам устанавливается на уровне, превышающем стандартный процент по таким операциям на 0,3%, а верхний предел самих ссуд составляет 600 млн. иен (при этом размер беззалоговой части – 40 млн. иен)[26].

[26] Там же, с.141.

Аналогичные схемы кредитования действуют во многих префектурах Японии, при этом в центре внимания властей находятся предприятия местного значения, бизнес которых представляется перспективным с точки зрения развития «малой родины». Верхний предел ссуд составляет 600 млн. иен, но на всю эту сумму требуется залог.

Что касается субсидирования венчурных предприятий, то прежде всего следует упомянуть о программе, осуществляемой по линии Корпорации финансирования мелких и средних предприятий. В рамках этой программы венчурным фирмам предоставляются субсидии в размере 30 млн. иен для частичного покрытия их расходов на НИОКР. Субсидии выдаются предприятиям, направляющим на НИОКР не менее 10% объема продаж и созданным не более 10 лет назад. Для получения субсидии предприятие должно представить в специальный комитет детальный план освоения нового направления производства в случае успешного завершения НИОКР.

Кроме того, субсидированием венчуров занимается созданный в 1984 г. некоммерческий фонд, получивший название «Фонд содействия развитию мелких и средних предприятий венчурного типа». Верхние пределы предоставляемых им субсидий составляют 4 млн. иен[27].

* * *

Итак, как было показано выше, в Японии функционирует сложная многозвенная система финансирования мелких и средних предприятий, которая в целом способна обеспечить их ресурсами, необходимыми для бесперебойного и динамичного развития. Это не означает, разумеется, что на микроуровне экономики, т.е. на уровне отдельных предприятий, ежедневно и ежечасно не возникают сложные (а подчас и тупиковые) ситуации, вынуждающие мелкие и средние фирмы не только отказаться от планов дальнейшего развития, но и вообще уйти из бизнеса. Однако в Японии по сравнению с другими развитыми странами число подобных случаев относительно невелико, о чем свидетельствует намного более низкий, чем в других странах уровень банкротств среди мелких и средних предприятий.

[27] Там же, с. 142.

Земельный вопрос в Японии

С.Б. Маркарьян

Сельское хозяйство Японии – сравнительно отсталая отрасль, в известной мере ахиллесова пята этой второй экономической державы мира. Его главная болевая точка – высокие издержки производства и, как следствие, низкий уровень конкурентоспособности продукции. Во многом это обусловлено мелкими размерами землевладения и землепользования (подавляющее большинство хозяйств имеет в своем распоряжении до 1 га), что не позволяет экономить на масштабах производства, особенно в земледельческих отраслях, а на них приходится примерно 3/4 стоимости сельскохозяйственной продукции.

Парцеллярное землепользование – характерная черта Японии, связанная как с природно-географическими, так и с социально-экономическими и историческими условиями развития страны. Прежде всего надо отметить незначительные размеры пригодной к обработке земли. Примерно 70% территории Японии приходится на горно-лесные районы. Равнины занимают лишь 20% площади. Доля обрабатываемой земли никогда не поднималась выше 16%. В 90-е годы она составляла только 13,5%. Более того, большая часть обрабатываемых земель находится на склонах, и террасированные поля – привычный пейзаж страны.

Феодальная земельная собственность была ликвидирована здесь во второй половине XIX в., которая стала исключительно важным этапом истории Японии. «Открытие» страны (заключение торговых договоров с рядом государств) в 50-е годы, революция 1868 г. и последовавшие за ней социально-экономические и политические преобразования положили конец более чем двухсотлетней ее изоляции от внешнего мира, расчистили путь к ускоренной модернизации и развитию капитализма, превратив Японию из страны «отшельника» в государство сначала регионального, а затем и мирового значения.

В числе упомянутых преобразований трудно переоценить аграрные, проведенные в 1871–1873 гг. Они оказали серьезное влияние на дальнейшую судьбу японского общества. Среди наиболее важных мероприятий аграрной реформы, кроме упомянутой ликвидации феодальной собственности на землю, следует отметить отмену феодальной зависимости крестьян, введение системы купли-продажи земли, свободу выбора возделываемых культур и последнее по счету, но не по важности – введение земельного налога, что имело исключительно большое значение, ибо в течение длительного времени он обеспечивал финансовую базу промышленного разви-

тия Японии. Проведение аграрных преобразований привело к созданию частной собственности на землю, что содействовало быстрому развитию сельскохозяйственного производства[1], которое являлось основным источником создания в стране в тот период материальных ценностей. Не следует забывать, что почти 3/4 населения составляло тогда крестьянство.

В соответствии с положениями реформы право собственности на землю получили все, кто фактически являлся ее владельцем. Это были крестьяне, которые сохранили свои наделы при феодальном строе, выплачивая земельную ренту или другие налоги феодалам или государственным чиновникам. Это были помещики (в Японии помещиками называют землевладельцев, которые всю свою землю или ее часть сдают в аренду), зажиточные крестьяне, ростовщики и купцы, которые правдами или неправдами (купля-продажа земли была запрещена) получили ее за долги в качестве залога или путем поднятия целины. Арендаторы и безземельные крестьяне, имевшие землю ранее, но заложившие ее к этому времени, такого права не получили.

В ходе реформы появились частные и государственные земли. Общинное пользование лугами, лесами и пастбищами в пределах княжеств утратило силу. Был проведен кадастр земель, они были разделены на три группы в зависимости от качества – высшую, среднюю и низшую. Соответственно определялась цена земли, 3% которой ее владелец был обязан выплачивать в казну в качестве земельного налога. Последний в 1888 –1892 гг. составлял свыше 85% всех налоговых поступлений, в 1893 –1897 гг. – 80% и даже в 1898 –1902 гг. на него приходилось все еще 63%[2].

В то же время новая система землевладения и землепользования, поставив крестьянство в рыночные условия, принесла ему новые проблемы. Кроме земельного налога, владельцы земли выплачивали еще и местный налог. Оба взимались в денежной форме и в целом общая сумма составляла немногим менее половины валового дохода (правда, в отличие от прежних времен не было дополнительных поборов, которые подчас доводили размеры обложения до 70% стоимости урожая). Мелкие собственники были вынуждены, как правило, продавать свою продукцию сразу после сбора урожая вне зависимости от конъюнктуры рынка. Кроме того, раньше в неурожайные годы рентные платежи с крестьян снижались, а при новой системе размер налога оставался неизменным. Поэтому крестьяне по-прежнему

---

[1] Объем сельского и лесного хозяйства в 1878–1898 гг. вырос в 3,6 раза. – *Тобата Сэйити, Уно Кодзо.* Нихон сихонсюги то ногё (Японский капитализм и сельское хозяйство). Токио, 1959, с. 57: вывоз шелка-сырца – одной из главных статей японского экспорта – за 1867–1992 гг. увеличился в 6 раз (Ногё сого кэнкю. 1960, №3, с. 116).

[2] Agricultural Development in Modern Japan. Tokyo, 1963, p. 25.

часто обращались за ссудой к помещику и ростовщику и нередко теряли обретенную землю. Бывшие собственники становились арендаторами или полуарендаторами (т.е. приарендующими часть обрабатываемой ими земли). Доля арендаторов, например, в общем числе хозяйств выросла за 1884 –1907 гг. с 20 до 29%[3], а доля арендуемой земли повысилась с 30% в 1868г. до 44% в 1905 г.[4]. Арендная плата, кстати сказать, также была достаточно велика, достигая в натуральном виде не менее 50-60% урожая.

Помещикам принадлежала примерно половина обрабатываемой земли, большую часть которой они сдавали в аренду крестьянам мелкими участками, некоторые из них совсем не обрабатывали свои земли, а другие даже и не жили в деревне. В результате в большинстве своем они не были заинтересованы в капиталовложениях в сельское хозяйство и инвестировали денежные средства от арендных платежей в другие отрасли экономики. Незаинтересованность помещиков в развитии отрасли, низкие доходы основной массы крестьян лимитировали рост внутреннего рынка, стояли на пути технического прогресса в отрасли, сковывали развитие производительных сил, препятствовали увеличению сельскохозяйственного производства. Следует заметить, что попытки создать крупные хозяйства с наемной рабочей силой в еще не заселенных или мало освоенных районах (например, на Хоккайдо) в конце XIX в. потерпели неудачу. Они не устояли под натиском развивавшейся издольщины, которая приносила землевладельцам достаточный доход и не была связана с риском предпринимательства.

Неудовлетворительное развитие сельского хозяйства, тяжелое положение широких масс крестьянства и усиление в связи с этим арендных конфликтов начали беспокоить правящие круги страны с 20-х годов.

Они понимали, что помещичье землевладение является тормозом на пути роста производства и фактором политической нестабильности. Поэтому в 20-е, а затем в 30-е годы был принят ряд мер, направленных на поддержание хозяйств крестьян-собственников. Так, в 1924 г. появился Закон об арбитраже арендных конфликтов, в 1926 г. – Закон о создании и поддержании хозяйств крестьян-собственников, в 1938 г. – Закон об упорядочении сельскохозяйственных земель. Теперь крестьяне могли выкупить арендуемую у помещика землю, для чего им предоставлялись ссуды; арендаторы могли купить у помещика и необрабатываемую землю. Для разрешения арендных конфликтов создавались специальные комиссии (из помещиков, арендаторов и крестьян-собственников), арендаторов стало гораздо труднее

---

[3] *Курихара Хакудзо.* Гэндай Нихон ногё рон (Сельское хозяйство современной Японии). Токио, 1954, с. 39.

[4] *Nakamura J.I.* Agricultural Production and the Economic Development of Japan. 1873 – 1922. Princeton, 1966, p. 20; Agricultural Development in Modern Japan, p. 18.

согнать с земли. В 1939 г. был издан Указ о контроле над арендной платой, размеры которой были зафиксированы на уровне сентября 1939 г., а сгон арендаторов запрещался. В 1941 г. вышло Положение о контроле над ценами на землю. В 1940 –1942 гг. в стране утвердилась система обязательных поставок продовольствия государству, условия оплаты которых были более выгодны для крестьян, чем для помещиков: за продукцию первых платили в два, а иногда даже в три раза больше. Фактически изменилась и форма арендной платы: теперь рис в счет оплаты аренды поступал от крестьян непосредственно государству, которое затем выплачивало деньги помещику[5].

Эти меры стали возможны потому, что политическая роль помещиков в те годы начала постепенно ослабевать. Несмотря на то, что ряд ограничений, которые сопровождали эти законы и указы, снижали их результативность, в целом положение крестьян-собственников несколько стабилизировалось, хотя их общее число не увеличилось. Потребовался мощный стимул – поражение Японии, чтобы произошел качественный скачок и проблема нашла свое решение.

Послевоенное законодательство о земельной реформе, осуществленное в ряду многих других демократических преобразований (роспуск семейных концернов – крупнейших монополистических объединений, реформа трудовых отношений, бюджетная и налоговая реформы, принятие новой конституции и пр.), вступило в силу в конце 1946 г.[6]. Оно состояло из двух законов: Закона об особых мерах по созданию хозяйств крестьян-собственников и Закона о поправках к Закону об упорядочении сельскохозяйственных земель, которые предусматривали выкуп государством у помещиков обрабатываемой земли сверх установленной нормы и последующую продажу ее крестьянам (приоритет на приобретение земли имели арендаторы данной площади). Цена за землю, покупаемую крестьянами, была сравнительно низкой (0,1 га стоил примерно столько же, сколько несколько килограммов риса в то время[7]), а инфляционный рост цен делал выкупные платежи легко доступными для арендаторов. Кроме того, желающим предоставлялась рассрочка на 24 года из расчета 3,2% годовых[8].

У помещиков, которые не проживали в деревне, земля выкупалась полностью. Аналогичные меры применялись и к тем, кто хотя и жил в своих

---

[5] *Грэд А.* Земля и крестьянин в Японии. М., 1954, с. 9, 58, 74, 76.

[6] Подробно о земельной реформе см.: *Попов В.А.* Земельная реформа и аграрные отношения в Японии. М., 1959; а также его статью, помещенную в настоящем издании.

[7] *Оути Цутому.* Нихон сихонсюги то могё мондай (Японский капитализм и проблемы сельского хозяйства). Токио, 1952, с. 268.

[8] Некоторые японские историки, в том числе марксисты, считают, что фактически земля была конфискована у помещиков и распределена между арендаторами (см., например: Japanese Capitalism since 1945. N.Y., 1989, p. 80).

поместьях, но землю не обрабатывал, а целиком сдавал в аренду. Крестьянин мог обрабатывать по закону не более 3 га. По префектурам эта величина была разной: для Хиросимы и Осака она составляла 1,8, Нагасаки – 2,3, Аомори – 4,6, а для Хоккайдо – 12 га[9]. Аренда земли разрешалась в пределах от 1 до 4 га. (Целью всех этих ограничений было недопущение возврата к крупному землевладению паразитического характера.) Запрещалось взимание натуральной арендной платы и вводились ограничения на размеры денежной. Она не должна была превышать 25% стоимости урожая с затопляемых рисовых полей и 15% – с суходольных. Фактическая арендная плата в 1950 г. составляла примерно 1–4% стоимости урожая[10]. Были введены, и это очень важно, также налоговые льготы для тех, кто впервые стал собственником земли. Они имели право в первый год ограничить сумму платежей государству в пределах 1/3 стоимости урожая. В результате реформы, которая в основном завершилась к 1949 г., преобладающей формой хозяйства стало частное мелкокрестьянское хозяйство на собственной земле. В 1952 г. был принят Закон о сельскохозяйственной земле, в котором были отражены все приведенные выше положения реформы.

Одновременно с реформой был принят ряд законов и положений, способствующих улучшению положения крестьянства и прогрессу сельского хозяйства. Они касались кредитования и субсидирования отрасли, улучшения возможностей получения крестьянами средств сельскохозяйственного производства, в первую очередь удобрений и сельскохозяйственных машин, создания производственной инфраструктуры, упорядочения сферы обращения сельскохозяйственной продукции, развития сельскохозяйственной науки и внедрения ее в практику, повышения доходов крестьянских хозяйств.

Так, например, Закон о сельскохозяйственной кооперации (1947 г.) предусматривал организацию кооперативных организаций на демократических началах, предоставление им широкого поля деятельности и обеспечивший им государственную поддержку. Была учреждена система льготного кредитования (первая появилась в 1948 г.: кооперативы выдавали крестьянам ссуды для покупки удобрений под так называемые сельскохозяйственные векселя, которые учитывал Банк Японии). В результате налоговой реформы (1950 г.) был поднят необлагаемый минимум и снижены ставки налога на более высокие доходы (в среднем доля налогов в доходах крестьянской семьи для зажиточных слоев деревни была уменьшена на

---

[9] Хоккайдо начал осваиваться лишь в конце XIX в. Наличие на острове обширных свободных земель, пригодных для обработки, и протекционистская политика правительства содействовали созданию там сравнительно крупных земельных владений.

[10] *Грэд А.* Земля и крестьянин в Японии, с. 115.

30%, для основной массы – на 8 –10%; ставки налогов снижались и в случае стихийных бедствий, заболевания главы семьи, наличия большого числа иждивенцев и т.п.). Был создан специальный счет для осуществления льготного государственного кредитования сельского, лесного и рыбного хозяйства (1951 г.), преобразованного затем (1953 г.) в корпорацию по кредитованию сельского, лесного и рыбного хозяйства; введены протекционистские пошлины на сельскохозяйственную продукцию и ограничение ее импорта (в те годы вся внешняя торговля страны осуществлялась под контролем государства). Были приняты законы о стабилизации спроса и предложения удобрений и о рационализации их производства, а государство установило максимальный уровень цен на эту продукцию, что ограждало крестьян от произвола фирм.

Все эти мероприятия, вместе взятые, привели к росту сельскохозяйственного производства, прежде всего урожаев риса, которые с 1955 г. устойчиво держались на высоком уровне. В результате к 60-м годам, имея лишь 6 млн. га обрабатываемой площади, Япония смогла своими силами обеспечить потребности страны в продовольствии примерно на 90% по стоимости (правда, уровень потребления был не очень высок), а рисом – основным продуктом питания – практически на 100%.

Реформа благоприятно отразилась и на народном хозяйстве в целом. Она способствовала расширению внутреннего рынка, как на основе производственного, так и за счет роста личного потребления сельскохозяйственного производителя, доходы которого возросли. Она содействовала также решению проблем пополнения рабочей силы для развивающихся быстрыми темпами промышленности и сферы услуг.

Вместе с тем уже к концу 50-х годов выявился ряд негативных моментов в развитии отрасли. Хотя степень механизации была еще очень незначительна, уже обозначилась тенденция к падению эффективности капиталовложений. Неуклонно увеличивался разрыв в уровне производительности труда в сельском хозяйстве (хотя она здесь росла быстрыми темпами) и в промышленности; сильно отставало японское сельское хозяйство по этому показателю в сравнении с другими развитыми странами. Цены на его продукцию превысили цены мирового рынка. Структура производства не отвечала новым потребностям населения. В основном все эти негативные явления были завязаны на мелкотоварном характере производства, прежде всего на мелких размерах землепользования.

В целях разрешения возникших проблем правительство разработало программу улучшения структуры сельского хозяйства, которая нашла свое отражение в Основном сельскохозяйственном законе (1961 г.). Был взят курс на создание в деревне крупных хозяйств с высоким уровнем производительности труда и изменение структуры производства в сторону его диверсификации.

Для реализации поставленных задач были внесены коррективы в некоторые действующие законы и принят ряд новых положений. В частности, собственники земли, ведущие хозяйство в основном силами семьи и достаточно эффективно, получили право увеличивать размеры обрабатываемой площади сверх установленных ранее норм (1962 г.). За юридическими лицами признавалось право на приобретение сельскохозяйственной земли при условии, что эти организации состояли из хозяйств крестьян-собственников; при этом им должно было принадлежать более 50% земли и они же должны были предоставлять основную часть рабочей силы (1962 г.). Официально была разрешена обработка земли по подряду (1966 г.), которая уже осуществлялась де факто[11]. Был снят верхний предел землепользования и упразднены ограничения на размеры арендной платы; через десять лет сдающий в аренду мог вернуть землю (1970 г.). Кооперативы получили право совершать сделки с землей (продавать или сдавать в аренду, но лишь крепким хозяйствам) по поручению своих членов, а также создавать организации крестьян с целью кооперирования в области производства (1961 г.). Тот, кто перестал заниматься сельским хозяйством или покинул деревню вообще, мог передать землю сельскохозяйственному кооперативу на доверительных началах. Были введены новые виды сельскохозяйственных льготных кредитов. Так, Корпорация по кредитованию сельского, лесного и рыбного хозяйства начала выдавать ссуды на покупку земли и улучшение структуры производства[12], кооперативы (с помощью государственных субсидий) – льготные кредиты на модернизацию сельского хозяйства.

Принятие Основного сельскохозяйственного закона в настоящее время иногда оценивают как проведение второй аграрной реформы[13]. И надо сказать, не без определенных оснований, ибо с его введением в аграрной политике был провозглашен поворот от принципа ограничения размеров землепользования к их увеличению, от упора на рост производства риса к его сокращению, от контроля над импортом сельскохозяйственной продукции к его либерализации. Однако в отличие от других экономических программ сельскохозяйственная выполнена не была. Хотя в целом отрасль развивалась в заданном направлении, но даже за 20 лет (а она была рассчитана на

[11] Подрядчик выполняет работу на чужой земле, право на которую и все административные функции остаются за землевладельцем. Размер вознаграждения оговаривается в контракте, который представляется в земельный комитет (земельные комитеты были созданы еще в 1938 г. для осуществления сделок с землей).

[12] Это были долгосрочные кредиты (на 25 лет) на условиях 4–4,5% годовых с трехгодичной отсрочкой платежа.

[13] См., например: Экономисуто. 13.06.1993, с. 18.

десять) число крупных хозяйств не достигло предполагаемой цифры и структура производства не претерпела кардинальных изменений.

Дальнейшее ослабление ограничений на землевладение и землепользование произошло в 1980 г. (Закон о расширении использования сельскохозяйственной земли, Закон о пересмотре закона о сельскохозяйственной земле. Закон об изменении закона о земельных комитетах). Для аренды теперь не требовалось разрешения губернатора префектуры. Полномочия последнего, связанные с владением и использованием сельскохозяйственной земли, перешли к земельному комитету, т.е. процедура перехода земли была упрощена. Отменялась в качестве обязательной денежная форма арендной платы. Это было сделано в интересах мелких землевладельцев, которые предпочитали, сдав землю в аренду, получить необходимые им продукты.

Начало 80-х годов ознаменовалось проведением структурной перестройки японской экономики в условиях углубления интернационализации всей хозяйственной жизни страны. Это не могло не затронуть аграрный сектор, ибо Япония была вынуждена пойти на сокращение бюджетных ассигнований на сельское хозяйство и либерализацию ввоза многих видов сельскохозяйственной продукции, имеющих для страны важное значение. Снятие ограничений на импорт сельскохозяйственной продукции началось в середине 50-х годов, когда Япония присоединилась к Генеральному соглашению по торговле и тарифам (ГАТТ). Но с начала 70-х годов либерализация ввоза сельскохозяйственной продукции была практически приостановлена. Тогда в связи с неурожаем в странах-экспортерах Япония попала в затруднительное положение, в частности, в связи с запретом США на вывоз соя-бобов (исключительно важного для страны вида продовольственной продукции).

Однако в 1988 г. под давлением своих внешнеторговых партнеров и международных организаций (прежде всего ГАТТ) Япония была вынуждена согласиться на либерализацию импорта даже таких важных для нее видов продукции, как говядина и апельсины. С 1995 г. в соответствии с заключительным соглашением Уругвайского раунда был даже разрешен, хотя и ограниченный, но ввоз риса – этого столпа растениеводства и наиболее уязвимого с точки зрения конкурентоспособности продукта. В этих условиях вопрос об увеличении масштабов хозяйствования (в частности размеров землепользования) с целью снижения издержек производства встал со всей остротой. Со второй половины 80-х годов курс на интенсификацию производства не только провозглашается, но начинает проводиться весьма активно, в том числе путем отхода от административных методов регулирования и расширения основ рыночной экономики в сельском хозяйстве.

Встает вопрос, можно ли было снять ограничения на куплю-продажу земли (в части ее размеров, а не целей использования) гораздо раньше. И хотя, как известно, история не терпит сослагательного наклонения, можно достаточно обоснованно полагать, что во всяком случае с конца 60-х годов это не вызвало бы ни резкого сокращения сельскохозяйственного производства, ни крупных социальных волнений. К тому времени производство риса значительно превысило потребности страны, и сокращение его посевов для увеличения выращивания других культур, например, было бы только благом. Что же касается социальных конфликтов, т.е. выступлений крестьян, то они, конечно, обязательно начались бы (всякого рода митинги, демонстрации, резолюции и т.п., что и сейчас имеет место), но не имели бы деструктивного характера. Безусловно, расставание с землей, с привычным бытованием – серьезная психологическая травма, но ведь в Японии большинство крестьянских семей связано с городом. Речь может идти лишь об одиноких супругах-пенсионерах, но в 60-х годах таких было не так уж много и они могли оставаться в деревне и отдать землю в подрядную обработку. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов социо-психологические особенности японцев, их национальный характер. Одними из важных черт представителей этого народа являются дисциплинированность и конформизм, прагматизм и высокие адаптивные способности, уважение к закону и вышестоящим и умение подчинять личные интересы интересам общества. Учитывая все это, можно, пожалуй, не сомневаться в том, что основная причина непоследовательных действий правительства, безусловно, политическая – деревня была главным электоратом правящей Либерально-демократической партии (даже сейчас, когда резко сократилось крестьянское население, она дает достаточно большое число голосов). Поэтому не только не снимались ограничения на куплю-продажу земли, но сохранялись и многие другие протекционистские меры, в том числе повышались гарантированные цены на рис, хотя существовало его перепроизводство.

В ряду большого списка мероприятий правительства, проведенных в конце 80-х - первой половине 90-х годов и направленных на поддержку и создание крупных, сравнительно высокопроизводительных хозяйств, нельзя не упомянуть в соответствии с тематикой данной статьи внесение поправок в законы о сельскохозяйственной земле, о сельскохозяйственных кооперативах, об улучшении земли и о Государственной корпорации по кредитованию сельского, лесного и рыбного хозяйства. В частности, при продаже земли крупным хозяйствам, оформлении актов дарения или наследования, при приобретении земли в собственность или пользование, при образовании совместных хозяйств для производства на коллективной основе были введены налоговые льготы; расширены объемы кредитов на покупку земли индивидуальными хозяйствами; снижены проценты по ссудам, вы-

даваемым крестьянским хозяйствам кооперативами на модернизацию сельского хозяйства, и по кредитам государственной корпорации; в ряде случаев, в частности для улучшения земли, кредиты корпорации стали беспроцентными; учрежден новый вид долгосрочных (на 25 лет) низкопроцентных (3,5% годовых) кредитов корпорации на развитие хозяйства (целевые ссуды, предназначенные в том числе и для укрупнения размеров землевладения и землепользования и улучшения сельскохозяйственной земли); была разрешена также покупка земли некрестьянскими хозяйствами, в том числе компаниями, но только для ведения сельскохозяйственного производства.

Следует отметить, что и раньше – в конце 60-х годов и в 70-е годы – условия выдачи ссуд на приобретение земли постепенно улучшались: увеличивались размеры кредитов и их сроки, снижалась процентная ставка. Однако покупка земли шла достаточно вяло, и с каждым годом сокращалась площадь, переходящая в собственность других хозяйств: в 60-е годы она составляла свыше 70 тыс. га, в 80-е – менее 40 тыс., в 1992 –1994 гг. – менее 30 тыс. га[14]. Это было связано с существовавшими вначале ограничениями, с постоянным повышением цен на землю (за 1965 –1994 гг. они выросли для затопляемых полей в 6 раз, составив 2002 тыс. иен за 0,1 га земли среднего качества, для суходольных – в 5 раз, достигнув 1378 тыс. за 0,1 га[15]), что делало ее покупку не только очень трудной в финансовом отношении, но и невыгодной. По некоторым подсчетам, в начале 80-х годов экономически оправданной покупка земли могла быть только в том случае, если бы ее стоимость составляла примерно 160 –150 тыс. иен за 0,1 га[16]. Однако в 1980 г. эти цифры равнялись 1310 – 899 тыс. иен соответственно за затопляемые и суходольные земли. Кроме того, и это очень существенно, было не так много и желающих продать землю. Ее оставляли как страховой фонд именно из-за высокой стоимости. Даже в тех хозяйствах, где было мало рабочих рук для занятия сельским хозяйством, землю не продавали, если хватало средств на пропитание. А это, как правило, происходило благодаря так называемой двойной занятости. Последняя характерна в послевоенный период для всех развитых стран. Однако только в Японии она достигла таких больших размеров: в 1985 г. в 12 странах Общего

[14] Ногё хакусё фудзоку токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по сельскому хозяйству). Токио, 1997, с. 226.
[15] Там же, с. 42. В последующие годы цена на сельскохозяйственную землю незначительно снизилась, отражая общую конъюнктуру цен на землю в стране.
[16] Бунгэй сюндзю. 1985, № 11, с. 136.

рынка несельскохозяйственный источник дохода имели в среднем 38% хозяйств[17], тогда как в Японии – свыше 85%.

Среди таких хозяйств многие получают свой основной доход от работы в других отраслях экономики, но не продают землю, ибо использование новых трудосберегающих технологий позволяет, например, возделывать рис на площади в 2 га, даже если сельскохозяйственные работы осуществляются лишь в свободное от других занятий время. Так обрабатывают свои участки и выходцы из деревни, которые постоянно живут в городе, но приезжают в родной дом в субботу и воскресенье (в связи с этим появился даже термин «фермер на конец недели»). В известной мере способствовала сохранению таких хозяйств и аграрная политика правительства, которая, в частности, гарантировала, пусть небольшие, но все же стабильные доходы от производства многих видов сельскохозяйственной продукции. Еще одной причиной нежелания расставаться с землей и ведением сельского хозяйства является льготное налогообложение сельскохозяйственных земель в городских районах (в малых городах, в том числе в Токийской столичной префектуре, многие жители заняты сельскохозяйственным производством) по сравнению с налогами, которые взимаются за землю под жилые застройки[18].

В условиях незначительного перехода сельскохозяйственной земли в руки других собственников размер обрабатываемой площади в хозяйствах растет в основном за счет аренды, размеры которой после 1970 г. постепенно увеличиваются (до этого времени из-за низкой арендной платы сдавать землю в аренду было невыгодно). Если в 60-е годы в аренду брали в среднем в год 3 тыс. га, во второй половине 70-х – 14 тыс., в 80-е – 49 тыс., то в начале 90-х – свыше 60 тыс. га[19]. Всего в 1995 г. под арендой было 511 тыс. га (по сравнению с 321 тыс. га в 1985 г.), что составило 12,4 % всей обрабатываемой земли (следует заметить, что эти цифры значительно разнятся по районам: например, на Окинаве под арендой было 22,5%, в районе Южного Кюсю – 18,4%, в районе Хокурику – 16,1%). Число хозяйств, арендующих землю, достигло 759 тыс., или 22% всех крестьянских хозяйств (для Хокурику, Хоккайдо и Южного Кюсю эта доля составляла соответственно 29%, 28,6 и 27,1%)[20].

---

[17] Экономические науки. 1989, №3, с. 92.

[18] Так, хозяйство в районе Сэтагая (Токио) размером 0,163 га в 1989 г. платило в качестве налога на недвижимость в городское управление планирования 22 300 иен, что составляло всего 0,35% от 1,65 млн. иен, суммы, которую оно должно было бы уплатить, не имея льгот (The Japan Economic Journal. 02.09.1989, с. 6).

[19] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. 1997, с. 226.

[20] Нихон ногё нэнкан. 1996, с. 73.

В наибольшей степени усилилась тенденция к аренде земли в хозяйствах высшей группы, обрабатывающих 3 и более га земли. Прослеживается явная тенденция увеличения площади арендуемой земли с укрупнением размеров хозяйства. Чем больше земли в хозяйстве, тем больше оно зависит от аренды: выше доля хозяйств, арендующих землю, и доля арендуемой земли, больше ее размер. Так, в 1995 г. в группе хозяйств, располагающих 5 га и более земли, 77% дворов арендовали землю (в 1990 г. таких было 53%), в то время как у хозяйств из группы, обрабатывающих менее 0,5 га, – лишь 12% (в 1990 г. – 11%). Доля арендной земли в хозяйствах этих полярных групп составляла соответственно 39% (в 1965 г. – 1,2%, в 1985 г. – 21%) и 5% (в 1965 г. и 1985 г. – 13%)[21]. И хотя абсолютное число хозяйств, пользующихся арендой в низшей группе, было в 6 раз больше, чем в высшей, средний размер арендуемой земли на одно хозяйство здесь был гораздо меньше: 0,1 га по сравнению с 3,9 га в высшей группе (еще больше размер арендуемой площади в хозяйствах с 10 и более га – 9,4 га, или 47,2%)[22]. В то же время землю в аренду, наоборот, сдают, как правило, хозяйства мелкие, главным образом те, в которых не хватает рабочих рук для проведения сельскохозяйственных работ, и где остались лишь старики.

Следует заметить, что все данные по группам хозяйств, приведенные выше, относятся ко всем префектурам, исключая Хоккайдо, где согласно официальной статистике крупным считается хозяйство, имеющее 20 и более га земли, в остальной же Японии под это определение подпадают хозяйства с 3 и более га земли. И хотя сравнительно крупных по земельной площади хозяйств пока еще немного, их число постоянно растет, особенно в последнее время, так же, как увеличивается средний размер землепользования на один двор: в 1950 и в 1960 гг. он равнялся лишь 1 га, в 1995 г. – 1,4 га; если еще совсем недавно доля хозяйств с площадью обрабатываемой земли до 1 га составляла 70%, то сейчас – 60%[23]. Все больше земли концентрируется в высших группах: на Хоккайдо, например, хозяйства в 30 га и более (12,2%) имели 45,4% обрабатываемой земли, в остальных префектурах хозяйства в 5 и более га (1,1%) – 8,9% земли[24].

---

[21] Там же; Ногё хакусё фудзоку токэйхё. 1996, с. 170.

[22] Нихон ногё нэнкан. 1996, с. 69.

[23] Таких хозяйств в Италии было 32%, Швейцарии – 23, Германии – 5,8%; во Франции и Англии соответственно 20 и 14% имели под обработкой до 5 га; в то же время 50 и более га имели в Японии лишь 0,1% хозяйств, в Германии – 12, Франции – 19, Англии – 34%. Данные для всех упомянутых стран, кроме Германии и Японии, за 1985 – 1992 гг. (Ногё хакусё фудзоку токэйхё. 1997, с. 55).

[24] Нихон ногё нэнкан. 1996, с. 74.

Нельзя не обратить внимание на то, что проблема укрупнения хозяйств встала перед отраслью особенно остро лишь сравнительно недавно, в условиях широкого распространения современных методов ведения хозяйства – низкого уровня его трудоемкости и высокого – капиталоемкости. В 1965 г., когда уже многие процессы производства риса были механизированы, но посадка и уборка еще выполнялись вручную, издержки производства в хозяйствах, имеющих под рисом не менее 3 га, были лишь на 5% ниже, чем в хозяйствах с 0,3 га. В 1985 г. эта разница составила уже 53%[25].

Однако низкая эффективность функционирования японских хозяйств объясняется не только небольшими размерами землепользования, но и тем, что имеющаяся площадь, как правило, разбросана. В хозяйствах обычно насчитывается несколько участков земли, зачастую отдаленных друг от друга на большие расстояния. В известной мере это явление традиционное. В Японии крестьянские дома сгруппированы в одном месте, образуя деревню, поселок или район в небольшом городе, а поля находятся за пределами жилого массива. Когда во время земельной реформы помещики продавали землю, то они оставили лучшие участки себе, а худшие достались бывшим арендаторам. И сейчас тот, кто сдает в аренду, тоже старается отдать не лучшее поле. Кроме того, зачастую арендатор берет землю у разных арендодателей. В результате налицо лоскутное хозяйство. И хотя предпринимаются определенные усилия для объединения различных участков, в частности путем обмена, до сих пор хозяйства с 2 и более га в целом по стране имеют по 5 – 6 участков; имеющие 10 га на Хоккайдо – 3,7, а в остальной Японии –11,7 участков[26].

Нельзя в этой связи не упомянуть об одном средстве увеличения размеров землепользования с целью более эффективного использования техники и соответственно снижения издержек производства. Это – практика заключения подрядных договоров на выполнение тех или иных и даже всех сельскохозяйственных работ. Она носит название «работа по поручению», «подрядная обработка»; распространена главным образом в рисоводстве. «Поручают» проводить сельскохозяйственные работы на своих землях, как правило, семьи, имеющие мелкие участки, – супруги пенсионеры или те, кто получает свой основной доход в других отраслях экономики. В конце 80-х годов средняя площадь в хозяйствах, поручающих другим выполнять отдельные виды работ (например, вспашку или высадку рисовой рассады), составляла 0,8 га, абсолютно все работы – 0, 28 га. Берут подряд более

---

[25] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. 1989, с. 66-67. Разрыв, возможно, фактически был несколько меньшим, ибо данные за 1965 г. учитывают все хозяйства, в 1985 г. – исключая Хоккайдо.
[26] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. 1996, с. 177.

крупные хозяйства, правда, для ряда семей это не самоцель; они лишь помогают своим родственникам или знакомым.

Подрядной обработкой, работой по поручению занимаются как отдельные хозяйства, так и разного рода организации – по совместному использованию сельскохозяйственной техники, по выполнению подрядных работ, коллективного выращивания сельскохозяйственных культур (часто в эти организации входят и те, кто сдает в подряд, и те, кто его берет), а также специализированные компании и сельскохозяйственные кооперативы (последние в большинстве случаев осуществляют лишь посреднические функции при заключении подрядных договоров). Среди перечисленных выше организаций есть такие, которые сами не имеют сельскохозяйственной земли и не ведут своего хозяйства, а лишь обслуживают нужды других. Число их растет, в 1995 г. их было 19 тыс., в том числе свыше 12 тыс. – в рисоводстве[27]. В большинстве своем они действуют в рамках сельскохозяйственных кооперативов.

В 1995 г. число товарных хозяйств, которые поручали работы на своих полях кому-либо, составило 1,7 млн. дворов, или 60% выращивающих рис на затопляемых полях (в 1990 г. их было 49%)[28]. Среди мелких хозяйств (до 0,5 га) этот процент выше – 68,4; но и среди тех, кто имеет от 1 до 2 га он был достаточно высок – 52,6%. Суммарная площадь под затопляемым рисом, на которой выполнялись те или иные работы по поручению, составила в 1995 г. 1950 тыс. га (рост 22% по сравнению с 1990 г.). Причем примерно половина ее (48,5%) обслуживалась индивидуальными хозяйствами, остальная – разного рода объединениями[29]. В то же время число берущих подряд гораздо меньше. Это, как правило, крупные хозяйства, которые стремятся увеличить размеры хозяйствования для более эффективного использования техники; и чем крупнее хозяйство, тем больше оно берет работ по поручению[30]. Индивидуальные хозяйства часто берут подряд на выполнение всех работ по производству риса. В то же время работы по выращиванию рассады, сушка и первичная обработка продукции поручаются обычно сельскохозяйственным кооперативам, у которых имеются центры по выращиванию рассады, сельские элеваторы или рисовые центры, где сушат рис и осуществляют его обдирку. А вспашку, высадку рассады, защиту растений, уборку и молотьбу осуществляют, как правило, другие организации или группы.

---

[27] Там же, с. 185.
[28] Нихон ногё нэнкан. 1996, с. 430.
[29] Там же, с. 80, 81, 83.
[30] См.: там же, с. 74.

Распространение разного рода организаций для проведения коллективных или подрядных работ в известной мере связано в Японии также с тем, что постепенно сокращается практика традиционной помощи хозяйств друг другу, осуществляемой безвозмездно, за плату или на основе взаимности, что лежит в русле японской культурной традиции. На смену приходят экономические объединения, которые в известной мере можно считать альтернативой прежних форм осуществления взаимопомощи, но только, конечно, на другой основе.

Характерной чертой современной Японии является постепенное сокращение здесь обрабатываемой площади. При очень незначительных ее размерах (в 1960 г.– 6 млн. га, в 1995 г. – 5 млн. га при населении свыше 120 млн. человек) земля все время выходит из оборота из-за строительства промышленных предприятий и спортивных сооружений, прокладки дорог, стихийных бедствий, прекращения обработки ввиду нехватки рабочих рук и т.п. Правда, ежегодно какая-то часть вновь вводится в оборот (подъем целины, осушение, обработка ранее заброшенных земель и пр.), но размеры эти невелики и постепенно сокращаются: в 1975 г. – 15 тыс. га поливной и 41 тыс. га суходольной земли, в 1991 г. соответственно 560 га и 11 тыс. га[31]. В 1995 г. затопляемые поля составляли 54%; культурные пастбища – 13% (животноводство в основном базируется на концентрированных кормах, сырье для которых в большинстве своем импортируется). Определенные возможности для расширения обрабатываемой площади в стране есть, но они весьма ограничены, и освоение новых земель в большинстве случаев экономически нецелесообразно. Более того, из-за нехватки рабочих рук сократилась и посевная площадь, которая в 60-е годы превышала обрабатываемую примерно на треть, ибо в ряде районов климатические условия позволяют снимать два и даже три урожая в год. В 1993 г. она сравнялась с обрабатываемой.

Работы по мелиорации сельскохозяйственных земель выполняются под руководством департамента по вопросам сельскохозяйственных земель министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, а также соответствующих отделов префектурных управлений в соответствии с законами об улучшении земель (1949 г.), об улучшении пахотных земель (1952 г.), о борьбе с загрязнением почвы (1970 г.), о повышении почвенного плодородия (1984 г.).

Подробные почвенные карты были составлены лишь в 1978 г., хотя обследование обрабатываемых земель ведется в стране уже в течение примерно 100 лет. По японской классификационной системе продуктивности

[31] Покэтто норинсуйсан токэй. 1993, с. 97.

земли (принципиально не отличающейся от американской) она была разбита на четыре класса. К первому было отнесено 0,4% затопляемых полей и 0,3% суходольных земель, которые не требовали каких-либо мелиоративных работ для выращивания сельскохозяйственных культур. Земли второго класса (где необходимо провести небольшие работы) составили соответственно 62 и 35%; третьего (требующие серьезных работ по их улучшению) – 37 и 59%. В целом низкопродуктивные почвы (3-й и 4-й классы) достигали 38%, в том числе на затопляемых полях – 27%, суходольных – 52%[32].

Начиная с 1965 г. (после поправок, принятых в 1964 г. к Закону об улучшении земель 1947 г.) работы по мелиорации проводятся в рамках десятилетних программ по улучшению земель. Примерно 90% работ выполняется за счет государственных субсидий, остальные – с использованием ссуд Корпорации по кредитованию сельского, лесного и рыбного хозяйства и субсидий различных местных организаций[33]. Мероприятия, осуществляемые по этим программам, включают реконструкцию старых и строительство новых оросительных и дренажных систем, внутрихозяйственных дорог, перепланировку полей, насыпку грунта, проведение почвозащитных мер с целью предотвращения водной и ветровой эрозии земель, загрязнения почв и воды, используемой в сельском хозяйстве, создание условий для универсальной эксплуатации полей – в качестве затопляемых и суходольных. Небезынтересно отметить, что постепенно все меньше обрабатываемых земель выходит из оборота из-за стихийных бедствий (в 60-е годы в среднем свыше 4 тыс. га ежегодно; в 70-е – примерно 2 тыс. га; в 80-е – до 1 тыс. га; в 1990 –1995 гг. – 900 га[34]), что можно отнести в том числе и за счет проведенных мелиоративных работ.

Вопрос улучшения земель тесно связан с проблемой защиты окружающей среды, которая с начала 70-х годов стала приоритетом национальной политики. Была создана законодательная база, система природоохранных органов, подготовлено научно-техническое обеспечение и начато производство необходимого оборудования. Правительство сумело мобилизовать материальные, финансовые и научно-технические ресурсы на решение этой серьезной проблемы и добилось определенных сдвигов: улучшилось состояние воздуха, стабилизировались показатели качества земли и воды. Принятые по предотвращению экологических загрязнений меры – одни из наиболее жестких в мире и строго соблюдаются[35]. В 1993 г.

---

[32] Там же, 1981, с. 105.
[33] Нихон ногё нэнкан. 1983, с. 190.
[34] Подсчитано по: Ногё хакусё фудзоку токэйхё. 1996, с. 41.
[35] Подробнее см.: *Тимонина И.Л.* Япония. Экономика и окружающая среда. М., 1988.

в стране был принят новый Основной экологический закон. Он закрепил уже имеющуюся практику по охране окружающей среды.

В части, касающейся сельского хозяйства, Закон о борьбе с загрязнением почвы был принят, как уже упоминалось, в 1970 г. В нем, в частности, были указаны технические меры борьбы с загрязнением воды и почвы промышленными отходами. Вместе с тем сельское хозяйство не только страдает от загрязнения окружающей среды (например, почв и водоемов для орошения) отходами промышленного производства, но и само является источником этого загрязнения.

В последнее время сельское хозяйство сталкивается с некоторыми негативными явлениями (и прежде всего со снижением почвенного плодородия), вызванными применением больших доз минеральных удобрений и пестицидов (по их удельному потреблению Япония стоит на одном из первых мест в мире), а также с повсеместным использованием сельскохозяйственных машин, которые уплотняют почву. Бичом для суходольных полей является практическое отсутствие севооборотов (рис – это единственная культура, которая при монокультуре на затопляемых полях не ведет к оскудению почвы). В настоящее время представители Государственной службы распространения сельскохозяйственных знаний и технические специалисты из сельскохозяйственных кооперативов пропагандируют необходимость увеличения использования органических удобрений, регулирования применения минеральных, соблюдения севооборотов, внесения почвоулучшителей, внедрения биологических методов борьбы с вредителями и болезнями растений и, по мере возможности, минимальной обработки почвы.

Сокращение применения минеральных удобрений и пестицидов настоятельно требуется и с точки зрения потребления «здоровой», экологически чистой продукции, выращенной без применения химии или с ее ограниченным использованием. Так называемое «органическое» сельское хозяйство (в том числе овощи, выращенные методом гидропоники) составляет пока лишь незначительную часть производства, но его размеры постепенно растут. Сельскохозяйственные производители и их объединения налаживают непосредственные контакты с организациями потребителей и снабжают их этими безопасными для здоровья человека продуктами. Кроме того, в стране ужесточаются меры по проверке новых видов пестицидов, норм остаточного количества ядохимикатов и нитратов в продуктах[36].

Но речь идет не только о негативном воздействии чрезмерной химизации на почву и сельскохозяйственную продукцию, но и о загрязнении

[36] Такие высокотоксичные пестициды как ДДТ, ГХЦГ или дильдрин были запрещены в Японии в 1971 г. (раньше чем в США).

атмосферы (например, из-за распыления химикатов с воздуха, хотя сейчас это проводится в небольших объемах) и окружающей среды отходами сельскохозяйственного производства и бытовыми отходами жителей. Рисовая шелуха, навоз, отходы от производства крахмала, древесные опилки, куриный помет и другие органические вещества частично используются в самом сельском хозяйстве: для производства компоста и кормов, в качестве материала для мульчирования, для подстилки в рассадниках и пр. Однако рециклируется лишь их часть.

Кроме того, вред наносят отходы жизнедеятельности человека. В условиях Японии, где в сельской местности канализационное оборудование (канализация в домах, специально оборудованные стоки и резервуары, очистные сооружения) распространено в незначительных масштабах, это создает весьма серьезную проблему. Согласно обследованию, проведенному в 1995 г., в 73% сельских поселений сточные воды и экскременты попадали непосредственно в дренажную систему, используемую в сельском хозяйстве, и в реки. Это – в среднем, а в горных или так называемых промежуточных районах[37] доля таких поселений достигала 80%. В пригородных районах 30% поселков были оснащены централизованной канализационной сетью, а в горных и промежуточных – таких насчитывалось не более 10%, при том, что сюда включены и те, которые имели не канализационную сеть, а лишь резервуары для сбора отходов или дренажные сооружения[38]. Но надо отметить, что по сравнению, например, с 1970 г. и даже с 1975 г. это уже большой прогресс. В то время удельный вес поселков, где жители пользовались централизованной канализационной сетью, составлял соответственно 0,1 и 0,5%, а непосредственно в домах канализация была у 0,1 и 0,9% поселков[39].

Справедливости ради надо упомянуть и известное положительное воздействие сельского хозяйства на окружающую среду. Затопляемые рисовые поля, в частности, играют определенную роль в поддержании экологического баланса. Они предотвращают наводнения, почвенную эрозию и оползни, функционируют в качестве временных резервуаров, в том числе для пополнения грунтовых вод, смягчают климат. По подсчетам министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, вклад сельскохозяйственной земли в сохранение окружающей среды лишь в 2 раза уступает вкладу лес-

[37] Так именуются районы, где обрабатываемая земля составляет менее 10% площади, или где ее более 20%, но по ряду других показателей они не являются пригородными или равнинными.

[38] Нихон ногё нэнкан. 1996, с. 87.

[39] Ногё хакусё фудзоку токэйхё. 1976, с. 150.

ных массивов[40], хотя площадь последних в 5 раз больше, чем обрабатываемых угодий.

Проблема ведения сельского хозяйства с учетом защиты (сохранения) окружающей среды была объявлена приоритетной в 90-е годы. Она является одной из главных в Новой сельскохозяйственной политике, провозглашенной в 1992 г. Последняя предусматривает усиленное внедрение рыночных механизмов в функционирование отрасли с целью развития крупных хозяйств (на индивидуальной и объединенной основе), необходимость сбалансированного развития районов, содействие росту числа хозяйств с высоким уровнем производительности труда, создание производственной и социальной инфраструктуры в сельской местности, производство продукции с высоким уровнем добавленной стоимости, в том числе экологически чистой. Исходя из принципов этой новой политики в 1994 г. была разработана концепция «развития сельского хозяйства с учетом защиты окружающей среды». В соответствии с этой концепцией в центре и на местах разрабатываются соответствующие программы (проведение тематических симпозиумов, организация выставок и конкурсов, выработка нормативов «органического» сельского хозяйства, научно-техническое обеспечение ведения такого хозяйства и пр.); предусматриваются специальные бюджетные ассигнования на разработку и распространение соответствующих технологий, на экологические мероприятия в животноводстве и пр. К этой работе активно подключилась сельскохозяйственная кооперация.

Согласно обследованию 1995 г. этой деятельностью занимаются (под руководством местной администрации или сельскохозяйственного кооператива в сотрудничестве со специалистами сельскохозяйственных опытных станций) примерно в 40% всех городов и деревень. В 1997 г. по инициативе сельскохозяйственной и потребительской кооперации был создан Всеяпонский совет содействия развитию сельского хозяйства с учетом защиты окружающей среды. Пока что результаты такой кампании весьма незначительны. Планируемые мероприятия осуществляются лишь на нескольких процентах обрабатываемой площади[41]. По-видимому, эта деятельность активизируется в связи с принятием нового Сельскохозяйственного закона (июль 1999 г.), который заменил Основной сельскохозяйственный закон 1961 г. и станет базой развития отрасли в XXI в. Он предусматривает в числе других положений необходимость сохранения окружающей среды, в том числе земли[42].

---

[40] Сякай мондай гэппо. 1988, №311, с. 11.
[41] Ногё то кэйдзай. 1997, № 10, с. 19-22; Нихон ногё нэнкан. 1996, с. 128.
[42] The Daily Yomiuri. 10.07.1999.

В современных условиях либерализации ввоза продовольственных товаров производство экологически чистой, т.е. высококачественной, продукции – один из путей повышения уровня конкурентоспособности японской сельскохозяйственной продукции. Среди других путей повышения ее качества, т.е. уровня неценовой конкуренции, можно назвать улучшение вкусовых, питательных, кулинарных и других ее характеристик, что находится постоянно в поле зрения сельскохозяйственных опытных станций страны.

Однако по-прежнему главным средством подъема конкурентоспособности, т.е. роста производительности труда и снижения издержек производства, продолжает оставаться прежде всего укрупнение размеров хозяйствования как индивидуальных дворов, так и разного рода объединений. Задачи эти весьма сложные, но и очень важные для Японии, ибо проблема продовольственной безопасности в стране стоит достаточно остро (в настоящее время коэффициент самообеспеченности продовольствием весьма низок: примерно треть по стоимости и свыше половины при расчете по калорийности необходимой продовольственной продукции Япония импортирует). Концентрация производства в животноводческих отраслях происходила весьма бурно, особенно в птицеводстве и свиноводстве, где сейчас основную долю продукции дают крупные предприятия. В то же время в растениеводстве этот процесс протекал очень медленно: сказались негативные последствия деятельности аграрного лобби, задерживавшего в угоду своим политическим интересам структурную перестройку отрасли и поставившего сегодня японское крестьянство перед лицом очень серьезных проблем.

Мероприятия правительства, предпринимаемые с конца 80-х годов, несколько убыстрили темпы увеличения размеров хозяйств в земледелии, но пока что достигнутые результаты достаточно далеки от контрольных цифр, заявленных в концепции Новой сельскохозяйственной политики. В Японии, естественно, нет возможностей для создания таких крупных по земельной площади хозяйственных единиц, как, например, в США, Канаде или России. Но доведение средних размеров землепользования до 10-15 га не является недостижимым. Концепция Новой сельскохозяйственной политики, в частности, предусматривала, что в рисоводстве, где вопрос о конкурентоспособности стоит особенно остро, в 2000 г. будет действовать 150 тыс. индивидуальных хозяйств с 10-20 га и до 20 тыс. – объединенных с 35-50 га каждое. По подсчетам специалистов, это позволит почти вдвое снизить себестоимость продукции. Однако, по данным переписи 1995 г., лишь на Хоккайдо достигнуты необходимые результаты, на остальной же

территории лишь 53 тыс. рисоводческих хозяйств располагали уборочной площадью свыше 5 га[43]. Хотя по сравнению с 1990 г. (6 тыс.)[44] темпы достаточно хорошие, но вряд ли можно ожидать, что намеченная программа будет выполнена в срок.

Вместе с тем отмечающиеся в настоящее время тенденции развития отрасли – укрепление семейных ферм, организация коллективных хозяйств, рационализация использования земли, машин, оборудования и рабочей силы путем различного рода кооперирования, расширение производства экологически чистой высококачественной продукции, продукции с высоким уровнем добавленной стоимости, повышение квалификации занятых и пр. – в сочетании с новыми достижениями научно-технического прогресса, определенной помощью со стороны государства, высоким уровнем экономического развития страны и высокими мобилизационными способностями нации в целом создают реальную перспективу выживания японского сельского хозяйства в сложившихся для него сегодня весьма сложных условиях.

[43] Нихон ногё нэнкан. 1996, с. 70.
[44] Покэтто норинсуйсан токэй. 1993, с. 164.

Наука и экономическое развитие Японии

Ю.Д. Денисов

Современная Япония является одним из признанных флагманов мирового экономического процесса. Среди характерных особенностей ее экономики – высокая инновационная активность, энергичное обновление производственного аппарата, непрерывное качественное совершенствование трудовых ресурсов. В результате растет материальное благосостояние и культурный уровень японского общества, повышается международный авторитет Японии как создателя значительных общецивилизационных ценностей, укрепляется чувство национального достоинства японцев.

Периодически страна сталкивается с довольно сложными экономическими и социальными проблемами. Однако в качестве главного средства их преодоления здесь усматривают дальнейшее наращивание усилий в сфере науки, техники и технологий. По-видимому, это вполне закономерно для страны, в которой реализуется такой прогрессивный тип экономики, как экономика, основанная на знаниях. Наука, будучи по своей сущности генератором точного знания и способов его применения на практике, является в индустриально развитых странах современного мира главным двигателем экономического процесса. Япония занимает в ряду этих стран передовые позиции, и хотя в области создания оригинальных инноваций безусловным лидером являются США, именно японцы обеспечили массовое тиражирование и глобальное распространение значительной их части, особенно электронно-вычислительной техники, аудио- и видеоаппаратуры, промышленных роботов и др. Это позволяет вполне обоснованно считать Японию одним из лидеров научно-технического прогресса.

В Японии очень большое внимание уделялось и уделяется оптимальному выбору направлений и приоритетов научной деятельности, максимально полному учету факторов, от которых зависит эффективность использования ресурсов науки для роста экономического потенциала. О существенном вкладе науки в развитие японской экономики позволяют судить оценки не только общего и качественного плана. Для этого могут быть использованы и более объективные количественные критерии.

Так, в экономическом анализе принято оценивать рост производства как результат воздействия на него следующих трех факторов: а) материальных ресурсов, б) трудозатрат, в) научно-технического и организационного прогресса. (Под организационным прогрессом понимаются успехи в области организации и управления.) Используя результаты расчетов Управления экономического планирования, можно проиллюстрировать вклад этих факторов в экономику Японии в 80–90-е годы, обращая особое внимание

на фактор, оценивающий вклад со стороны научно-технического и организационного прогресса.

В отдельные годы именно он обеспечивал наибольший вклад в прирост производства. Так, в 1986 и 1988 гг. с ним было связано более половины прироста ВВП. Особая ситуация имела место в 1992 и 1993 гг., когда величина вклада со стороны фактора трудозатрат выражалась отрицательным числом. Принимая, что она была скомпенсирована примерно равным по абсолютной величине и положительным по знаку фактором материальных ресурсов, можно сделать вывод, что в конечном счете прирост ВВП определялся величиной вклада со стороны научно-технического и организационного прогресса[1].

Этот фактор наглядно проявляет себя в более длительные периоды времени. В частности, во второй половине 80-х годов им была обеспечена половина среднегодового прироста ВВП, а если рассматривать только часть ВВП, созданную в обрабатывающей промышленности, то удельный вес этого фактора был более 50%[2].

Естественно, чтобы эффективно влиять на экономический процесс, исследовательская деятельность сама должна опираться на прочную экономическую основу и в первую очередь располагать солидными финансовыми средствами. Наглядное представление об их современных масштабах можно составить, например, по стоимости исследований и разработок, выполненных в 1997/98 фин. г. в Японии и США. В Японии – это 15,7 трлн. иен (что в долях от ВВП и национального дохода соответствует 3,12 и 4,03%). Эта величина равна 130 млрд. долл. при пересчете по официальному курсу валют и 96 млрд. долл. – при пересчете по их покупательной способности. В США объем исследований и разработок заметно выше – 206 млрд. долл. (2,53% от ВВП и 3,09% от национального дохода)[3].

Уступая США по этому параметру, Япония активно закупает технологию (патенты, лицензии, ноу-хау) за рубежом, причем главным образом именно в Соединенных Штатах. Импорт технологии по-прежнему позволяет ей в значительной степени компенсировать пробелы в собственных исследованиях и разработках. По данным Банка Японии, в 1997/98 фин. г. он составил 1,16 трлн. иен, и хотя тенденция к росту импорта технологий является доминирующей вплоть до настоящего времени, его размеры относительно объема собственных исследований и разработок сравнительно невелики и составляют примерно 6–7%.

Как известно, важнейшей особенностью развития экономики Японии в течение всего послевоенного периода является четко выраженный курс на

---

[1] White Paper on Science and Technology. 1996, p. 3.
[2] Ibidem, 1998, p. 17.
[3] Кагаку гидзюцу хаку. 1999, с. 28, 29, 208,209.

активное использование наиболее значительных достижений мировой науки. По мере укрепления экономического потенциала, естественно, становился более весомым и собственный научно-технический потенциал, причем государство предпринимало целый ряд мер по форсированию как экономического, так и научно-технического развития. Непосредственно после войны и в начале 50-х годов главными задачами японской науки и техники Японии являлись ускоренное преодоление технологического отставания от Запада и формирование производственного аппарата, сопоставимого по своим характеристикам с зарубежным. Исследования и разработки в основном были подчинены задачам модернизации производственной техники, а также освоению импортного оборудования и приспособлению его к японским условиям. На научной основе создавались стандарты, устанавливавшие прогрессивные требования к продукции и тем самым к ее разработке и производству, закладывался фундамент для внедрения передовых методов контроля качества, которое впоследствии стало неотъемлемым символом японских товаров.

В 60-е годы экономический рост в Японии был столь значительным и впечатляющим, что она надолго приобрела имидж страны, в которой произошло «экономическое чудо», так, среднегодовые темпы промышленного роста были на уровне 15%. Еще более высокими темпами росли объемы исследований и разработок. Это явление, вообще говоря, закономерно для мировой экономики, поскольку в нем находит отражение рост наукоемкости производства. К концу 60-х годов среднегодовые темпы роста объемов исследований и разработок заметно превышали 20%.Правда, это не давало повода увидеть феномен «чуда» и в развитии японской науки, так как она была еще весьма далека от мирового уровня и ее главной задачей являлось сокращение этого разрыва на главных направлениях НТП. Использование зарубежных технологий все еще продолжало вносить основной вклад как в формирование эффективного производственного аппарата, так и во внедрение в производство передовых образцов продукции.

В 70-е годы экономика Японии, как известно, попала в исключительно неблагоприятное положение. Кризисные явления 1970–1971 и 1974–1975 гг. в сочетании с резким повышением цен на нефть в 1973 и 1979 гг. (ее цена в 1981 г. почти в 15 раз превышала уровень 1972 г.) потребовали скорейшего осуществления радикальных структурных изменений в японской промышленности. Причем их следовало провести по очень широкому фронту как на отраслевом, так и на внутриотраслевом уровнях. Главным приоритетом научного и производственного развития стало резкое расширение масштабов производств, основанных на энерго- и материалосберегающих технологиях, использующих трудосберегающее оборудование и средства защиты окружающей среды. На первый план выдвинулась способность новых производств к реализации наукоемкой модели роста, что

потребовало создания на них солидной и способной к непрерывному развитию научной базы.

Как известно, эти задачи решались в Японии весьма успешно. Удалось значительно сократить мощности металлургических и химических производств, нефте- и углепереработки, крупные сдвиги произошли в машиностроении, главным образом в пользу развития наукоемких производств, особенно электротехнического и точного машиностроения. Товарная структура производства была смещена в сторону технически сложных, высокофункциональных изделий, таких, как радиоэлектроника, средства связи и вычислительная техника.

О том, как повысилась наукоемкость японской экономики в период активных структурных преобразований (1975–1985 гг.) и как энергично она росла в дальнейшем, позволяют судить приведенные ниже данные (%)[4]:

Отрасль	1975 г.	1985 г.	1995 г.	1997 г.
Экономика в целом	1,39	2,31	2,73	2,85
Обрабатывающая промышленность	1,61	2,69	3,43	3,67
Общее машиностроение	1,74	2,74	3,26	3,41
Точное машиностроение	2,74	4,49	5,16	6,28
Транспортное машиностроение	1,95	2,90	3,34	3,97
В том числе автомобилестроение	1,77	2,96	3,46	4,20
Химическая промышленность	2,46	3,79	5,30	5,24
В том числе фармацевтика	4,91	7,04	8,03	8,06
Электротехническая промышленность	3,75	5,10	5,82	6,05
В том числе радиоэлектроника	4,17	5,25	5,81	6,01

Заметим, что данный параметр, представляющий собой отношение затрат на исследования и разработки к объему продаж, имеет определенное «рубежное» значение, равное 2,5. Оно делит отрасли на «наукоемкие» и «ненаукоемкие». Как видим, в ходе структурных преобразований 70–80-х годов среди главных отраслей японской обрабатывающей промышленности «ненаукоемких» не осталось, а те, которые уже имели неплохой уровень наукоемкости, существенно его повысили.

Интересно отметить, что при выработке научно-производственных приоритетов японские экономисты часто пользовались такой косвенной характеристикой наукоемкости, как цена единицы массы изделий. Покажем на нескольких примерах, сколько в среднем стоил в Японии на рубеже 70–80-х

---

[4] Там же. 1979, с. 49; 1999, с. 68; White Paper on Science and Technology. 1994, p. 274.

годов 1 кг различной продукции: стальной прокат – до 100 иен, автомобили – около 2 тыс. иен, цветные телевизоры – 5 тыс. иен, видеомагнитофоны – 20 тыс. иен, фотоаппараты – около 100 тыс. иен. Для новых моделей чипов (сверхбольших интегральных схем) эта величина составляла несколько миллионов иен[5]. Иллюстрации подобного рода были весьма популярны в Японии, выступая в качестве наглядных ориентиров, направлявших процесс структурной перестройки.

Не будет преувеличением сказать, что этот процесс, по существу, обеспечил Японии прорыв в новую экономическую эпоху. Развитие наукоемких производств не только изменило товарную структуру в сторону более сложной, высокофункциональной продукции, но и способствовало широкому распространению новейших технических средств и концепций, отвечающих высшему на тот период уровню научных знаний и обеспечивающих прогресс экономики и общества в целом. Экономика, в которую встроены высокие технологии и которая широко использует наукоемкую продукцию, естественным образом переходит в качественно новое состояние.

Так, микроэлектронные технологии стали базой для радикального улучшения потребительских свойств продукции и быстрого освоения ее новых видов практически во всех отраслях. Наиболее яркий пример – массовое внедрение в производственное оборудование микропроцессоров и микро-ЭВМ, обеспечивших решительные сдвиги в направлении интеллектуализации производственных процессов. В принципе, стало возможным придать практически каждой единице оборудования, задействованного в экономике, индивидуальное управляющее устройство. Микроэлектроника обеспечила также миниатюризацию и резкое удешевление всех видов информационной техники – как компьютеров, так и средств связи, открыв широкую дорогу процессу информатизации общества.

Как справедливо отмечается во многих исследованиях, посвященных научно-техническому прогрессу, в Японии именно электронизация практически всех видов трудовой деятельности явилась его «локомотивным» направлением. Японцы предвидели, что будущее всех отраслей производства будет неразрывно связано с их кибернетизацией и информация станет главнейшим экономическим ресурсом. Они также поняли, что качество изготовления, а также и сама возможность выпуска технически сложных изделий напрямую зависят от степени насыщения производственного аппарата электронной техникой, в первую очередь приборами для управления технологическими процессами.

---

[5] Гидзюцу то кэйдзай. 1992, № 10, с. 54.

Правильно были оценены и общественные потребности в информации, в особенности в «электронных СМИ». Поэтому большое внимание было уделено реализации новейших схем радиоприемников, их миниатюризации и широкому применению транзисторных компонентов. И это несмотря на то, что американские фирмы все еще предпочитали использовать схемы с электронными лампами, в несколько раз более дешевыми в сравнении с транзисторами.

Однако следует отметить, что быстрота и эффективность освоения в Японии новых направлений в электронике не может быть объяснена лишь пониманием их важности. Необходимо иметь в виду существование глубоких научных и технических разработок в данной области, проводившихся на высоком уровне, хотя и не столь заметных на фоне более крупных достижений американских специалистов, на которых главным образом и сосредоточилось внимание технического мира.

Так, еще на рубеже 40–50-х годов в Японии проводились серьезные исследования по полупроводниковой тематике, в ходе которых были глубоко изучены новые физические эффекты, особенности полупроводниковых материалов, возможные схемы электронных устройств и др. Японские специалисты вели активный поиск заменителей германия – в тот период основного полупроводникового материала, и этот поиск завершился разработкой полупроводников из кремния, что имело важное значение для прогресса национальной радиотехнической промышленности, поскольку получать германий в больших количествах в тот период представлялось невозможным. В ходе этих работ было отлажено много экспериментальных технологий, выявлены проблемы производства транзисторов, найдены подходы к их решению и, что очень важно, подготовлены умелые кадры. Большое значение имели также крупные исследования по проблемам оптоэлектроники и лазерной техники, проведенные в 60-е годы в фирмах, НИИ и университетах, которые подготовили будущие успехи Японии в области оптической связи и промышленных технологий.

В организационном плане на прогресс в развитии информационной техники и технологии большое влияние оказали различные меры государственного регулирования экономического развития. В 1956 г. был принят Закон о чрезвычайных мерах по стимулированию развития машиностроения, а в следующем году – Закон о чрезвычайных мерах по стимулированию развития электромашиностроения. Это выделило электротехническую и электронную промышленность в ряд приоритетных отраслей, обеспечило благоприятную юридическую основу, направило сюда инвестиции и другие ресурсы. В результате с середины 60-х годов электронная промышленность становится одной из ведущих отраслей японской экономики, разработки концентрируются вокруг ЭВМ и больших интегральных схем, крупные нововведения быстро распространяются на всех направлениях развития теле-

коммуникационной и информационно-вычислительной техники, а также ложатся в основу автоматизации производства, создания робототехнических комплексов и гибких производственных систем.

Конечно, нельзя не отметить еще одну особенность, проливающую свет на успехи электронной промышленности Японии: не одни лишь зарубежные лицензии в сочетании с традиционно подчеркиваемыми дальновидностью японских управляющих и трудолюбием японцев обеспечили ее подъем. Более весомым фактором явилось то, что она возникла на базе производств, входивших в состав ключевых военных отраслей, которые долгое время всесторонне аккумулировали наиболее весомые достижения науки и техники.

Поясним, что военное развитие японской промышленности характеризовалось практической реализацией двух совершенно разных схем. Так, гражданские отрасли заботились в первую очередь о выпуске относительно дешевой продукции, формируя станочный парк из наиболее простого и дешевого оборудования, на котором можно было бы использовать малоквалифицированную рабочую силу. Здесь, собственно, и производились известные повсюду «дешевые, но некачественные японские товары». Поиному развивались военные производства, где действовали другие правила и складывалась особая школа — использование передовой зарубежной технологии, ее активная доработка и приспособление к местным производственным условиям, что позволяло уже самостоятельно, без обращения к зарубежным фирмам (т.е. «в режиме военного времени»), выпускать продукцию с высокими параметрами и качеством. По этим принципам были созданы крупные мощности радиоэлектронного производства для оснащения боевой техники навигационным оборудованием, радиолокаторами, приборами для систем вооружения. Значительный вклад внесло сотрудничество с германскими фирмами и лабораториями, являвшимися центрами новейших разработок в данной области, а также изучение английской и американской трофейной техники. Все это вывело японские разработки на весьма высокий уровень и серьезно расширило научно-технические возможности и диапазон практической деятельности японских специалистов. Например, еще в годы войны ими были начаты работы по созданию электронного микроскопа, которые впоследствии позволили Японии стать одним из главных экспортеров этого важнейшего для прогресса науки и техники инструмента.

Кроме микроэлектронной техники, серьезное влияние на японскую экономику оказали достижения и на других магистральных направлениях мирового научно-технического развития, которое также удалось материализовать в ходе структурной перестройки. В качестве конкретных примеров можно назвать новые материалы, робототехнические комплексы, системы автоматизированного проектирования, биотехнологические производства.

Существенно, что процесс перестройки промышленной структуры обеспечил крупные положительные сдвиги и в технологической структуре японской экономики, поскольку новые производства в своем большинстве стали опираться на «продвинутый» строй наукоемких технологий. В сущности, был создан качественно новый технологический базис японской экономики, позволивший ей «остаться на плаву» в тяжелые 90-е годы, на которые пришелся вал экономической депрессии.

В настоящее время экономика Японии находится в преддверии новых структурных перемен. Бюро промышленной политики министерства внешней торговли и промышленности определило 15 деловых сфер, которые до 2010 г. должны быть существенно расширены: если в 1998 г. в них было занято 10,6 млн. человек, а объем произведенной продукции и услуг составил около 200 трлн. иен, то в 2010 г. число занятых должно достигнуть 18 млн. человек, а общий объем производства превысить 550 трлн. иен (см. табл. 1).

Таблица 1

Рынок деловых сфер в 1998 и 2010 гг.*
(трлн. иен)

№№	Вид деятельности	1998 г.	2010 г.
1	Работы в сфере распределения и ее инфраструктуре	36	132
2	Информационное обслуживание и связь	38	126
3	Услуги в сфере здравоохранения	38	91
4	Культурное и бытовое обслуживание	20	43
5	Промышленное производство на базе принципиально новых технологий	14	41
6	Защита окружающей среды	15	37
7	Деловые услуги	17	33
8	Развитие пригородных зон	5	16
9	Биотехнологическое производство	1	10
10	Авиакосмическое производство	4	8
11	Эксплуатация ресурсов Мирового океана	4	7
12	Освоение альтернативных источников энергии и энергосбережние	2	7
13	Развитие человеческих ресурсов	2	4
14	Жилищное строительство и продажа жилья	1	2
15	Обслуживание процесса глобализации экономики	1	4

* Action Plan for Economic Structure Reform. Tokyo,1998, p. 18.

«Сервизация» экономики, т.е. повышение объемов и удельного веса «невещной» деятельности, иначе говоря, всевозможных услуг, согласование экономического развития с экологическими и энергетическими проблемами, оптимизация процессов урбанизации, а также форсирование ряда наукоемких производств – таковы общие задачи намечаемых преобразова-

ний. Причем они не сводятся только к созданию новых видов деятельности или увеличению числа рабочих мест. Одновременно должны быть приняты активные меры по «дерегулированию» многих деловых сфер и усилению роли рыночного механизма. Ожидают, что это значительно оживит экономическое развитие и повысит эффективность участия Японии в процессе глобализации экономики.

Наибольшим масштабом расширения деятельности характеризуются работы в сфере распределения и ее инфраструктуре. Они предполагают усовершенствование техники и организации перегрузки товаров на грузовых терминалах, сокращение задержек контейнеров на территории портов, развитие компьютерных технологий для обеспечения оперативной перевозки товаров между фирмами-производителями, складами и торговыми предприятиями, расширение торговых операций через Интернет и др.

На аналогичный уровень по объему рынка должен также выйти сектор информационного обслуживания и связи. О необходимости его энергичного развития свидетельствует, в частности, заметное отставание от США. Так, уровень компьютеризации японских офисов, исчисляемый отношением числа персональных компьютеров к числу занятых, в 1997 г. был равен 27,8%, тогда как в США – 59,1%. Очень большое отставание и в области программного обеспечения. В общем, Японии предстоит осуществить новый этап информатизации, и к 2010 г. в указанном секторе должно быть занято около 2,5 млн. человек (вдвое больше, чем в 1998 г.).

Среди промышленных отраслей, деятельность которых к 2010 г. предполагается существенно расширить, следует особо выделить производства на базе принципиально новых, уникальных технологий. Они будут выпускать оборудование для гибких производственных систем, в частности, разработанных в рамках международного проекта «Интеллектуальные производственные системы»; роботы особосложных схем для использования в медицине и строительстве; различные виды машин и оборудования, не требующие ухода и техобслуживания; миниатюрные персональные компьютеры и др. Предполагается, что это внесет заметный вклад в японский экспорт технологий.

Самыми большими масштабами расширения (в 10 раз) характеризуется биотехнологическое производство. Заметный акцент сделан и на развитие авиакосмической промышленности. Здесь главные перспективы связываются с усовершенствованием ракеты H-II и применением ее для коммерческих запусков спутников Земли.

Рассматривая основное содержание намеченных структурных сдвигов, можно отметить их теснейшую связь с главными направлениями, на которых ведет свой поиск современная наука, – электронизацией и информатизацией, созданием высокофункциональных материалов и химических веществ, развитием новых производственных технологий, использованием и

преобразованием свойств живой материи и др. Это позволяет еще раз подчеркнуть, что наука является одним из наиболее влиятельных факторов экономического развития Японии.

Чрезвычайно важную роль играет выбор стратегии научно-технологического развития послевоенной Японии. Она вырабатывалась с учетом ресурсных возможностей страны и предполагала тесное взаимодействие с внешним миром, открывавшим для нее доступ к тем видам ресурсов, которых ей не хватало, – начиная с сырьевых и кончая интеллектуальными и информационными.

В Японии пришли к верному выводу, что после восстановления разрушенной войной производственной базы научно-производственное развитие страны следует направить по достаточно ограниченному числу направлений, т.е. избрать так называемую селективную стратегию, основанную на тщательно выбранных приоритетах. В этом случае на ряде направлений при условии концентрации на них достаточно солидных ресурсов представлялось возможным не только достигнуть уровня США, но даже превзойти его и выйти на первое место в мире. На прочих же, не приоритетных направлениях было решено использовать в основном зарубежные достижения, т.е. закупать лицензии и готовую технику, а самим вести работы преимущественно методического и аналитического характера, не вступая в соревнование с мировыми лидерами.

Эта стратегия очень быстро показала свою высокую эффективность. Силу японских продуцентов быстро ощутили и в Западной Европе, и в США. Так, к середине 70-х годов, когда расходы Японии на научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР) составляли лишь 1/4 американского уровня, она уже занимала прочные позиции на рынках многих видов продукции тяжелой и легкой промышленности и заметно потеснила здесь традиционных лидеров.

В этой связи представляет интерес специальное исследование, проведенное Объединением западно-германских машиностроителей, результаты которого были опубликованы в ФРГ в 1981 г. под заголовком «Япония как конкурент»[6]. В выводах, сделанных авторами этой работы, показано, какие конкретные меры привели японцев к успехам в экономическом и технологическом развитии и притом настолько весомым, что за рубежами Японии они воспринимались как «японский вызов» или даже как «японская угроза».

Перечислим эти меры:

1. Межфирменная кооперация в области исследований и разработок, наличие особого «доконкурентного этапа», когда заинтересованные компании совместно формируют основы базового нововведения, причем на неко-

---

[6] Wettbewerber Japan. Frankfurt/M., 1981.

торых ключевых направлениях организационную и частично финансовую поддержку оказывает государство. Конкурентная борьба между компаниями начинается лишь на следующем этапе, когда происходит коммерциализация нововведений и каждая фирма уже самостоятельно их развивает и совершенствует.

2. Широкое применение самых современных технологий, во множестве случаев обеспеченное закупками за рубежом соответствующего оборудования, патентов, лицензий и ноу-хау.

3. Крупносерийность выпуска новых моделей, позволяющая реализовать принцип «экономии на масштабах производства», снизить цену изделий и за счет этого упрочить рыночные позиции.

4. Обеспечение невысокой стоимости продукции, достигаемое благодаря более низким по сравнению с другими индустриально развитыми странами издержкам на заработную плату.

5. Концентрация японских компаний на определенных сегментах рынка, ориентация на выпуск изделий, пользующихся особенно широким спросом (бытовая радиотехника и электроника, оборудование для офисов, автомобили, изделия из синтетических материалов, системы ЧПУ и др.). При этом каждая фирма максимально ограничивает число одновременно выпускаемых моделей или типоразмеров продукции, нередко даже отклоняя особые пожелания заказчиков. Японские продуценты в результате тщательного анализа мировых рынков четко выявляют, что нужно именно массовому потребителю. При этом, как правило, оказывается, что его потребности вполне удовлетворяет продукция со средними характеристиками, лишь бы она была современной с точки зрения реализованных в ней технических принципов, а также добротной и дешевой. Японские компании гарантированно обеспечивают эти свойства, опираясь на принципы, изложенные в предыдущих пунктах.

Селективная стратегия научно-технического развития Японии реализовывалась в условиях массированного импорта зарубежной техники и технологии. Об огромной экономии средств, выигрыше времени и других связанных с этим факторах хорошо известно. Меньше известно то, что теснейшее знакомство с важнейшими зарубежными достижениями не сопровождалось адекватным ростом творческого потенциала японской науки и техники. Статистика свидетельствует, что серьезные прорывы в создании принципиально новых технических средств и производственных технологий осуществлялись в основном в США и в существенно меньших масштабах – в Западной Европе. Но несмотря на то что в разработке важнейших инноваций и даже в выпуске первых моделей продукции признанным лидером являются США, на этапе широкомасштабного производства поток инновационной продукции раздваивается. Одна его часть в основном производится американскими, а другая – японскими фирмами.

Это хорошо иллюстрирует таблица 2, причем, разумеется, внимание следует обращать не столько на количество видов продукции, производимых в США или Японии, сколько на ее сложность, глубину заложенных в нее технических принципов и уникальность технологий, используемых для ее изготовления.

Таблица 2

Основные виды гражданской наукоемкой продукции и страны, лидирующие в их производстве (первая половина 90-х годов)*

США	Япония
Ракетно-космическая техника	Автомобили
Гражданские реактивные самолеты	Роботы
Реактивные двигатели	Станки с ЧПУ
Радиолокаторы	Оборудование для контроля интегральных схем
Суперкомпьютеры	Факсимильные аппараты
Микропроцессоры	Полупроводниковые лазеры
Программные средства	Плоские дисплеи
Системы автоматизированного проектирования	Динамические запоминающие устройства с произвольной выборкой
Волоконная оптика	Электронные часы
Биотехнологические установки	Фотокамеры с автоматической фокусировкой
Лекарственные препараты	Бытовая электронная техника
США и Япония	**Западная Европа**
Изделия из высокофункциональных композиционных материалов	Электронные средства связи
Оборудование для производства интегральных схем	
Копировальные машины	
Компьютеры настольных типов	

* Research – Technology Management. 1995, № 2, p. 30.

Оговоримся сразу, что эта таблица не претендует на абсолютную полноту, например, в нее не включены энергетические установки, средства морского транспорта, универсальные ЭВМ и т.д., но тем не менее видно, что «весовые категории» США и Японии как лидеров-производителей не одинаковы. И наукоемкость, и сложность американской продукции явно выше. Это, собственно, не является секретом для самих японцев. Именно им и принадлежит идея «весового» противопоставления США и Японии.

Познакомимся также с межстрановыми оценками, основанными на сравнении уровней научно-технологического развития ведущих промышленных отраслей в различных странах, которые как бы обобщают все плюсы и минусы в системе «наука – техника – производство», характеризуя ее по конечным результатам. Такие оценки были выполнены в Японии в начале 1998 г. на основе анализа специальных анкет, направленных в 1924 компании. Один из пунктов анкеты требовал охарактеризовать научно-

производственный потенциал фирмы (уровень проводимых НИОКР и технологические возможности производства) в сравнении с зарубежными фирмами аналогичного профиля. Из нескольких вариантов ответов нужно было выбрать один, отвечающий положению дел в анкетируемой фирме:
а) позиции зарубежных фирм сильнее; б) зарубежные фирмы не обнаруживают превосходства; в) в ближайшие 3–5 лет зарубежные фирмы могут стать конкурентами; г) в ближайшие 7–8 лет зарубежные фирмы конкурентами не станут.

Сравнения следовало провести с фирмами США, Западной Европы, Китая и некоторых других стран.

Итоговые результаты были подготовлены на основе анализа и обобщения материалов анкет, полученных от 1202 фирм. В таблице 3 приведена часть этих результатов, по которым можно судить о научно-производственном потенциале японских и зарубежных фирм, входящих в состав обрабатывающей промышленности. (В ходе обследования она была представлена 991 компанией.)

Эти данные свидетельствуют, что американские фирмы по целому ряду важнейших производств являются серьезными конкурентами японским. Так, даже радиотехнические и электронные фирмы Японии, за которыми уже давно и вполне заслуженно закрепилась репутация сильнейших продуцентов, пребывают в достаточно напряженном состоянии – почти половина японских фирм считает, что американские конкуренты сильнее. О превосходстве фирм США заявляет также довольно большой процент японских компаний других отраслей. Представляют особый интерес оценки, относящиеся к области автомобилестроения, свидетельствующие об ожесточенной конкуренции между японскими и зарубежными фирмами. Особенно выделяются данные по фармацевтическому производству, указывающие на огромный научно-технологический перевес как американских, так и западно-европейских фирм.

Конечно, то обстоятельство, что в среднем по обрабатывающей промышленности 53% японских фирм поддерживают «научно-производственный паритет» с западно-европейскими, а 44% и с американскими, говорит о высоком научно-технологическом потенциале Японии. Вместе с тем все это не позволяет сделать вывод о каком-то ее особом превосходстве над США и Западной Европой. Оно по-прежнему может быть обнаружено лишь в отдельных областях «товарного спектра».

Все изложенное служит подтверждением высказанного выше тезиса о селективности научно-технического развития Японии. Четко очерчена «ниша» продукции, в производстве которой она является общепризнанным мировым лидером. Это, как известно, бытовая электроника (транзисторные радиоприемники, цветные телевизоры, стереофонические аудиосистемы, карманные магнитофоны и плееры, домашняя видеотехника), а также элек-

тронные компоненты, представленные в основном запоминающими устройствами особо высокой емкости и дисплеями; оборудование для офисов (персональные компьютеры, факсимильные аппараты, копировальные машины); пользующееся повышенным спросом производственное оборудование (станки с ЧПУ, роботы, контрольно-измерительная техника); легковые автомобили, фотоаппаратура и др.

Таблица 3

Результаты анкетирования японских фирм, характеризующие их научно-производственный потенциал*

Отрасли и производства	Доля фирм в обследованной группе, %			
	Отстающих от фирм США	Сохраняющих паритет с фирмами США	Отстающих от западноевропейских фирм	Сохраняющих паритет с западноевропейскими фирмами
Пищевая	44	28	32	35
Производство химических веществ и синтетических волокон	31	45	24	59
Фармацевтическое производство	79	8	72	15
Нефтехимия	42	29	29	46
Производство пластмасс	25	47	19	58
Электромашиностроение	27	41	16	53
Радиотехника и электроника	45	42	13	64
Автомобилестроение	23	68	27	63
Общее машиностроение	29	47	21	62
Точное машиностроение	36	50	18	61
В целом по обрабатывающей промышленности	33	44	25	53

*Минкан кигё-но кэнкю кацудо-но дзиттай-ни кансуру тёса хококу (Доклад по результатам обследования исследовательской деятельности в компаниях). Токио, 1998, с. 38, 39, 99.

Другой аспект селективной стратегии – сосредоточение основной мощи японского научно-технического потенциала на производственных технологиях, т.е. способах и средствах изготовления новейшей технически сложной продукции. Что же касается ее разработки и выпуска головных образцов, то все это осуществляется не в Японии, а за рубежом, чаще всего в США. Напомним, что ни один вид продукции, представленный в таблице 3, не был разработан в Японии.

Как долго Япония сможет проводить в жизнь такую стратегию, сказать трудно. Все же сегодня именно фирма-инноватор первой выходит на рынок и имеет наибольшие шансы завоевать его. Прошло время, когда большинство инноваторов не справлялось с ролью пионера и плоды их начинаний доставались тем, кто занимал выжидательную позицию, наблюдая за инно-

ватором, изучая его шаги по пути первопроходца и учитывая все его ошибки. В наши дни, когда сформировался новый тип экономики – «экономики, основанной на знаниях», этап «проб и ошибок», как правило, отсутствует. Фирма-инноватор предлагает рынку вполне зрелые плоды, являющиеся результатом детальных исследований и точных расчетов, материализованные на первоклассном оборудовании при высочайшем уровне производственного контроля. В этих условиях радикальные инновации превращаются в стратегическое оружие компаний, а «прорывные» технологии становится даже более выгодным засекречивать, чем торговать ими. Поэтому в Японии энергично ищут пути «культивирования талантов» – активизируют совместные исследования с зарубежными учеными, форсируют рост штата исследователей с учеными степенями, приближают процесс обучения студентов к исследовательскому и др. Создать в обозримой перспективе адекватную своей экономической мощи систему активного генерирования инноваций мирового класса – это, пожалуй, наиболее сложная из задач, стоящих сегодня перед Японией.

Система органов управления научными исследованиями в Японии

М.Я. Корнилов

Эффективно функционирующая система управления научными исследованиями и опытно-конструкторскими работами (НИОКР) представляется одним из важнейших условий ускорения технического прогресса и экономического развития общества.

В современной Японии, как и в любой стране с рыночной экономикой, управление НИОКР осуществляется как по линии государства, так и в рамках частного сектора. Однако, поскольку в Японии, как и повсюду в мире, забота о росте национального научно-технического потенциала является прерогативой прежде всего государства, во главе всей организации НИОКР в стране стоят *государственные* органы управления, сложившиеся к настоящему времени в достаточно стройную систему.

Эти органы подразделяются на консультативные, действующие при канцелярии премьер-министра и призванные формировать и корректировать в целом научно-техническую политику страны или ее важнейшие аспекты (Совет по науке и технике, Комиссия по атомной энергии, Комиссия по ядерной безопасности, Комиссия по освоению космоса, Совет по освоению ресурсов океана), и исполнительные, непосредственно входящие в состав правительства страны, реализующие научно-техническую политику и осуществляющие общее руководство развитием науки и техники в Японии (Управление по науке и технике, прочие министерства и ведомства). Особое место в этой системе занимает Научный совет Японии, по своей организации и роду деятельности напоминающий Президиум Российской академии наук. Он сочетает в себе как консультативные, так и исполнительные функции.

Одним из важнейших среди консультативных органов является *Совет по науке и технике* (СНТ). Он возглавляется непосредственно премьер-министром. Кроме него, в состав совета в последние годы входят еще десять членов, в том числе начальник управления по науке и технике, начальник управления экономического планирования, министр просвещения, министр финансов, президент Научного совета Японии и еще пять членов, которые назначаются премьер-министром из числа наиболее компетентных специалистов в области развития науки и техники.

Главной задачей СНТ является выработка научно-технической политики страны. Два-три раза в год совет собирается на пленарные заседания, на

которых его участники знакомятся с новыми запросами, поступившими от премьер-министра, принимает рекомендательные решения по ранее полученным запросам, обсуждают доклады своих рабочих органов.

На заседаниях совета формируются комитет по научно-технической политике и восемь комиссий: долгосрочного планирования развития науки и техники, определения перспективных и наиболее важных исследовательских объектов, совершенствования условий проведения научных исследований, улучшения «качества жизни», по исследованиям в области энергетики, по исследованиям в области предотвращения стихийных бедствий, по подготовке ученых и по сотрудничеству с Научным советом Японии.

Комитет по научно-технической политике в составе СНТ собирается дважды в месяц для обсуждения текущего состояния решения долгосрочных научных проблем и для руководства деятельностью комиссий совета.

Составы комитета и комиссий образуются из экспертов и специалистов, являющихся видными учеными в соответствующих областях науки и постоянно работающих в частных компаниях, частных или государственных университетах и НИИ (в том числе в составе комитета обычно бывает до шести экспертов-членов СНТ и до восьми приглашенных специалистов). В отличие от специалистов эксперты участвуют в заседаниях СНТ и назначаются премьер-министром с одобрения парламента страны. Для назначения специалиста достаточно решения премьер-министра.

Роль исполнительного органа СНТ играет Бюро научно-технической политики Управления по науке и технике (УНТ). Для выполнения текущей работы у СНТ имеется технический аппарат в составе 25 человек[1].

Комиссия по атомной энергии дает рекомендации правительству по вопросам, связанным с исследованием и применением ядерной энергии, включая координацию работы соответствующих правительственных ведомств, оценку расходов и распределение фондов, поощрение исследований, подготовку научно-технических кадров и др.

Комиссия состоит из 25 человек, которые назначаются премьер-министром из числа компетентных специалистов и администраторов соответствующих правительственных ведомств. Председателем Комиссии по атомной энергии является начальник Управления по науке и технике. Для своей работы комиссия формирует 12 комитетов, состоящих из 30 экспертов и 140 специалистов, привлекаемых в качестве совместителей из различных научно-исследовательских организаций. Исполнительным органом комиссии является отделение разработки политики Бюро по атомной энергии УНТ.

Комиссия по ядерной безопасности призвана формировать политику и разрабатывать соответствующие меры в области обеспечения безопасного функционирования ядерных реакторов на АЭС и других ядерных объектов,

[1] Prime Minister's Council for Science & Technology. 1997, March, p. 1-2, 4-6.

безопасной переработки, транспортировки и хранения ядерного топлива, других радиоактивных материалов, а также безопасного и экологически безвредного захоронения ядерных отходов. Комиссия вырабатывает стандарты ядерной безопасности. На нее возложена обязанность проводить расследования инцидентов на ядерных объектах и с ядерными материалами, произошедших как в Японии, так и за ее пределами. Комиссия также координирует все проводимые в стране исследования в области обеспечения безопасного функционирования ядерных объектов и безопасной работы с радиоактивными материалами.

Председателем комиссии является начальник Управления по науке и технике. Ее исполнительным органом является отделение разработки политики ядерной безопасности Бюро по ядерной безопасности УНТ.

Комиссия по освоению космоса занимается выработкой основных направлений космических исследований в Японии, рекомендаций по организационной структуре учреждений, занимающихся проблемами космоса, а также координирует все космические исследования в стране.

Комиссию возглавляет начальник Управления по науке и технике. Ее исполнительным органом является отделение планирования космических исследований Бюро исследований и разработок УНТ.

Совет по освоению ресурсов океана призван по запросам правительства страны давать рекомендации по освоению Мирового океана и предотвращению его загрязнения, вырабатывать основные направления его изучения, освоения, воспроизводства его ресурсов и т.д. Исполнительным органом Совета является отделение исследований океана Бюро исследований и разработок УНТ.

Управление по науке и технике в составе канцелярии премьер-министра является основным правительственным органом, ответственным за проведение в жизнь национальной научно-технической политики. Его функции во многом напоминают функции российского министерства науки и технологий. В частности, в задачи УНТ входят: планирование и координация научно-технических исследований; обоснование и межведомственное согласование ассигнований и дотаций на исследования; содействие проведению исследований, требующих усилий нескольких ведомств; руководство фундаментальными исследованиями, являющимися общими для многих областей науки и техники; содействие внедрению их результатов в практику; руководство подготовкой научных и инженерных кадров; подготовка и публикация материалов, касающихся исследований в области науки и техники.

Начальник УНТ (в ранге министра без портфеля) имеет двух заместителей, помощника и двух генеральных секретарей. Общая численность сотрудников управления – около 550 человек. УНТ непосредственно руководит деятельностью шести государственных научно-исследовательских учреждений (НИУ) общей численностью около 1,6 тыс. человек (Националь-

ный институт научно-технической политики, Национальный НИИ наук о Земле и защите от стихийных бедствий, Национальный НИИ металлов, Национальный НИИ неорганических материалов, Национальная аэрокосмическая лаборатория и Национальный НИИ радиологии) и семи полугосударственных НИУ, в которых работает 7,5 тыс. человек (Институт физических и химических исследований, Японская корпорация исследований и разработок, Японский центр научно-технической информации, Японское национальное агентство по исследованию космоса, Японский морской научно-технический центр, Корпорация по разработке атомных реакторов и ядерного топлива, Японский НИИ атомной энергии). За исключением Японской корпорации развития научных исследований и Японского центра научно-технической информации, все остальные полугосударственные НИУ существуют в основном на государственные средства.

При УНТ на правах совещательных органов функционируют четыре совета (по ресурсам; технических экспертов; по радиологии; по аэронавтике, электронике и другим передовым технологиям). Кроме того, соответствующие подразделения управления в качестве исполнительных органов используются рассмотренными выше консультативными органами при канцелярии премьер-министра Японии.

Структурно управление подразделяется на секретариат и пять бюро: научно-технической политики; содействия развитию науки и техники; исследований и разработок; по атомной энергии, по ядерной безопасности. Секретариат и Бюро по ядерной безопасности как самые крупные подразделения УНТ возглавляются генеральными секретарями[2]. Секретариат, помимо своих традиционных обязанностей, занимается еще вопросами повышения благосостояния сотрудников, созданием условий, необходимых для плодотворной и эффективной работы управления, а также информирует общественность и СМИ о деятельности УНТ.

На Бюро научно-технической политики возложены задачи: обеспечения деятельности Совета по науке и технике и Совета по ресурсам; разработки долгосрочных планов развития науки и техники и содействия их выполнению; координации бюджетных заявок всех министерств и ведомств Японии в части, касающейся развития науки и техники; контроля за использованием средств Специальных координационных фондов содействия науке и технике, используемых для финансирования наиболее приоритетных НИОКР; ежегодной публикации «Белой книги по науке и технике» на основе анализа развития науки и техники в Японии и за рубежом.

Бюро содействия развитию науки и техники занимается выработкой стимулов для дальнейшего развития науки и техники в Японии, в частности предложений по совершенствованию с этой целью национального законодательства, системы налогообложения и т.д.; развитием научно-

[2] STA. Its Roles and Activities. Tokyo, 1997, p.33-34, 37-38.

технической базы страны, в том числе научных городков; содействием международному научному обмену и совместным исследованиям; фундаментальным исследованиям в регионах Японии; пропагандой национальных научно-технических достижений.

Бюро исследований и разработок обеспечивает деятельность Комиссии по освоению космоса, Совета по освоению ресурсов океана и Совета по аэронавтике, электронике и другим передовым технологиям; содействует проведению НИОКР в области информатики, электроники, аэронавтики, исследования Земли и Мирового океана, предотвращения стихийных бедствий, материаловедения, улучшения «качества жизни»; формулирует основные направления изучения и освоения космического пространства; разрабатывает долгосрочные планы развития космических исследований и содействует их выполнению; координирует бюджетные заявки всех министерств и ведомств Японии в части, касающейся освоения космоса; способствует международному сотрудничеству в освоении космического пространства.

Бюро по атомной энергии обеспечивает деятельность Комиссии по атомной энергии; формулирует основные направления и разрабатывает долгосрочные планы развития атомной энергетики в Японии, а также содействует их выполнению; способствует кооперации государства и частного сектора в проведении НИОКР по атомной энергетике; международному сотрудничеству в развитии атомной энергетики; проведению НИОКР по созданию атомных реакторов и развитию ядерных технологий; контролирует деятельность японского НИИ атомной энергии.

Бюро по ядерной безопасности обеспечивает деятельность Комиссии по ядерной безопасности и Совета по радиологии; разрабатывает мероприятия по предотвращению происшествий на ядерных объектах; контролирует уровень радиации по территории страны; вырабатывает правила эксплуатации и контролирует работу атомных реакторов; правила обращения с ядерным топливом, другими радиоактивными материалами и ядерными отходами и контролирует их использование, хранение и транспортировку; обеспечивает охрану ядерных объектов и сохранность ядерных материалов[3].

Среди министерств и прочих правительственных ведомств Японии наиболее активную роль в развитии науки и техники играют два министерства: просвещения, науки, спорта и культуры (минпрос) и внешней торговли и промышленности (МВТП).

Минпросу непосредственно подчинены все государственные университеты страны. Оно также курирует деятельность муниципальных и частных университетов и колледжей. В составе министерства имеется департамент университетской науки. На входящее в этот департамент научное отделе-

[3] Ibidem, p.29-31.

ние возложена задача по руководству всей вузовской наукой страны. Министерству подчинено также пять исследовательских институтов (НИИ космоса и астронавтики, Национальный НИИ образования, Национальный НИИ специального образования, Национальный НИИ языка, Национальный НИИ культуры), Японская академия наук и Национальный музей науки.

Японская академия наук – это орган, совершенно непохожий, например, на Российскую академию наук прежде всего тем, что является не более чем почетным собранием видных ученых, внесших существенный вклад в науку. Число членов академии – 130 человек, избираемых пожизненно[4].

Заметную роль в развитии японской науки играет состоящее при минпросе и частично финансируемое из его бюджета *Японское общество поощрения развития науки*. Основными функциями общества являются: поддержка молодых ученых (вплоть до предоставления им правительственных грантов), научно-техническое сотрудничество между университетами и промышленностью, содействие международной научной кооперации и развитию исследований прорывного характера, обобщение и распространение информации о развитии науки и техники.

Через это общество из бюджета минпроса финансируются многие государственные научные программы. В частности, в 1996 г. по линии общества на финансирование национальных научных программ было выделено 20,3 млрд. иен (186,6 млн. долл.), международных программ – 5,8 млрд. иен (53,2 млн. долл.). Эти программы выполняются как в государственном, так и в частном секторах. В частности, под эгидой общества действует около 50 комитетов, образованных по различным направлениям научно-технического сотрудничества между университетами и промышленностью.

В общем стоимостном объеме национальных научных программ, финансируемых через общество, 55% приходится на фундаментальные исследования, 26% – на постдокторальные исследования, 18% – на исследования докторантов (в 1996 г. в рамках национальных научных программ финансировались работы 2200 японских докторантов и 900 ученых, окончивших докторантуру) и 1% – на прочие программы.

В международных научных программах приоритет отдается постдокторальным исследованиям иностранных ученых в Японии (33%), программам научного сотрудничества с азиатскими странами (21%), двухсторонним исследованиям, проводимым в Японии (16%), проведению совместных научно-исследовательских работ (НИР), научных семинаров и т.п. (12%), постдокторальным исследованиям японских ученых за границей (9%). В рамках международных научных программ в Японию для проведения совмест-

---

[4] Коккатэки канри-но сосики бэнран (Справочник структуры государственного управления). Токио, 1996, с.54-60.

ных исследований было приглашено 2500 иностранных ученых, а за границу направлено 2700 японских ученых. Общество поддерживает постоянные научные обмены с 52 научными организациями 35 стран, в том числе с Президиумом Российской академии наук и Госкомитетом по высшему образованию Российской Федерации[5].

В целом в области развития науки и техники на минпрос Японии возложено осуществление государственного финансирования, общего руководства и контроля за развитием научных исследований в университетах и других вузах страны.

НИОКР в сфере промышленности Японии организует и возглавляет МВТП, при котором функционирует *агентство промышленной науки и технологии*. Основной задачей агентства является содействие развитию и внедрению перспективных технологий в промышленности и энергетике. Агентство призвано также обеспечить органическую связь между промышленностью, университетами и правительством, в частности обосновать выделение необходимых средств, поддержку наиболее важных тем, обеспечить минимизацию коммерческих рисков. Таким образом, агентство решает задачу поддержания научных связей между университетами и промышленностью как бы со стороны последней, представляя в этом тандеме объединенные интересы промышленных компаний под патронажем правительства (в лице МВТП), в то время как объединенные интересы академической науки (опять-таки под патронажем правительства в лице минпроса) представляет Японское общество поощрения развития науки.

Для каждой из сторон эта форма развития НИОКР имеет свои преимущества. Академическая наука активизирует свою деятельность при финансовой поддержке заинтересованного промышленного капитала, приобретает реального потребителя результатов своих исследований, открывает для себя новые сферы приложения своих знаний. Промышленные компании, пользуясь готовыми результатами фундаментальных и прикладных исследований, получают возможность в перспективе производить принципиально новую продукцию и обеспечить себе ведущие позиции на рынках ее сбыта, снижают себестоимость и повышают конкурентоспособность будущей готовой продукции, уменьшают коммерческий риск от затрат на ее разработку, приобретают возможность активизировать собственный научно-технический потенциал, используя методы академической науки.

В процессе кооперации академические и промышленные НИУ обмениваются научными сотрудниками и научным оборудованием, создают временные научные коллективы и целевые фонды. С 1985 по 1996 г. число совместных научно-исследовательских работ (НИР) возросло почти в 7 раз (с 216 до 1509), а численность участвовавших в них ученых – в 6,3 раза (с 254

[5] Ниппон гакусюцу синкокай (Японское общество поощрения развития науки). Токио, 1996, с.2-14.

до 1630 человек). В настоящее время, например, такой крупный центр японской академической науки как Токийский университет выполняет совместные НИР с 30 компаниями, Осакский университет – с шестью, Токийский технологический институт – с пятью компаниями[6].

НИОКР, проводимые в рамках самого агентства, построены по тематическому и региональному принципу. Основные тематические исследования ведутся в Электротехнической лаборатории, Национальном НИИ по охране окружающей среды и ресурсов, Национальном НИИ биологии и гуманитарной технологии, Национальном НИИ материалов и химических исследований и в других НИУ, подчиненных агентству. Региональные исследования проводятся в НИИ промышленности Осака, Нагоя, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку, Тохоку и Тюгоку. Всего агентство руководит работой 15 НИУ[7].

Ассигнования на НИОКР, хотя и в значительно меньшем объеме, получают и все другие японские министерства, а также многие ведомства, входящие в канцелярию премьер-министра страны (Управление национальной обороны Японии, Национальное полицейское управление, Управление экономического планирования, Управление по делам Хоккайдо и др.), в составе каждого из которых имеются НИУ соответствующего профиля[8].

Научный совет Японии формально является консультативным органом при канцелярии премьер-министра. Его основная задача – определять главные направления развития японской науки и давать соответствующие рекомендации правительству. Однако согласно уставу в обязанности Научного совета Японии входят не только консультации кабинета министров по важнейшим научным проблемам, но также координация всей научно-исследовательской деятельности и содействие развитию науки в стране.

В отличие от Совета по науке и технике, который сравнительно ограниченным составом решает задачи, поставленные ему непосредственно премьер-министром страны, Научный совет Японии по итогам всестороннего анализа проблем, возникающих в процессе развития японской науки, как правило, по собственной инициативе выходит в правительство с обоснованными предложениями по решению этих проблем.

Свою работу Научный совет строит на привлечении к решению своих задач самых широких слоев научной общественности страны. В состав совета входят 210 видных японских ученых в области естественных, технических и гуманитарных наук. Число членов совета неизменно.

Совет подразделяется на семь отделений, в которых ученые объединены по следующим специальностям: 1-е отделение – филология, философия, педагогика, психология, социология, история (31 член); 2-е – право, поли-

---

[6] Дайгаку то сангёкай то-но кэнкю кёрёку (Научное сотрудничество между университетами и промышленностью). Токио, 1998, p.9.

[7] MITI Technology Policy. Tokyo, 1999, p.6-8.

[8] STA. Its Roles and Activities. Tokyo, 1997, p.37-38.

тические науки (26 членов); 3-е – экономика, коммерция и управление хозяйством (26 членов); 4-е – математика, астрономия, физика, геофизика, химия, зоология, ботаника, геология, минералогия, география, антропология (31 член); 5-е – прикладная физика и химия, горное дело, архитектура, технические науки (33 члена); 6-е – сельскохозяйственные науки, лесоводство, водное хозяйство (30 членов); 7-е отделение – медицинские науки, фармакология (33 члена).

Высшим органом Научного совета является общее собрание, которое, как правило, созывается дважды в год, в апреле и октябре. Совет возглавляется президентом, избираемым на общем собрании, и двумя вице-президентами. Один избирается от 1-3-го отделений, второй – от 4-7-го отделений. Каждое отделение на своих собраниях избирает председателя, вице-председателя и двух секретарей. Руководство отделений вместе с президентом и вице-президентами совета составляют его правление, которое собирается раз в месяц.

Работу самого Научного совета обеспечивают шесть отделов под непосредственным руководством правления: информационный, финансовый, по выработке рекомендаций и предложений, организации международных научных конференций, перспективного планирования, организации научных обменов.

Собственно научную деятельность совет организует через широкую сеть создаваемых им комитетов, которые делятся на четыре категории: национальные, специальные, постоянные и временные. Национальные комитеты (в настоящее время их насчитывается 180) отслеживают состояние научных исследований в стране, занимаются вопросами общенациональной координации научных работ, поддерживают связи с соответствующими НИИ и академическими обществами Японии. В настоящее время к работе национальных комитетов привлечено примерно 2400 ученых. Специальные комитеты создаются по отдельным важнейшим для страны отраслям науки и наиболее актуальным проектам исследований, требующим сотрудничества комплексных коллективов ученых. Число таких комитетов периодически меняется. В настоящее время их создано 11. Постоянные комитеты состоят только из членов Научного совета и занимаются ключевыми проблемами научной политики государства, такими, как организация исследований, международное научное сотрудничество, положение научных сотрудников, активизация деятельности самого совета и его национальных комитетов и др. В настоящее время действует семь таких комитетов. Временные комитеты создаются для проведения международных научных конференций, созываемых в Японии[9].

[9] Science Council of Japan. Tokyo, 1998. p.10-11.

Отбором новых членов Научного совета, подготовкой и организацией выборов совета, который полностью переизбирается каждые три года, занимается административный комитет в составе 49 членов.

Отбор кандидатов и избрание членов совета проходит в четыре этапа. На первом этапе среди академических обществ, действующих под руководством Научного совета (в настоящее время их насчитывается 915), выявляются общества, желающие выставить своих кандидатов для избрания в члены Научного совета. На втором этапе академическими обществами назначаются рекомендатели и выдвигаются кандидаты в члены совета. На третьем этапе на собраниях рекомендателей происходит отбор 210 наиболее достойных кандидатов. На четвертом этапе новые члены Научного совета формально назначаются премьер-министром страны.

Секретариат Научного совета состоит из 81 человека. Возглавляет его генеральный секретарь. Секретариат призван в основном готовить документацию для общего собрания и заниматься протокольными вопросами[10].

Все рассмотренные выше структуры являются своеобразной управленческой надстройкой над собственно субъектами научных исследований и опытно-конструкторских работ – сотнями функционирующих в стране НИУ, тысячами проектных лабораторий и конструкторских бюро. В современной Японии НИОКР проводятся в учреждениях с самым различным статусом. Это, во-первых, государственные НИИ, подчиненные как центральным министерствам и ведомствам (119 по состоянию на конец 1996 г.), так и местным (префектуральным и городским) органам власти (632); во-вторых, полугосударственные НИУ (НИИ, общества, агентства, корпорации, центры и т.п.), действующие при министерствах и прочих правительственных ведомствах и финансируемые в значительной мере из государственного бюджета (12); в-третьих, частные НИУ, действующие фактически на свой страх и риск и имеющие доходы в основном от выполнения контрактов на проведение НИОКР (645); в-четвертых, так называемые «бесприбыльные» НИУ, существующие на субсидии и пожертвования различных частных фондов (257); в-пятых, научные подразделения (НИИ, лаборатории, центры и т.п.) и целевые научные коллективы в государственных университетах (98 университетов с состоящими при них 78 НИИ); в-шестых, аналогичные подразделения и коллективы в частных университетах (406 университетов и 124 НИИ), в-седьмых, самая многочисленная составляющая научно-технической базы страны – научные и проектно-конструкторские подразделения частных компаний, действующих в самых различных отраслях японской экономики (в 1996 г. НИОКР проводились в 14 485 компаниях, в том числе в 13 321 промышленной компании)[11].

---

[10] Ibidem, p.25-27, 31.

[11] Ниппон токэй нэнкан. 1998, с.728-729.; The University Research System in Japan. Monbusho, 1997, p.2.

Кроме собственно управления (непосредственно или через предоставление грантов, заключение контрактов, разработку проектов и т.п.) деятельностью научных и научно-технических коллективов, рассмотренная надстройка выполняет и другие функции. Во-первых, как уже отмечалось выше, на ее основе целенаправлено функционирует система государственного финансирования или, иначе говоря, инвестиционной подпитки японской науки. Благодаря такой подпитке финансовые и другие ресурсы государства концентрируются на наиболее перспективных направлениях развития науки и техники. Так, например, благодаря средствам, выделяемым из бюджетов МВТП и минпроса в Японии в настоящее время реализуются три крупных проекта: «Новые научно-технические рубежи в промышленности», «Применение промышленных технологий» и «Кооперация с академической наукой», в рамках которых выполняются 25 программ НИОКР в пяти наиболее перспективных областях исследований: а) новые материалы, б) биотехнологии, в) электроника, информатика и коммуникации, г) машиностроение и аэрокосмические технологии, д) человек, жизнь и общество[12].

Во-вторых, через специально созданные органы, такие, например, как Японское общество поощрения развития науки, Агентство промышленной науки и технологии, государственная управленческая надстройка выполняет роль посредника, соединяющего друг с другом субъекты из всех составляющих научно-технической базы страны: ведомственной науки, академической науки, НИУ и КБ в промышленности, и на этой основе оптимизирующего затраты и существенно повышающего эффективность научных исследований.

В-третьих, эта надстройка формирует каналы внешних связей японской науки, дающие возможность своевременного поступления в Японию информации о новейших достижениях науки и техники за рубежом; обеспечивает обмен студентами, аспирантами и учеными между Японией и другими странами; создает условия для проведения совместных НИР и использования иных форм участия Японии в международном научно-техническом сотрудничестве.

В частном секторе японской науки до сих пор еще не сложилось такой структуры управления, которая по полноте охвата, разветвленности и разнообразию функций соответствовала бы рассмотренной выше государственной системе управления. В частном секторе управление научно-технической деятельностью в основном осуществляется на микроуровне, т. е. в рамках и в сугубо практических интересах тех банков, финансовых, промышленных, торговых и других компаний, которые считают для себя необходимым эту деятельность вести.

---

[12] Синкин сангё сосюцукэй сангё кагаку гидзюцу кэнкю кайхацу сэйдо (Система научно-технических исследований для отраслей, которые создают новые отрасли). Токио, 1998, с.6-8.

Справедливости ради следует отметить, что в таких «мозговых центрах» японского предпринимательства, как Федерация экономических организаций, Японская федерация работодателей и Комитет экономического развития, в крупнейших финансово-промышленных группах, а также в некоторых региональных предпринимательских федерациях (например в Кансае) и отраслевых ассоциациях (например в Японской ассоциации аэрокосмической промышленности) созданы подразделения по поощрению и развитию научно-технической деятельности. Однако они действуют разобщенно и, если так можно выразиться, на более узком фронте. В частности, их интересы не простираются далее межфирменной координации сугубо прикладных (так называемых «доводочных») НИР, а чаще всего – опытно-конструкторских работ, обычно являющихся завершающим этапом тех НИОКР, которые проводятся в ведомственных или академических НИУ. Кроме того, из поля зрения этих подразделений практически полностью выпадают фундаментальные исследования.

По большому счету все те микро- и мезосистемы управления научно-технической деятельностью, которые сложились к настоящему времени в частном секторе японской науки, не вполне самостоятельны. Вследствие ограниченности их функций они могут эффективно действовать лишь в связи с рассмотренной выше системой государственного управления развитием науки и техники, органически «вписавшись» в нее. Такие отношения существуют в Японии уже давно. Они носят массовый характер и постоянно возобновляются при общем направляющем воздействии государства и неослабевающей заинтересованности деловых кругов.

Таким образом, к настоящему времени в Японии сложилась и успешно функционирует достаточно разветвленная система правительственных и прочих органов, посредством которых государство вырабатывает и реализует свою научно-техническую политику, финансирует и направляет развитие национальной науки и техники, обеспечивает поступление в страну из-за границы обширной информации о последних научных достижениях и технических новинках, поддерживает и развивает выгодное для японской стороны международное научно-техническое сотрудничество.

Социальное обеспечение в Японии в преддверии XXI в.

И.С. Тихоцкая

Система социального обеспечения в Японии является сравнительно молодой: по существу, как целостная система она сложилась лишь в начале 60-х годов XX в. Хотя темпы увеличения расходов на социальное обеспечение в последние десятилетия опережали экономический рост и их доля в национальном доходе увеличилась с 5% в 1960 г. до 19% в 1996 г., она все еще значительно ниже, чем во многих развитых странах[1]. Взносы японских граждан в рамках системы социального обеспечения – как в расчете на душу населения, так и по доле в ВВП – также самые низкие среди развитых стран (см. табл. 1); соответственно и уровень социального обеспечения невысок.

Таблица 1

Взносы по социальному страхованию в отдельных развитых странах в 1993/94 фин. г.*

Страна	На душу населения, тыс. иен	Доля в ВВП, %
Швеция	1535	40,0
Германия	739	27,6
Франция	680	30,9
США	623	21,3
Италия	494	25,8
Великобритания	475	27,8
Япония	455	11,9

*Japan 1999. An International Comparison. 1998, p.90.

В то же время как в правительственных, так и в деловых кругах Японии понимание важности социальной политики как неотъемлемой части эко-

[1] Сякай хосё нэнкан. 1998, с.12.

номической политики государства постоянно росло. Более того, постепенно в Японии пришли к осознанию того факта, что именно от социальной составляющей во многом может зависеть положение и функционирование экономики в целом.

В преддверии XXI в. резко повысилось значение развития сферы благосостояния как части социальной инфраструктуры. Вопросы заботы о детях, престарелых и инвалидах превратились в проблемы первостепенной важности. Учитывая изменившиеся условия развития страны, прежде всего быстро прогрессирующий процесс старения населения и резко снизившуюся рождаемость[2], теперь уже не будет преувеличением сказать, что от решения указанных проблем во многом зависит, какой будет Япония в обозримом будущем.

В любой семье в любой момент может появиться человек, нуждающийся в постоянном уходе и помощи, – будь то ребенок-инвалид или престарелый, и, тем более, никто не застрахован от старческой немощи в том или ином виде. Как показало международное исследование, проведенное в 1996 г. японским Управлением по менеджменту и координации, посвященное изучению проблем лиц преклонного возраста, японцы больше других обеспокоены возможным ухудшением здоровья и связанной с этим необходимостью оказания помощи в повседневной жизни или постоянного ухода. Лишь немногим более 15% японцев старше 65 лет заявили, что «никогда» или «почти никогда» не задумывались или не беспокоились о состоянии своего здоровья в старости, тогда как более половины опрошенных были озабочены этим «всегда» или «иногда» и еще более 30% – «время от времени»[3]. Вместе с тем только при условии уверенности каждого в получении в случае необходимости соответствующей помощи со стороны общества Япония может рассчитывать на успех в экономической сфере. Именно поэтому в 80-е годы в стране наблюдалась активизация усилий в области разработки новой концепции социального обеспечения и подготовки соответствующих реформ.

Становление системы социального обеспечения

Социальная помощь нуждающимся так же, как и социальное страхование, направленные на предотвращение бедности, впервые была введена в Япо-

---

[2] Доля лиц старше 65 лет в населении Японии быстро растет, и за неполные 30 лет она более чем удвоилась (7% в 1970 г. и 15,7% в 1997 г.) и теперь превосходит долю лиц моложе 15 лет, которая, напротив, снизилась за тот же период с 24 до 15,4%. (Подсчитано по: Japan 1999. An International Comparison. 1999, p.12). Рождаемость в Японии снизилась с 19 промиле в 1970 г. до 9,5 в 1997 г., а коэффициент фертильности за тот же период упал с 2,13 до 1,39. – См.: Asahi Shimbun Japan Almanac. 1999, p.61.

[3] См.: White Paper on the National Life Style Fiscal Year 1998 (Summary). 1999, p.26.

нии еще во второй половине XIX в., когда страна встала на путь модернизации. Социальное обеспечение тогда только зарождалось – оно носило ограниченный характер, размер пособий был крайне мал – и его значение не шло ни в какое сравнение с традиционно принятой в японской семье взаимопомощью, а также социальными благами, предоставлявшимися частными компаниями своим работникам. Подобное положение сохранялось вплоть до окончания второй мировой войны, когда, столкнувшись с целым рядом серьезных проблем, мешавших нормализовать жизнь в разрушенной стране, – гиперинфляцией, безработицей (обусловленной многочисленными банкротствами предприятий и компаний), репатриацией, наличием большого числа инвалидов и жертв войны, сирот, – Япония была вынуждена принять срочные меры, направленные на борьбу с бедностью. В 1945–1948 гг. были приняты соответствующие законы. В то время государство возлагало на себя 80% расходов на пособия по бедности, по безработице и т.д.[4].

После восстановления разрушенной во время войны экономики правительство обратилось и к решению проблем социального обеспечения. Прежде всего, по-прежнему большое внимание уделялось политике борьбы с бедностью, поскольку если для служащих компаний социальное обеспечение существовало еще до второй мировой войны, то самостоятельно занятые и труженики сельского хозяйства не были охвачены ни системой пенсионного обеспечения, ни системой медицинского страхования. Японское правительство поставило перед собой цель распространить эти системы на всех граждан страны, и соответствующие законы вступили в силу в 1961 г. Благодаря высоким темпам экономического роста в 60-х годах стало возможным совершенствование обеих систем и значительное увеличение различного рода выплат и пособий. По мере повышения жизненного уровня японцев в целом были разработаны и введены в действие некоторые другие законы, направленные на улучшение условий жизни отдельных категорий граждан, в первую очередь тех, кто не мог позаботиться о себе сам: инвалидов и престарелых, детей в семьях без отца и т.д.

Основные элементы системы социального обеспечения

Японская система социального обеспечения состоит из четырех основных элементов: социального страхования, медицинского страхования, социального обслуживания и общественного вспомоществования[5].

---

[4] Тэнканки-но нихон сякай то фукуси кайкаку (Японское общество в переходный период и реформа благосостояния). Токио, 1985, с. 210, 213.

[5] См.: Social Security in Japan. – About Japan Series. 1995, № 17, p.7-8.

Социальное страхование осуществляется на случай безработицы (страхование занятости), заболеваний, получения травм и инвалидности, несчастных случаев, смерти (медицинское страхование), а также невозможности работать по старости (пенсионное страхование) и т.д. Законы о страховании от безработицы и о компенсационном страховании рабочих (в рамках последнего компенсируются расходы на медицинское обслуживание в случае травм или болезней, полученных на производстве) были приняты в 1947 г.

Взносы на *медицинское страхование* используются как на покрытие расходов на медицинское обслуживание, так и на модернизацию медицинских учреждений, прежде всего на приобретение более качественного оборудования и совершенствование подготовки врачей, медсестер и других медицинских работников. Закон о государственном медицинском страховании, принятый в 1958 г., все издержки, связанные с руководством программой данного вида страхования, возлагает на местные органы власти.

Социальное обслуживание предусматривает предоставление услуг в специализированных учреждениях или на дому всем группам населения, нуждающимся в помощи или уходе в течение дня – инвалидам, престарелым и малолетним детям. Его легитимность определяется законами о благосостоянии детей (1947 г.), о благосостоянии инвалидов (1948 г.), о благосостоянии умственно отсталых людей (1960 г.), о благосостоянии престарелых (1963 г.). Ответственность за социальное обслуживание населения возложена на местные органы власти, а его финансирование осуществляется на 50% за счет общегосударственных налоговых поступлений и на 50% – местных.

Общественное вспомоществование охватывает наиболее нуждающиеся семьи, уровень жизни которых ниже установленного министерством здравоохранения и социального обеспечения минимума. Для обеспечения этого минимума таким семьям выплачиваются денежные пособия и предоставляется бесплатное медицинское обслуживание – и то и другое также финансируется за счет налоговых поступлений (соотношение общегосударственных и местных налогов составляет соответственно 3/4 и 1/4). Закон об общественном вспомоществовании, сменивший довоенные законы, направленные на борьбу с бедностью и обеспечение минимального уровня благосостояния, был принят сразу после войны, в 1946 г., а затем в 1950 г. пересмотрен и дополнен, в частности были значительно смягчены условия предоставления помощи.

В 1998/99 фин. г. общие расходы госбюджета на социальное обеспечение в Японии составили 14,8 трлн. иен. В их структуре основная часть приходится на расходы по социальному страхованию (60%); довольна значительна и доля затрат на повышение социального благосостояния граждан –

около 30%, из которых около 60% расходуется на лиц преклонного возраста, тогда как на детей – около 25%[6].

Совершенствование системы социального обеспечения: реформы в преддверии XXI в.

Во время экономического спада, последовавшего за первым «нефтяным шоком», в 1974 г. был принят Закон о страховании занятости, заменивший прежний Закон о страховании от безработицы 1947 г. Для нового закона характерен подход к проблемам занятости с более широких позиций. Помимо пособий по безработице, он предусматривает стабилизацию занятости и недопущение безработицы, а также оказание помощи в приобретении необходимой квалификации.

После успешного преодоления Японией негативных экономических последствий «нефтяного шока» 1973–1974 гг., в стране была поставлена задача перестройки всей системы социального обеспечения в соответствии с потребностями японского общества в XXI в., когда, по оценкам, Япония превратится в самое «старое» общество на Земле. (Рубеж, определяющий начало «старения» населения, т.е. когда доля лиц старше 65 лет превышает 7%, Япония перешла еще в 1970 г.)

Однако одновременно темпы роста японской экономики резко снизились, и реализация социальных программ, в том числе расширение социальной поддержки, приостановилась. По существу, реформы в сфере социального обеспечения начались лишь в начале 80-х годов. Среди прочего они выразились в унификации системы медицинского обслуживания и пенсионной системы.

В середине 80-х годов были приняты законы, направленные на либерализацию занятости в преддверии перемен, ожидаемых в сфере занятости в XXI в. (сокращение трудоспособного населения, падение доли молодых работников): Закон о равных возможностях занятости (1985 г.), запрещающий дискриминацию женщин на рабочем месте и содействующий расширению их занятости в соответствии с желанием участвовать в общественном производстве; Закон о стабилизации занятости лиц преклонного возраста (1986 г.).

Как отмечалось, расходы японцев на социальное обеспечение по сравнению с населением других развитых стран невелики, однако вследствие старения населения и «взросления» пенсионной системы, а также некоторых других факторов, в будущем они неминуемо возрастут. Так, по оценкам министерства здравоохранения и социального обеспечения, исходящим из существующей на сегодня системы социального обеспечения, к 2025 г.

---

[6] Asahi Shimbun Japan Almanac 1999, p.228, 231.

расходы на социальное страхование могут достичь 28,5–32,5% национального дохода, т.е. современного уровня Германии и Франции. Соответственно и совокупная доля налогов и взносов по социальному страхованию возрастет примерно до 50% национального дохода.

В этой связи в докладе Временного совета по осуществлению административной реформы (1994 г.) подчеркивалась важность реформирования всей системы социального обеспечения, включая административное управление и финансирование, с тем чтобы не допустить чрезмерного роста доли налогов и взносов социального страхования в национальном доходе и тем самым обеспечить стареющему японскому обществу сохранение в XXI в. экономической жизнеспособности. В докладе, подготовленном в 1994 г. специальным консультативным органом при министерстве здравоохранения и социального обеспечения, который занимается проблемами благосостояния стареющего общества, особое внимание обращено на создание в стране общества благосостояния японского типа, в котором социальное обеспечение оптимальным образом сочеталось бы с активными усилиями самих граждан по собственному самообеспечению. Иначе говоря, чтобы уровень выплат в рамках системы социального обеспечения был сбалансирован соответственно их бремени максимально справедливо. С этой целью правительству рекомендуется стремиться к достижению стабильности и эффективности пенсионного и медицинского обслуживания в долгосрочном плане и во главу угла поставить обеспечение населения услугами благосостояния, прежде всего стариков и детей, в конечном счете изменив существующие пропорции расходов на пенсии, медицинское обслуживание и услуги благосостояния с нынешних 5:4:1 на 5:3:2.

Японию выделяет очень небольшая доля затрат на пособия по безработице, но это, безусловно, связано с низким уровнем последней в стране. Состояние медицинского и пенсионного обеспечения и других форм социального обеспечения, направленных на оказание помощи трудоспособному населению в случае непредвиденных обстоятельств и тяжелого материального положения, в Японии в целом соответствует уровню других развитых стран. Однако одновременно Япония заметно отстает от них по уровню обеспечения услугами лиц преклонного возраста и детей, а также по размеру различных детских пособий.

В условиях же старения японского населения меры, направленные на обеспечение ухода за престарелыми членами общества, приобретают особую важность. Хотя, согласно опросу относительно самочувствия людей преклонного возраста, более 80% лиц старше 65 лет имеют вполне удовлетворительное здоровье и лишь около 20% постоянно нуждаются в посторонней помощи[7], по оценкам министерства здравоохранения и социального

[7] Косэй хакусё. 1997,с. 107.

обеспечения Японии, в середине 90-х годов в стране насчитывалось порядка 2 млн. человек старше 65 лет, требующих постоянного ухода, – лежачих больных или умственно отсталых. Ожидается, что к 2025 г. их число превысит 5 млн. человек[8].

Во второй половине 90-х годов к услугам помощников на дому ежегодно прибегало более 60 тыс. человек, 60% из них – женщины[9]. Наиболее часто помощников на дом приглашают женщины в возрастных группах 80–84 и 85–89 лет (примерно по 13% в каждой). В целом же более 20% всех вызовов приходилось на людей в возрасте от 80 до 84 лет[10].

В этой связи в 1989 г. была принята специальная десятилетняя стратегия, направленная на обеспечение здоровья и процветания лиц преклонного возраста, получившая широкую известность под названием «Золотой план». В рамках этой программы поставлена задача значительного расширения сети учреждений для лиц преклонного возраста, нуждающихся в обслуживании на дому.

В 1994 г. был принят новый «Золотой план», значительно дополненный, с повышенными плановыми показателями. В соответствии с поставленными в нем целями значительно увеличатся возможности краткосрочного пребывания стариков в больнице в целях оздоровления – в 1999/2000 фин. г. нуждающимся в такого рода услугах будет предоставлено 60 тыс. кроватей (30 тыс. в 1995/96 фин. г.), число помощников на дому составит 170 тыс. человек (95 тыс.), кроме того, по всей стране будет создано 22 тыс. центров, предоставляющих разного рода услуги лицам старше 65 лет (накормить, помочь принять ванну или сопроводить куда-либо и т.д.)[11].

С 2000/01 фин. г. в стране вводится в действие новая программа социального обеспечения – страхование на случай необходимости ухода на дому[12]. Эта программа нацелена на помощь страдающим от старческого слабоумия и лежачим больным преклонного возраста. (Предположительно услуги будут оказываться лицам старше 65 лет.) Она поможет снизить финансовое бремя такого рода людей и их семей. В этой связи все граждане старше 40 лет обязаны будут платить взносы в рамках новой программы.

В условиях падения рождаемости (до менее 12 промиле, одновременно коэффициент фертильности снизился в стране до 1,39)[13] в Японии все

---

[8] См.: Корэй сякай хакусё. 1996, с. 36.

[9] Косэй хакусё. 1998,с. 452.

[10] Там же.

[11] См.: Сингорудо пуран (Новый «Золотой план»). Токио, 1994, с.12.

[12] Ниппон. Соно сугата то кокоро. (Япония: образ и душа). Токио, 1999, с. 171.

[13] Среди основных факторов снижения рождаемости в стране – стремление женщин продолжить образование, более позднее вступление в брак и увеличение числа незамужних женщин, повышение доли работающих женщин, а также высокая стоимость воспитания и образования детей и беспокойство о накоплении достаточных средств для достойной жизни в старости.

большее внимание уделяется охране материнства и детства, созданию более благоприятных условий для рождения и воспитания детей.

Рассмотрим подробнее некоторые из наиболее актуальных для Японии XXI в. составляющих сферы социального обеспечения.

Забота о благосостоянии детей

До войны охрана здоровья детей в Японии сводилась к защите сирот и детей низкооплачиваемых слоев, предоставлению им возможностей получения образования на основе Закона о предотвращении плохого обращения с детьми и Закона об образовании молодежи.

Современная система охраны здоровья детей берет свое начало с уже упоминавшегося Закона о благосостоянии детей 1947 г., в котором особо выделены гарантии права на жизнь всех детей страны. Об этом гласит и 25-я статья конституции Японии. Закон обязывает правительство и местные органы власти обеспечивать надлежащую заботу о здоровье всего подрастающего поколения. С этой целью им вменено в обязанность создавать специальные советы по улучшению бытовых условий жизни детей, которые проводят обследования и изучают положение беременных и кормящих матерей, кроме того, семей, в которых матери имеют какие-либо проблемы с психикой, и т.д. В случае необходимости советы должны добиваться от местных органов власти принятия соответствующих мер, оказания разного рода помощи и пр. На основе принятого в 1965 г. Закона о здоровье матери и ребенка во всех местных органах власти страны действуют специальные подразделения, которые регистрируют всех беременных женщин и выдают им специальные книжки (так называемые «босикэнко тэтё»), содержащие сведения о здоровье матери (включая информацию о протекании беременности и родов), а затем и ребенка. В эти книжки заносятся данные медицинского осмотра новорожденного, прививки и весь ход последующего развития ребенка. В них также содержатся элементарные сведения об уходе за детьми и приводятся практические рекомендации.

Помимо этого, по префектурам создаются консультативные детские центры (в середине 90-х годов по всей стране их насчитывалось около 200), в которых работает квалифицированный, имеющий специальное образование и подготовку персонал, хорошо знакомый с разнообразными проблемами, возникающими в процессе воспитания детей. В этих центрах родители могут получить всевозможные советы по поводу воспитания детей, консультации относительно детских правонарушений и воспитательных методах, направленных на их предотвращение. Некоторые из этих центров оснащены библиотекой, игровыми комнатами или площадками, иногда тренажерными залами и пр., что обеспечивает детям из неблагополучных семей возможности проведения досуга, развития физической активности.

Центры оказывают активное содействие устройству нуждающихся детей в специальные детские учреждения, прежде всего в детские дома. Туда направляются дети-сироты или дети, родители которых не могут обеспечить им надлежащее содержание и уход. Именно на эти центры возложена задача улучшения положения детей в стране, и их деятельность составляет основу государственной политики в этой сфере.

Для государственной политики Японии, направленной на заботу о подрастающем поколении, характерен заметный прогресс: так, если с 1964 г. действовали Закон о пособиях на воспитание детей, предусматривающий помощь одиноким матерям, и Закон о специальных субсидиях, помогающий родителям растить детей-инвалидов, то в 1971 г. был принят новый, более широкий по содержанию Закон о детских пособиях, цель которого – сократить бремя расходов родителей с низкими доходами на содержание детей. Последний предусматривает как выплату пособий при рождении ребенка, так и ежемесячные пособия до достижения им трехлетнего возраста. Эти пособия финансируются за счет налоговых поступлений и специальных взносов предпринимателей.

Возможность назначения таких пособий определяется исходя из доходов семьи: если годовой семейный доход ниже установленного уровня (например, в 1998 г. для семьи из четырех человек ниже 2,43 млн. иен), то на первого и второго ребенка в семье выплачивается по 5 тыс. иен в месяц, а начиная с третьего – на каждого по 10 тыс. иен в месяц. Расходы на выплату детских пособий несут наниматели, центральное правительство, префектура и муниципалитет в соотношении, зависящем от того, кем является получатель пособия – наемным работником или самостоятельно занятым[14]:

Получатель	Наниматель	Центральное правительство	Префектура	Муниципалитет
Наемный работник	7/10	2/10	0,5/10	0,5/10
Самостоятельно занятый	–	4/6	1/6	1/6

При этом государственным служащим данные пособия полностью оплачиваются непосредственно тем органом, где работает родитель, который использует отпуск по уходу за ребенком, – центральным правительством, префектурой или муниципалитетом, при условии, что годовой доход семьи из четырех человек не превышает 4,18 млн. иен (с июня 1997 г.)[15]. По состоянию на февраль 1997 г. детские пособия в Японии получало около 20 млн. человек, число детей, на которых эти пособия выплачивались, соста-

[14] Косэй хакусё. 1998, с. 456.
[15] Сякай хосё нэнкан. 1998, с. 127.

вило 22,5 млн., а общая сумма выплаченных в 1996/97 фин. г. детских пособий превысила 150 млрд. иен[16].

В 1991 г. в дополнение к Закону о выплате пособий на детей, принятому в 1971 г., был принят Закон о предоставлении отпусков для воспитания детей, по которому любому из родителей гарантируется право получения отпуска по уходу за ребенком в возрасте до одного года. Чтобы стимулировать участие предпринимателей в реализации этой программы, правительство учредило специальные фонды поддержки воспитания детей и выплачивало предпринимателям субсидии в размере 5 тыс. иен за каждый предоставленный отпуск. Согласно данным министерства труда, систему предоставления отпусков по уходу за детьми в 1992 г. практиковало лишь 15%, в 1993 г. 50,8%, а в 1996 г. 60,8% предприятий страны. При этом она была введена на 97,1% предприятий с числом занятых более 500 человек.

В 1994 г. в Закон о страховании занятости была внесена поправка, в соответствии с которой с 1995/96 фин. г. всем, кто использует отпуск по уходу за детьми, гарантируется получение определенных доходов: в рамках системы страхования занятости им выплачивается 25% той заработной платы, которая была у них до отпуска[17]. К тому же с того, кто находится в отпуске по уходу за ребенком, не удерживаются взносы по социальному страхованию; немалое число предприятий дополнительно выплачивает определенную сумму в течение отпуска и оказывает прочую экономическую помощь, а после выхода на работу предоставляет своим сотрудникам некоторые привилегии, например, гибкий график работы.

В целях создания более благоприятной обстановки для рождения и воспитания детей в марте 1996 г. при Центральном совете по вопросам благосостояния детей, который является совещательным органом при министре здравоохранения и социального обеспечения, был создан отдел «по принципиально важным вопросам». В результате его деятельности в декабре того же года были подготовлены среднесрочные доклады: «О системе детских учреждений в обществе со снижающейся рождаемостью», «О системе помощи детям в обществе с низкой рождаемостью», «О матерях-одиночках и основных направлениях политики в этой области». На их основе в марте 1997 г. была предложена поправка к Закону о благосостоянии детей, которая была принята парламентом в июне того же года и стала первым шагом на пути формирования соответствующей новой эпохе системы благосостояния семей. Таким образом, с 1998/99 фин. г. в Японии действует закон, позволяющий родителям по своему усмотрению выбирать детские учреждения, снижающий бремя расходов на содержание и воспитание детей в низкооплачиваемых семьях, расширяющий сеть консультативных центров, которые оказывают помощь в воспитании детей, и специальных учрежде-

---

[16] Там же, с. 128.

[17] Social Security in Japan. – About Japan Series. 1995, №17, p. 24.

ний, в которых могут находиться дети работающих родителей (они уже существуют в 1/3 населенных пунктов страны). Новым является и расширение функций различных детских учреждений, и их разнообразие.

Пенсионное обеспечение

Пенсионная система Японии является достаточно сложной (существует целый ряд вариантов пенсионного обеспечения в зависимости от вида занятости, различные виды пенсий), но в целом, ее можно подразделить на две большие группы: общественные пенсии, которыми управляет государство, и частные пенсии, к которым относятся пенсии предприятий и индивидуальные пенсии.

Общественные пенсии. Основу пенсионного обеспечения составляют так называемые общественные пенсии, выплачиваемые в рамках нескольких пенсионных систем, построенных на принципах страхования и имеющих государственные дотации в том или ином размере.

Первая общественная пенсионная система была создана в Японии в 1942 г. для наемных рабочих, однако реально ее деятельность началась лишь в 1954 г. Она получила название «пенсии благосостояния» и охватывает лиц наемного труда частных предприятий с числом занятых не менее пяти человек.

Государственные служащие центральных и местных органов власти, учителя частных школ, члены сельскохозяйственных, лесоводческих и рыболовецких кооперативов по месту работы состоят в пенсионных системах так называемых «обществ взаимопомощи».

В 1959 г. был принят Закон о государственной пенсии, а в 1961 г. учреждены пенсии для самостоятельно занятых, фермеров и прочих лиц, не относящихся к категории наемных работников и не подпадающих под действие предыдущих систем, включая неработающих членов общества.

В результате в Японии сложилась весьма универсальная пенсионная система, в рамках которой каждый в зависимости от вида занятости может присоединиться к одному из ее звеньев (государственные пенсии, пенсии благосостояния, пенсии обществ взаимопомощи); платить взносы на протяжении ряда лет и по достижении определенного возраста получать общественную пенсию. Вступившая в силу 1 апреля 1961 г. система в целом действует и поныне, однако с 1 апреля 1986 г. она превратилась в так называемую систему двухступенчатого формирования пенсии: всем пользователям разных звеньев системы общественных пенсий в одинаковом размере выплачивается государственная *базовая пенсия* (первоначально составлявшая 50 тыс., а в настоящее время 60 тыс. иен в месяц), которая на 1/3 дотируется из средств государственного бюджета. Кроме нее, те, кто работал, получают дополнительную пенсию, размер которой зависит от уп-

лаченных страховых взносов и страхового стажа. В этой связи все постоянно проживающие в Японии граждане в возрасте от 20 до 60 лет, независимо от пола и занятия, а также гражданства, по месту работы обязаны платить страховые взносы в рамках одного из звеньев системы общественных пенсий. (Исключение составляют частично занятые с годовым доходом менее 1 млн. иен.[18])

Общественные пенсии предоставляются по старости, по инвалидности и в случае потери кормильца в соответствии с законами о государственной пенсии, о пенсионном страховании в целях повышения благосостояния, о союзе взаимопомощи для государственных и муниципальных служащих и пр.

Крупнейшей составной частью системы общественных пенсий являются *пенсии благосостояния* и *пенсии обществ взаимопомощи*. Финансирование этих пенсий осуществляется за счет страховых взносов, составляющих определенный процент от заработной платы и в равных долях вносимых наемными работниками и предпринимателями. Государственные дотации пенсий благосостояния составляют 20–25% общей суммы выплачиваемых пенсий, а обществ взаимопомощи – менее 20%.

Таблица 2

Взносы по пенсионному страхованию (в % к заработной плате)*

Вид пенсии	Категория работников	%
Пенсии благосостояния	Шахтеры	18,3
	остальные	16,5
Пенсии обществ взаимопомощи	Служащие центральных органов власти	17,44
	Служащие местных органов власти	15,84
	Учителя частных школ	12,8
	Члены с/х, лес. и рыб. кооперативов	18,54

* Health and Welfare Statistics in Japan. 1996, p. 168-170. Japan Echo, 1960, vol. 23. Special Issue «The Graying Society».

В 1973 г. было принято решение о том, что пенсионные выплаты в рамках пенсий благосостояния не должны превышать 60% среднего дохода наемных работников на текущий момент (в 1995 г. 42,9%)[19]. Иначе говоря, их уровень привязывался к уровню заработной платы наемных работников

[18] Japan Echo. 1996, vol. 23. Special Issue «The Graying Society», p.58.

[19] Japan Echo, 1996, vol. 23. Srecial Issue «The Graying Society», p. 48; Health and Welfare Statistics in Japan. 1996, p.172.

и росту потребительских цен. Важно подчеркнуть, что на частных, прежде всего крупных, предприятиях, кроме государственных, обычно начисляются дополнительные пенсии или выплачиваются крупные единовременные пособия по выходе на пенсию. В то же время страхование в рамках пенсий благосостояния не является обязательным для всех наемных работников и осуществляется на добровольных началах так же, как и вступление в общества взаимопомощи.

В 1996/97 фин. г. в рамках системы пенсионного страхования для наемных работников насчитывалось 14,3 млн. пенсионеров[20] (размер пенсии по старости составлял 1,9 млн. иен в год, по инвалидности – около 1,3 млн. иен, в случае потери кормильца – 920 тыс. иен). В рамках пенсионной системы для государственных служащих в целом около 1,5 млн. человек получали пенсии по старости (размер которых колебался от 1,9 млн. до 2,7 млн. иен), 32 тыс. человек – по инвалидности (от 1,6 млн. до 2,3 млн. иен) и 375 тыс. человек – в случае потери кормильца (от 668 тыс. до 1,3 млн. иен)[21]. Всего же в рамках системы пенсий обществ взаимопомощи насчитывалось более 3,7 млн. пенсионеров[22].

Другой составной частью системы общественных пенсий являются *государственные пенсии*, источники которых различаются в зависимости от категории страхуемых: пенсии вспомоществования выплачиваются исключительно из средств госбюджета, а остальные складываются на 2/3 из страховых взносов работников (в 1996 г. они составляли 11,7 тыс. иен в месяц) и на 1/3 – из госбюджета. Эта система с самого начала задумывалась как универсальная государственная система социальной защиты, призванная обеспечить минимальным доходом всех, в том числе и нетрудоспособных членов общества вне зависимости от наличия у них к моменту выхода на пенсию страхового стажа. Именно поэтому затраты на государственные дотации в рамках данной системы более значительны. Основной контингент лиц, подпадающих под эту пенсионную систему, составляют самостоятельно занятые и неработающие женщины. Частные компании не участвуют в ее финансировании, и размер пенсий здесь невысок. Например, в 1994/95 фин. г. пенсии вспомоществования по старости выплачивались в размере 440,6 тыс. иен в год, а остальные (для тех, кто уплачивал взносы) – 448,4 тыс. иен в год. Пенсии вспомоществования по инвалидности составляли 884,2 тыс. иен в год, а в случае потери кормильца – 596 тыс. иен в год.

В целом в рамках системы общественных пенсий в настоящее время взносы уплачивают более 70 млн. человек, а получают пенсии 96% семей,

---

[20] Нихон кокусэй дзуэ'1999/2000. 1999, с. 470.
[21] Health and Welfare Statistics in Japan. 1996, p. 162-163.
[22] См. Нихон кокусэй дзуэ'1999/2000. 1999, с. 470.

в составе которых есть лица старше 65 лет.[23] Гарантом государственных пенсий и пенсий благосостояния является государство, а пенсий обществ взаимопомощи – соответствующие общества взаимопомощи.

Согласно данным опроса, проведенного в 1993 г. министерством здравоохранения и социального обеспечения, средний доход семей престарелых составлял 3,17 млн. иен в год, причем 54,1% приходилось на общественную пенсию; 33,9% приносили доходы от работы, 8,3% – от собственности, 2,5% составляла денежная помощь и 1,2% – выплаты в рамках системы социального обеспечения, не имеющие отношения к общественной пенсии[24].

В условиях быстро стареющего общества, по действующему в Японии законодательству, каждые пять лет на основе финансовых перерасчетов (сопоставления поступлений и расходов) меняется размер пенсий и взносов. Однако по мере необходимости изменения вносятся вне всякой связи с «плановыми» пересмотрами. Так, крупные коррективы были внесены в 1986 г., когда, как уже говорилось выше, была введена базовая пенсия. Помимо этого, нововведения 1986 г. затрагивают интересы «профессиональных» домохозяек – теперь они могут независимо от своих мужей платить взносы (11,7 тыс. иен в месяц) и таким образом позаботиться о собственной пенсии (что имеет особое значение в случае развода супругов; до этого времени юридически все граждане страны имели право на пенсию, но фактически наемные работники платили взносы только за себя и затем получали пенсию на себя и на жену).

Во время последнего «планового» пересмотра системы общественных пенсий в 1994 г. правительство заменило индексацию заработной платы, осуществляемую в целях регулирования уровня выплачиваемых пенсий, индексацией располагаемого дохода. Это имеет важное значение вследствие неизбежности в дальнейшем повышения налогов и выплат по социальному страхованию: располагаемый доход в этих случаях растет медленнее, чем общий доход, подлежащий налогообложению, и таким образом легче поддерживается баланс между доходами работоспособного населения и пенсионеров. Кроме того, было принято решение о взимании пенсионных взносов в размере 1% с бонусов[25] (премиальных, выплачиваемых дважды в год или в конце года и составляющих в среднем около четырех месячных заработков), которое раньше полностью исключались при расчете страховых взносов.

В ходе обсуждения пенсионной системы в 1994 г. рассматривались разные предложения, в числе которых стоит отметить, например, увеличение

---

[23] Нихон кокусэй дзуэ'1999/2000. 1999, с. 470; Japan Echo. 1996, vol. 23. Special Issue «The Graying Society», p. 48.

[24] Коко мадэ вакару нэнкин кодза. Киото, 1995, с.4, диаграмма 1.

[25] Japan Echo. 1996, vol. .23. Special Issue «The Graying Society», p.53.

бюджетного финансирования (в частности предложение выплачивать базовую пенсию полностью за счет налогов), однако было принято решение еще раз тщательно изучить эти вопросы, включая возможные источники налоговых поступлений.

В 1999 г. правительство приняло решение предоставить компаниям специальные налоговые льготы для введения ими фиксированных пенсионных вкладов, которые, по сути, являются еще одним способом обеспечения средств для жизни в старости. По оценкам экспертов, в частности Р. Марциновского, возглавляющего одно из подразделений японского филиала финансовой группы «Фиделити», потенциальные возможности развития такого рода вкладов в Японии очень велики, и, вероятно, она займет вскоре второе место в мире после США в этой области. По состоянию на июль 1999 г. лишь одна японская компания «Пасона» объявила о том, что собирается вводить фиксированные пенсионные вклады. По мнению ее руководителей, одно из преимуществ новой системы состоит в том, что в отличие от уже применяемых в стране систем, она позволит охватить и временных рабочих, срок службы которых в компании может быть очень коротким[26].

Проблемы пенсионного обеспечения. Содержание основных проблем пенсионного обеспечения в Японии с течением времени меняется. Если до 1961 г. стояла задача охватить все население страны пенсионным обеспечением, то затем ее сменила задача выравнивания уровня пенсий, выплачиваемых в рамках различных пенсионных систем. Позже в стране осознали важность и сложность проблем стареющего общества. В 1961 г., когда, по сути, была введена универсальная государственная пенсионная система, охватившая основную часть населения, люди старше 65 лет составляли лишь 6% населения страны, а к 1994 г. их доля возросла до 14,6%.

Вообще, резкий рост расходов на выплату пенсий стал отмечаться уже с 1973 г., и в 1981 г. они впервые превзошли траты на медицинское обслуживание и таким образом стали самой крупной статьей расходов в рамках системы социального обеспечения. В 1996/97 фин. г. общие расходы государственного бюджета на социальное обеспечение составили в Японии около 14,3 трлн. иен, из которых около 60% идет на выплату пенсий.

Понятно, что резкий рост расходов на пенсии потребовал повышения страховых взносов. Так, наемные работники стали ежемесячно платить вместо 3,5% заработка (1961 г.) сначала 10,6% (1980 г.), затем 14,5% (1990 г.) и, наконец, 16,5% (следует помнить, что половину этого бремени несут предприниматели). При этом согласно планам правительства взносы должны были возрастать каждые пять лет на 2,5% вплоть до 2025 г. Это наиболее радикальная программа повышения ставок. Поскольку в 1994 г. ставка должна была быть увеличена до 17%, а реально составила только 16,5%

[26] The Nikkei Weekly. 19.07. 1999.

(что было сделано из-за слабой экономической конъюнктуры), то в целях компенсации и наверстывания упущенного с октября 1996 г. ее повысили до 17,35%.

Указанные тенденции вызвали серьезное беспокойство в японских правящих кругах. В результате появилась идея повысить возраст, с которого будут выплачиваться пенсии, с 60 до 65 лет. (Правда, до настоящего времени в Японии нет единого законодательно установленного пенсионного возраста: пенсии благосостояния, как правило, выплачиваются с 60 лет, государственные – с 65 лет, а пенсии обществ взаимопомощи – во многих случаях с 55 лет.) Повышение пенсионного возраста будет проходить постепенно, в несколько этапов – с 2001 г. для мужчин каждые три года он будет увеличиваться на один год и таким образом достигнет 65 лет в 2013 г. Аналогичные шаги в отношении женщин будут предприняты с 2006 г. по 2018 г.[27]. При этом предусматривается возможность получения для желающих в возрасте от 60 до 64 лет частичной пенсии, равной примерно половине обычной. Одновременно разрабатываются меры, направленные на облегчение повторного трудоустройства после 60 лет. Этот вопрос всегда был очень острым в Японии, поскольку лишь немногие компании добровольно позволяют своим служащим оставаться на работе после 60 лет.

Кроме того, в стране все чаще говорят о внутренних противоречиях системы общественных пенсий, корни которых кроются в способе их финансирования. Существуют два основных способа покрытия расходов на выплату пенсий: использование накопленных фондов и текущих сборов. При этом в первом случае выплачиваемые работоспособным населением взносы накапливаются и возвращаются к ним в форме пенсий после выхода в отставку. Во втором случае в каждый текущий момент времени пенсионные выплаты покрываются за счет взносов экономически активного населения, и на финансовое состояние пенсионной системы влияет соотношение между числом вышедших на пенсию и числом работающих граждан.

Основанная на текущих сборах, система пенсионного обеспечения Японии сталкивается с большими трудностями в связи со старением населения и уменьшением общей суммы взносов по социальному страхованию и становится все более обременительной для экономически активного населения.

Работающие женщины, кроме того, выражают недовольство тем, что они, по существу, вносят свою лепту в пенсионное обеспечение неработающих жен наемных работников, поскольку те автоматически включаются в контингент застрахованных в системе государственных пенсий. С домохозяек не взимаются никакие взносы, в то время как все работающие члены общества их платят, причем независимо от того, является ли человек

---

[27] Косэй хакусё. 1997, с.203.

одиноким, имеет ли работающую супругу (супруга) или жену-домохозяйку, они взимаются в одинаковом размере в зависимости от заработка. Иными словами, пенсии домохозяек фактически оплачиваются всеми наемными работниками. На практике это означает, что женщина, проработавшая всю жизнь на низкооплачиваемой работе, после смерти мужа будет получать более низкую пенсию, чем никогда не работавшая вдова высокооплачиваемого работника. Более того, при существующей схеме пенсионного обеспечения семьи с высоким доходом субсидируются за счет взносов, уплаченных низкодоходными семьями, – ведь, как правило, чем выше доход мужа, тем меньше стремление женщины повысить собственный доход. Поскольку жизненный стиль женщин в современной Японии претерпел существенные изменения – преобладают семьи, в которых оба супруга работают, возросло число одиноких женщин, – система государственных пенсий, исходящая из стереотипов прежних времен (женщина занимается лишь домашним трудом и не получает заработной платы, супружеские пары не разводятся), явно устарела и нуждается в корректировке.

Новая пенсионная концепция. Итак, по существу, механизм системы общественных пенсий в Японии состоит в том, что каждое новое поколение оплачивает пенсии предыдущего поколения, а потому, естественно, на объем пенсионных средств самым непосредственным образом влияют изменения в возрастной структуре населения. При условии сохранения существующей структуры пенсионного обеспечения без изменений она обанкротится уже в начале XXI в., поскольку, как полагают, в 2007 г. настанет критический момент в развитии японского общества: 20% населения страны будут составлять лица старше 65 лет и начнется естественная убыль населения. Именно тогда люди, рожденные во время «бэби-бума» конца 40-х годов станут достигать «предельного возраста» – т.е. уходить с работы по возрасту. Наблюдающаяся уже сравнительно давно низкая рождаемость обернется проблемой отсутствия поддержки со стороны детей престарелых родителей. Одновременно социальное бремя работоспособного населения (суммарная доля налогов и взносов по социальному страхованию в национальном доходе), если ничего не менять в системе социального обеспечения, превысит 45%, а в 2014 г. достигнет 50%.

В то же время переход к другому способу финансирования пенсий, а именно к использованию накопленных фондов, может означать лишь временное увеличение пенсионных взносов для создания довольно значительных запасов с тем, чтобы потом можно было выплачивать пенсии даже при условии снижения взносов.

Если предположить, что доля престарелых в Японии стабилизируется на уровне 17%, то согласно оценкам специалистов Института проблем народонаселения при университете Нихон рождаемость должна повыситься

до невероятной величины – более 10 млн. человек в год (1,2 млн. человек в год в середине 90-х годов), что, конечно же, нереально.

Другой возможный путь сдерживания роста доли престарелых состоит в том, чтобы изменить само понятие «престарелые»: с 2010 г. относить к ним лиц старше 69 лет, а с 2025 г. – старше 73 лет. Иначе говоря, необходимо повысить предельный возраст ухода с работы, соответственно перестроив и систему занятости, и систему социального обеспечения. Японские специалисты полагают, что, учитывая отнюдь не плохое состояние здоровья большинства японцев преклонного возраста, это представляется весьма реалистичным. Иными словами, до того времени, когда поколение рожденных во время «бэби-бума» достигнет пенсионного возраста, необходимо выработать действенную стратегию перестройки всех общественных систем и учреждений, включая правительство, компании и семью.

Новая концепция государственной политики в области пенсионного обеспечения опирается на три исходных постулата. Во-первых, многие люди старше 60–65 лет хотят работать. Во-вторых, грядущее сокращение молодой рабочей силы в XXI в. ставит вопрос о более широкой занятости людей старших возрастов. В-третьих, к настоящему времени 60-летний рубеж (за некоторыми исключениями) можно считать законодательно закрепленным предельным возрастом ухода с работы (раньше этого не было), и теперь необходимо создавать условия для занятости людей в возрасте старше 60 лет.

Новая пенсионная концепция предполагает, что основным источником доходов в возрасте до 60 лет должна быть занятость, а пенсии представляют собой источник доходов после 65 лет, и задача состоит в том, чтобы предоставить разнообразные возможности людям в возрасте от 60 до 64 лет обеспечивать себе источники существования – путем комбинации доходов от работы и пенсий.

Центральной проблемой дальнейшего реформирования пенсионной системы является вопрос о том, за счет чего осуществлять дальнейшее увеличение пенсий: пенсионных взносов трудоспособной части населения или налогов, которые платят все члены общества. Как отмечалось, уже сейчас правительство предполагает каждые пять лет вплоть до 2025 г. увеличивать страховые взносы на 2,5%, что резко контрастирует с прежними временами. Если будет принята точка зрения, предполагающая ориентацию на налоги, то встанет вопрос об их дальнейшем повышении, а говоря конкретно, потребительского налога (поскольку уровень прямых налогов, как полагают в Японии, и так высок), который в 1997 г. был повышен до 5%, но все еще находится на самом низком уровне среди развитых стран. Таким образом, Японии вряд ли удастся избежать как повышения налогов, так и ставок страховых пенсионных взносов.

Кроме того, в японском правительстве считают целесообразным расширять деятельность частных пенсионных фондов и повышать роль различного рода индивидуальных пенсий с тем, чтобы все больше людей помимо общественной пенсии имели в старости и другие доходы.

Частные пенсии. Первые *частные пенсионные фонды* были созданы на японских предприятиях в 1966 г. Для наемных работников эти фонды являются весьма привлекательными, так как по закону выплачиваемая ими пенсия по крайней мере на 30% больше, чем пенсия благосостояния, получаемая наемными работниками в рамках системы общественных пенсий. (При этом для ее получателей сохраняется базовая пенсия, получаемая всеми гражданами Японии. Вообще, частные пенсии предприятий входят в систему общественных пенсий, и назначение их – повысить благосостояние рабочих в старости путем получения дополнительной пенсии и возможностей комбинации разных видов пенсий.)

Для компаний такие фонды являются более дорогостоящими, чем пенсионный фонд для наемных работников системы общественных пенсий, поскольку помимо основных выплат компания несет издержки, связанные с функционированием такого фонда, которые, по данным министерства здравоохранения и социального обеспечения, в компании со 100 занятыми составляют в среднем за год 3,75 млн. иен.

В связи с экономическими трудностями 90-х годов отмечалось увеличение числа компаний, откладывающих создание частных пенсионных фондов. Так, в 1994 г. впервые за пять предыдущих лет число вновь созданных фондов составило менее 100 (69 по сравнению со143 в предыдущем году). Тем не менее есть основания полагать, что с улучшением экономической конъюнктуры число их будет расти. Дело в том, что, помимо прочего, эти фонды рассматриваются как один из способов, помогающих нанимать квалифицированную рабочую силу.

В середине 90-х годов получателями частных пенсий предприятий было примерно 12 млн. человек, в том числе по старости – 11 млн.

Индивидуальные пенсии. Заключить договор на получение индивидуальной пенсии в Японии можно как в страховых компаниях, так и в финансовых учреждениях и брокерских фирмах.

Индивидуальные пенсии весьма разнообразны: они могут быть страхового типа или накопительного, выплачиваться ежемесячно или единовременно, либо в фиксированном размере, либо в последовательно возрастающем, их можно получать как до конца жизни, так и до оговоренного времени, гарантия на них может предоставляться на 10 или 15 лет.

В целях стимулирования частных пенсионных накоплений в 1990 г. специальная налоговая скидка на создание индивидуальной пенсии была

увеличена в 10 раз: с 5 тыс. до 50 тыс. иен[28]. Иными словами, из дохода, подлежащего налогообложению, может вычитаться до 50 тыс. иен, затраченных на цели создания индивидуальных пенсий.

Ориентация на такого рода пенсии получила в Японии весьма широкое распространение на рубеже 80-90-х годов, главным образом среди более молодых слоев населения, но затем вследствие ухудшения экономической конъюнктуры и падения доходов их популярность заметно снизилась. Однако, несомненно, в будущем их роль будет возрастать, поскольку с ростом общего уровня благосостояния люди все более задумываются об источниках дохода после выхода на пенсию.

Так, по данным государственного научно-исследовательского института образования, на практике 2/3 пожилых супругов имеют доходы ниже необходимых для нормального проживания. В то же время число получателей пособий по бедности, основную часть которых всегда составляли старики, с 1985 г. сократилось и в 1994 г. составило примерно 880 тыс. человек по сравнению с 1,63 млн. человек в 1960 г., или соответственно 0,7% и 1,7% всего населения страны.

Результаты опроса, проведенного Центром по проблемам культуры, быта и социальных гарантий в 1993/94 фин. г., показали, что супружеской паре пенсионеров для проживания на привычном уровне необходимо в среднем по стране 231 тыс. иен в месяц. Однако в том же году такая пара имела суммарные доходы в размере 198,5 тыс. иен. Тот же опрос показал, что для наличия определенной экономической свободы супругам-пенсионерам необходимо иметь в целом около 380 тыс. иен в месяц, или на 90% больше того, что они имеют.

Перспективы. Согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного канцелярией премьер-министра, подавляющее число респондентов (70%) рассчитывают обеспечивать свою жизнь в старости за счет общественных пенсий. Однако лишь 18% планируют «практически полностью зависеть от общественной пенсии», тогда как более половины опрошенных полагают, что общественную пенсию необходимо дополнять такими источниками доходов, как индивидуальные пенсии и сбережения. С другой стороны, 21,4% «будут стремиться не полагаться на общественную пенсию и по мере возможностей рассчитывать на собственные силы, прежде всего на индивидуальную пенсию и сбережения».

Так или иначе система общественных пенсий Японии является неотъемлемой частью жизни японцев и, по-видимому, еще долго будет играть важную роль в качестве источника жизнеобеспечения в старости. Вместе с тем для предотвращения резкого падения уровня жизни после выхода на пенсию (что очень часто имеет место), все больше японцев стараются за-

---

[28] *Танака Сёдзи.* Нэнкин-но субэтэ (Все о пенсиях). Токио, 1994, с.190.

благовременно предусмотреть возможные источники доходов в преклонном возрасте, и не исключено, что именно в этой связи различные новые пенсионные системы получат больше шансов на существование.

Надо сказать, что во всех быстро стареющих обществах стран-членов ОЭСР стоит одна и та же проблема – стимулирование частных сбережений как средство обеспечения доходов после выхода на пенсию. Пенсионные реформы во всех странах мира, несмотря на различия с точки зрения масштабов и характера, имеют в большинстве своем общую цель – стремление перейти к системе, которая в большей степени будет полагаться на накопленные фонды с тем, чтобы стимулировать совокупные сбережения, служащие источником доходов пенсионеров. Япония всегда выделялась высоким уровнем частных сбережений: так, в 1993 г. в расчете на душу населения они составили здесь 370 тыс. иен (184 тыс. в Германии, 157 тыс. во Франции, 130 тыс. в Канаде, 11 тыс. в Великобритании, 83 тыс. иен в США)[29]. Однако особая острота проблемы пенсионного обеспечения в Японии, возможно, вынудит ее руководство еще более активно содействовать повышению уровня пенсионных накоплений.

* * *

Социальное обеспечение рассматривается в Японии в качестве способа выражения социальной солидарности в обществе, и выплаты по нему предназначены для покрытия основных потребностей и не претендуют на всестороннее обеспечение повседневной жизни граждан.

Важно отметить, что, как показывает практика, система социального обеспечения в Японии не только расширялась, но и рационализировалась: размеры выплат в целом ряде случаев пересматривались в сторону понижения. Например, принятые в 1984 г. поправки к законам о медицинском страховании сократили долю выплат застрахованным со 100 до 90% медицинских расходов. В соответствии с реформой 1994 г. были введены новшества в систему госпитализации – теперь пациенты сами должны оплачивать продукты питания. То же наблюдается в отношении разного рода пособий и пенсий – их размер корректируется с учетом номинальной средней заработной платы наемных работников, которая во время экономического спада, естественно, снижается.

Вместе с тем совершенно очевидно, что в XXI в. роль социального обеспечения в Японии в целом должна существенно возрасти, поскольку теперь от этого зависит не только превращение Японии в супердержаву в смысле образа жизни народа, но и само сохранение статуса экономической супердержавы.

---

[29] См.: Сэкай кокусэй дзуэ'96/97, с. 495.

«Вхождение во внешний мир» (Деятельность Японского фонда и его представительств за рубежом)

О.Н. Железняк

К середине 50-х годов Япония, завершив послевоенное восстановление экономики, взяла курс на развитие индустрии, ориентированной на экспорт. В процессе проведения этого курса в жизнь стало очевидно, что для успешного ведения торговли с другими странами и укрепления положения на международном рынке важную роль играют не только цена и качество товара, но и социально-психологические факторы, в том числе стереотип восприятия Японии и японцев, сложившийся в других странах. В США, например, развитие японо-американских экономических отношений во многом тормозилось из-за снисходительно-пренебрежительного отношения к японцам; страны Азии, вспоминая японскую агрессию, также с большой настороженностью относились к любым попыткам Японии завязать стабильные торговые отношения.

Стала очевидной настоятельная необходимость формирования положительного образа Японии и японцев за рубежом посредством как ознакомления всего мира с достижениями японской культуры, так и глубокого изучения культуры других народов самими японцами. Для выполнения поставленной задачи в Японии начали проводиться многочисленные мероприятия, которые получили название «кокусайка» («интернационализация»). В Японии «кокусайка» трактуется как «процесс вхождения во внешний мир», без чего страна не сможет действовать на международной арене.

В Японии высказывается мнение, что развитие мира в дальнейшем пойдет не по пути противостояния, а по пути определения каждой из стран места и роли в развитии глобальной мировой экономики. В будущем смогут выжить только те государства и народы, которые будут ориентироваться на глобальные критерии ценностей и в соответствии с ними определять свой путь.

В японской социологии термин «интернационализация» трактуется более широко – как «глобализация», под которой подразумевается восприятие культур, экономических реалий и обычаев других стран и народов, заимствование всего полезного. Подчеркивается, что глобализация способствует также глубокому пониманию народом каждой страны собственной культуры, поскольку предоставляется возможность для многогранного сравнения различных культур. При этом японцы на примере своего разви-

тия демонстрируют, что при восприятии и внедрении лучшего, существующего у других народов, вполне реальным является сохранение собственной культуры. Необходимо лишь внедрять эти достижения с учетом национальных особенностей.

В ходе дискуссий по проблемам глобализации был сделан вывод о том, что всем странам, включая Японию, придется приспосабливаться к формирующемуся на основе интернационализации международному порядку, решающее воздействие на который на данном этапе оказывают западные течения и направления в культуре, тем более, что так называемая западная культура давно стала транснациональной, особенно в таких сферах, как музыка, балет, изобразительное искусство.

Тенденции к развитию транснациональности отмечаются и в других сферах общественной жизни в мире. Например, в экономике идет процесс стирания государственных границ в рамках Всемирной торговой организации, региональных экономических блоков в Европе, Азии, Северной Америке. На уровне экономических, социально-экономических структур Япония принимает все основные правила игры современного рыночного хозяйства. В Японии очень популярным является мнение, что процесс вхождения страны в мирохозяйственные связи с активным взаимопроникновением культур не будет нести опасности для нации. Общепризнано, что Япония могла бы сделать весомый вклад в мировую культуру. Ей есть что предложить, и список этих предложений с каждым годом расширяется. К традиционным культурным ценностям, таким, как живопись, японские боевые искусства, искусство оранжировки цветов икэбана и чайная церемония, с которых началось знакомство Запада с японской культурой во второй половине прошлого века, в наши годы прибавились методы государственного регулирования экономики, повышения трудовой активности, организация управления компаниями, которые активно изучаются зарубежными специалистами.

Об особом внимании Японии к проблеме глобализации экономики и культуры свидетельствует и новый комплексный «План общенационального развития Японии на начало XXI в.», принятый в 1998 г. и начавший действовать с 1999 г. В нем в качестве одной из главных задач выдвигается «формирование страны, открытой для всего мира»[1]. Следует отметить, что все пункты плана прямо или косвенно составлены с учетом происходящего процесса глобализации экономики и культуры.

Выход японской культуры на мировой уровень, безусловно, будет полезным не только для Японии, но и для всего мира. Поэтому цель выбора общей политики и проведения конкретных действий Японии в рамках курса на «вхождение во внешний мир» заключается, с одной стороны, в том, чтобы не допустить отторжения и занять в процессе глобализации достой-

[1] См.: Проблемы Дальнего Востока. 1999, № 5, с. 6.

ное место, а с другой – удержаться в нем, сохранив своеобразие своей национальной культуры, более того, добиться, чтобы она со временем стала неотъемлемой частью глобального потока, а Япония превратилась в одного из главных участников процесса формирования наднациональной культуры индустриального общества.

Первоначально это мнение высказывали японские интеллектуалы, но постепенно оно завоевывало все больше сторонников, и в конце 60-х годов его стали поддерживать ведущие политики, которые высказывались за необходимость координации всех, в то время еще разрозненных, мероприятий в проведении политики глобализации, в первую очередь по расширению культурного обмена и направлению его в выгодное для Японии русло. Вскоре началась активная подготовка по созданию такого координирующего органа с соответствующим финансовым обеспечением в виде фонда с разветвленной системой представительств за рубежом.

В сентябре 1971 г. Такэо Фукуда, в то время министр иностранных дел, а позднее премьер-министр, объявил о планах выделения 100 млрд. иен на создание такого фонда. В июне 1972 г. министерством был разработан проект закона о Японском фонде, который вскоре был принят парламентом. В соответствии с законом был сформирован организационный комитет, и 2 октября 1972 г. состоялось официальное учреждение Японского фонда.

Согласно 1-й статье закона основная цель Японского фонда состоит в осуществлении эффективной деятельности по развитию международного культурного обмена, чтобы тем самым внести вклад в мировую культуру и благосостояние человечества[2]. Японский фонд состоит при министерстве иностранных дел и действует под его руководством. В большинстве стран представители фонда являются сотрудниками посольств Японии.

Первоначально, в 1972 г. правительство перечислило в фонд 5 млрд. иен. Объем средств фонда постоянно увеличивался и к январю 1998 г. его капитал составлял уже 106,2 млрд. иен. Деятельность фонда финансируется за счет доходов с собственного капитала, бюджетных ассигнований (выделяемых как на официальную помощь развитию, так и на деятельность министерства иностранных дел), а также пожертвований общественных организаций и частных лиц. Большую роль в укреплении финансовой базы фонда сыграли пожертвования крупных сумм от Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) – главного координирующего органа японских корпораций, осуществляющего связь деловых кругов с правительством, а также трех других ведущих организаций деловых кругов страны. В настоящее время действует специальная Ассоциация поддержки Японского фонда, через которую поступают денежные пожертвования. Все поступления в фонд по закону освобождаются от налогов. Для спонсоров

[2] The Japan Foundation. Overview of Programs 1997. Annual Report 1996. Tokyo, 1998, p. 9.

предусмотрены существенные налоговые льготы. Большинство пожертвований направляется на общий счет фонда и используется по усмотрению руководства. В ряде случаев спонсоры требуют, чтобы их средства расходовались на конкретные цели с указанием их имени или названия организации, которую они представляют.

Бюджет фонда в расчетной части на 1997 г. составил 21,6 млрд. иен. Половина этой суммы приходилась на правительственные бюджетные средства, четверть была собрана за счет пожертвований и еще четверть получена от доходов, обеспечиваемых капиталом фонда[3]. При этом частные пожертвования использовались только для финансирования мероприятий, а оплата персонала сотрудников осуществлялась из бюджета МИДа.

Деятельностью фонда руководит президент, которому помогают четыре вице-президента. При руководстве фонда действует Консультативный совет, который по просьбе президента изучает такие важные проблемы деятельности фонда, как бюджетная политика, организация будущих мероприятий и др., и вырабатывает соответствующие рекомендации руководству фонда. Президентом фонда с одобрения министра иностранных дел назначаются члены совета – известные специалисты в области культурного обмена. Срок полномочий каждого из членов совета два года, хотя он может быть продлен.

В 1994 г. в связи с изменениями в международной обстановке, вызванными окончанием холодной войны, при премьер-министре Японии был сформирован неправительственный совещательный орган – консультативная группа по культурному обмену. Она выработала ряд рекомендаций, которые были приняты фондом как руководство для его дальнейшей работы. Согласно докладу группы планировалось всячески расширять деятельность фонда и сделать его «главным проводником политики правительства». Рекомендовалось также направить основные усилия на развитие сотрудничества в области культуры как главной сферы деятельности фонда с целью постепенного превращения Японии в «нацию, вносящую весомый вклад в дела мира»[4].

Основная цель деятельности фонда состоит в представлении разнообразных аспектов японской культуры за рубежом, а также ознакомлении японцев с культурой народов других стран. Сфера деятельности фонда чрезвычайно широка, ею охвачено более 190 стран.

В штаб-квартире фонда в Токио действует компактный аппарат, состоящий из нескольких отделов: общего, финансов и учета, обмена кадрами, изучения японского языка, искусства, информации и печати. На правах отделов в структуре руководства работают службы планирования и аудита.

---

[3] Ibidem, p. 27.
[4] Ibidem, p. 14-16.

В Японии при Японском фонде созданы два института японского языка и представительство фонда в Киото.

В настоящее время за рубежом фонд имеет 26 различных органов, в число которых входят институты и центры японской культуры, центры японского языка, отделения, представительства фонда и т.д. В 1997 г. в штате зарубежных органов фонда насчитывалось 232 служащих-японцев и 96 человек из числа местных граждан[5].

Сеть зарубежных органов фонда в последние годы быстро расширяется и укрепляется. В 1994 г. Центр японской культуры был открыт в Каире, в 1995 г. – в Маниле. В мае 1998 г. начал свою работу Японо-турецкий центр в Анкаре. О значении придаваемом созданию таких центров говорит то, что в Анкаре на церемонии открытия присутствовали президент Турции, члены японской императорской семьи, председатель Федерации экономических организаций Японии. Строительство весьма внушительного здания центра обошлось в 500 млн. иен. Финансирование осуществлялось совместными усилиями бизнесменов двух стран, место для строительства было предоставлено правительством Турции.

Для достижения поставленных перед фондом целей разработаны и осуществляются несколько блоков программ. В них включены как проведение собственных мероприятий, так и участие фонда в мероприятиях других организаций, осуществляющих культурный обмен. Фонд в этом случае оказывает финансовую поддержку путем предоставления грантов, субсидий, стипендий на конкретные цели.

Первым и наиболее крупным является блок программ по обмену кадрами. В рамках этих программ предусматривается посылка за рубеж и приглашение в Японию видных, компетентных специалистов, занимающихся развитием международного культурного обмена, обеспечение исследований японских ученых за рубежом самим фондом или совместно с национальными организациями. Прежде всего речь идет о так называемых полевых исследованиях в области социологии, которые невозможно осуществить, находясь в Японии. В этот же блок входят программы, связанные с подготовкой японских специалистов по проблемам отдельных регионов, с финансовой поддержкой деятелей культуры, которые намерены представлять японское искусство за рубежом.

В специальный блок выделены программы участия японских ученых и специалистов в международных конференциях, часто предусматривается активное содействие в подготовке докладов на конференциях.

По линии фонда японские специалисты направляются за рубеж для оказания помощи в реставрации, сохранении и изучении имеющих отношение к Японии памятников культуры в других странах, а также использовании японских национальных культурных ценностей, хранящихся в зарубежных

---

[5] Ibidem, p. 12.

музеях и частных коллекциях. Предусматривается доставка находящихся за рубежом японских культурных ценностей в Японию для реставрации с их последующим возвращением. Более того, работники зарубежных музеев приглашаются в Японию для специальной подготовки, обучения и консультаций по хранению японских реликвий, для наблюдения за ходом реставрационных работ.

В соответствии с программами в области спорта организуются зарубежные туры команд и отдельных спортсменов с показательными выступлениями по японским национальным видам спорта. В европейских странах, например, большой интерес вызывают выступления борцов сумо. В долгосрочном плане по линии фонда осуществляются командировки инструкторов и тренеров по дзюдо, каратэ, кэндо с целью оказания помощи в подготовке местных кадров. Большое внимание уделяется развитию обмена на уровне непрофессиональных спортсменов, а также организации соревнований любительских команд.

Примерно также осуществляется и блок программ, связанных с приглашениями иностранцев по обмену в Японию. Программы включают приглашения в Японию выдающихся деятелей науки и культуры с мировыми именами, а также нобелевских лауреатов, поездки по стране и встречи для обмена мнениями по ряду глобальных проблем. Впечатления именно этих иностранцев (а японцы делают все возможное, чтобы впечатления были хорошими) позволяют формировать положительный образ Японии в мире. В этот же блок входит организация поездок по Японии зарубежных деятелей культуры, практиков с целью изучения условий работы по пропаганде культуры в Японии.

Особое место среди блоков программ деятельности фонда занимают различные мероприятия, связанные с популяризацией японского языка в мире. Японские специалисты-лингвисты высокой квалификации направляются за рубеж для проведения консультаций и оказания практической помощи по разработке методик, составлению учебных планов, для проведения семинаров и практических занятий для преподавателей японского языка на местах. В самой Японии в рамках фонда действуют институт японского языка Урава и институт японского языка Кансай. Основной задачей института в г. Урава, основанного в 1989 г., является переподготовка преподавателей японского языка, разработка и распространение учебных материалов, консультации зарубежных исследователей. Институт во многом выполняет функции информационной службы по проблемам японского языка, имеет богатую библиотеку и справочный отдел. Институт японского языка в районе Кансай был открыт в апреле 1997 г. в связи с увеличением числа желающих изучать японский язык за рубежом. Его деятельность сосредоточена на подготовке и переподготовке преподавателей японского языка. Пока институт находится в стадии становления, но у него уже есть

отделение в г. Киото, специализирующееся на оказании помощи иностранцам в изучении японской культуры.

Во многом благодаря деятельности фонда за рубежом быстро растет число лиц, изучающих японский язык. По данным фонда, если в 1979 г. их было всего 120 тыс. человек, то в 1993 г. – уже более 1,6 млн. человек, уровень подготовки которых постоянно повышается. За рубежом по линии фонда уже действует шесть центров изучения японского языка. Кроме того, фонд оказывает весьма существенную поддержку многим школам и курсам японского языка, организуемым местными органами власти. Молодые японские преподаватели направляются в другие страны в качестве носителей языка. Перед командировкой они проходят специальную подготовку. Фонд оказывает финансовую помощь организациям за рубежом, которые обучают японскому языку на коммерческой основе. Гранты выдаются прежде всего для оплаты работы учителей. Специальные средства выделяются для поощрения за успехи в изучении языка, причем чаще всего оно выражается в туристических поездках в Японию. Весьма обширна программа фонда в подготовке учебных материалов по японскому языку.

Большое внимание в работе фонда уделяется поддержке японоведения за рубежом. Специальные программы в этих целях составляются в зависимости от состояния японоведения в конкретных странах. В Японию на основе среднесрочных программ фонда приглашаются ученые для исследования в гуманитарных областях, как правило, уже на стадии завершения исследований, сбора недостающих материалов и фактов, при подготовке диссертаций. Поддержка осуществляется в виде возмещения большей части расходов на командировку, предоставления стипендий. Специальные стипендии выделяются для художников, скульпторов, особенно тех, кто занимается близкими к японской культуре направлениями изобразительного искусства.

Существует особая программа стипендий для молодых ученых из России и стран СНГ, основные направления исследований которых связаны с опытом демократизации и либерализации в обществе. По этим стипендиям ученые приглашаются в Японию на сроки от 2 до 12 месяцев. Подобная программа существует для ученых стран Азии и некоторых других регионов, в которых происходят интенсивные социальные изменения.

Большое внимание в этом блоке уделяется программам развития связей специалистов, работающих с молодежью. Здесь и приглашения учителей школ, как правило, из глубинки, и семинары для воспитателей. Для них организуются 10-15-дневные поездки по Японии. На молодежь рассчитана и программа развития спортивных связей по линии японских видов спорта. В Японию приглашаются тренеры и руководители коллективов из-за рубежа.

Среди других блоков преобладают программы, связанные с культурным обменом. Это – проведение собственных и совместных выставок, органи-

зация выступлений японских художественных коллективов за рубежом и приглашение в Японию на гастроли коллективов национальных видов искусств и из других стран.

Фонд сам организует и активно участвует в международных конференциях, симпозиумах и семинарах по различным социальным и общественно-политическим проблемам. Обширны блоки программ по обмену публикациями, аудио- и видеоматериалами.

Издательская деятельность фонда направлена на содействие распространению за рубежом книг о культуре Японии. Фонд организует переводы с японского языка на английский и ряд других языков, часто редких, книг о Японии и координирует рассылку их в занимающиеся изучением Японии зарубежные организации, японские культурные центры. За рубежом по линии фонда организуются книжные выставки. У фонда весьма много программ подготовки аудио- и видеоматериалов о Японии. В них предусматривается создание телевизионных сюжетов о Японии для зарубежного телевидения. Фонд заимствует интересные с его точки зрения сюжеты японских каналов и выделяет средства для дублирования их на английский язык для передачи на некоммерческой основе зарубежным телевизионным компаниям.

Важное место в работе фонда занимают программы участия Японии в различных международных выставках, конкурсах балета, театрального драматического искусства, музыкальных и других фестивалях.

Расходы фонда на проведение мероприятий в конкретных странах и регионах распределяются соответственно роли последних в экономических связях с Японией. В 1996 г. на первом месте были США (18,6% общих расходов фонда), на втором – Китай (4,9%), далее следовали Малайзия, Индонезия, Таиланд, Австралия, Франция, Германия, Республика Корея, Бразилия (от 4,4% до 2,6%). На Россию выделялось 2%, что приблизительно равно затратам фонда на такие страны, как Италия и Англия.

Руководство фонда придает первостепенное значение США по многим причинам, прежде всего потому, что отношения с Соединенными Штатами играют важнейшую роль в утверждении Японии в качестве лидера в мировой экономике и политике. Сфера деятельности фонда в США весьма обширна, охватывает практически все блоки программ фонда. Для координации деятельности фонда в США в 1991 г. был создан Центр глобального сотрудничества. В соответствии с его названием, исследования и работа центра сосредоточены на политических проблемах в развитии глобального сотрудничества. Менее важной задачей центра является содействие углублению взаимопонимания между Японией и США. Центр осуществляет несколько программ двустороннего обмена деятелями науки и культуры с целью развития сотрудничества в решении глобальных проблем, в первую

очередь экологических, а также в поиске путей решения проблем отношений «Север–Юг».

В США довольно много крупных японоведческих органов, например, таких, как Стенфордский японский центр. Органы фонда оказывают информационную поддержку большой армии американских ученых-японоведов. В Библиотеке Конгресса США фонд организовал специальный Центр документов по Японии, в котором собрана конкретная информация о современной Японии, статистические справочники, «Белые книги».

Поскольку японо-американский культурный обмен занимает львиную долю в деятельности фонда, сформирован специальный Американский консультативный комитет фонда, членами которого являются 18 граждан США, видных деятелей науки и культуры. Комитет учрежден для того, чтобы давать рекомендации по всему спектру программ деятельности фонда в США. В нем рассматриваются и обсуждаются поступающие от американских учреждений заявки на проведение по линии фонда совместных с японской стороной исследований, обсуждаются конкретные шаги по развитию культурного обмена.

В США, где обыватели говорят о «скупке японцами Америки», о коварстве японцев, вспоминая войну, усилия фонда во многом направлены на преодоление негативных оценок и взглядов населения на Японию и японцев. Для этого следует развивать обмен, по выражению японцев, на уровне «корней травы», т. е. на самом низшем уровне, что предполагает обмен делегациями небольших городских коммун, фермеров, представителей отдельных специальностей, социальных служб.

Вторыми по значению после США руководство фонда рассматривает страны Азии, которые динамично развиваются и начинают принимать активное участие в международном экономическом обмене. Главная задача фонда – содействие японским компаниям в проникновении в экономику азиатских стран. Способствовать этому, как считают в Японии, должно распространение японского языка в регионе. Фонд помогает в подготовке кадров преподавателей японского языка в шести университетах стран региона, а также специалистов в различных отраслях со знанием японского языка.

Для изучения проблем Азии в 1989 г. фондом был открыт Культурный центр АСЕАН, позднее преобразованный в Азиатский культурный центр в соответствии с выдвинутыми Японией в связи с 50-летием окончания второй мировой войны «Инициативами в целях укрепления мира, дружбы и обмена». Целью инициатив – развитие диалога и углубление взаимопонимания путем обмена представителями культуры и молодежью. По существу, они направлены на преодоление все еще сохраняющегося со времен войны в странах Азии недоверия к Японии.

В работе отделений фонда в странах Азии основной акцент делается на совместных исследованиях представителей университетов, исследовательских центров, частных фондов и некоммерческих организаций. Основная задача этих исследований – поиск возможностей развития международного сотрудничества в регионе. Фонд предоставляет гранты на проведение семинаров и конференций.

В странах Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, судя по программам мероприятий, основное внимание уделяется изучению японского языка. Специальная программа предусматривает расширение его изучения в Китае. При этом большое место в ней занимает сотрудничество с Академией общественных наук Китая, которой фонд оказывает помощь книгами, учебными материалами и оборудованием. Ставится задача активизировать деятельность отделений фонда в Джакарте, Бангкоке, Куала-Лумпуре по развитию взаимного культурного обмена с учетом общих черт восточной культуры.

В странах Южной Азии, которые больше ориентированы на Европу и Америку, фонду труднее организовать и развернуть свою деятельность, чем в странах ЮВА и СВА. Число крупных программ фонда в этом регионе незначительно. Тем не менее в 1994 г. в Дели было открыто отделение фонда. В Индии отмечается рост числа лиц, изучающих японский язык, увеличилось число мероприятий по культурному обмену, проводятся спортивные встречи студенческих команд.

В странах Латинской Америки, где проживает более 1 млн. выходцев из Японии, сложилось традиционно дружественное отношение к Японии. Там главное внимание уделяется сохранению связей японцев с этнической родиной. Японский язык вводится как второй в ряде высших учебных заведений, и в этом им оказывает поддержку Японский фонд. В 1994 г. в Сан-Пауло основан Институт японского языка, который готовит преподавателей для средних учебных заведений. Фонд организует в странах Латинской Америки выставки современного японского искусства, гастроли японских театральных коллективов и отдельных исполнителей. В девяти странах по телевидению демонстрировался телесериал «Осин», в котором на историческом фоне показана драматическая судьба японской женщины, родившейся в начале XX в. и дожившей до преклонного возраста в конце уходящего столетия.

В отношениях со странами Западной Европы фонд стремится к сбалансированности, взаимности как в расходах на мероприятия, так и в характере обменов. Специально разрабатываются программы совместных исследований интеграционных процессов в Европе, которые рассматриваются как модель общемировых процессов. Если говорить об общей тенденции, то доля стран Западной Европы в программах фонда несколько увеличивается: расширяется культурный обмен, растут число и масштабы встреч ведущих деятелей культуры. Проведены и планируются несколько новых выставок японской живописи

во Франции, Италии, Испании. Фонд осуществляет поддержку японских делегаций на различных фестивалях в странах Европы.

Центры изучения Японии и кафедры японского языка в вузах по-прежнему остаются основой японоведения в странах Европы. Однако запросы тех, кто в Европе стремится изучать Японию в наши дни, уже не удовлетворяются, и фонд стремится оказать поддержку в подготовке преподавателей-японоведов, которых катастрофически не хватает. Об этой нехватке свидетельствует то, что в российские японоведческие центры приходят запросы из европейских немецкоязычных университетов с просьбой подобрать японоведов со знанием немецкого языка.

Не остаются без внимания фонда и страны Ближнего Востока и Африки. Однако из-за нестабильности во многих странах этих регионов и лингвистических трудностей деятельность фонда здесь ограничена, да и с исторической точки зрения связи Японии с Африкой были эпизодичны.

Из стран Океании основное внимание фонд уделяет Австралии и Новой Зеландии. В деятельности фонда здесь преобладают программы содействия языковой подготовке. Японская сторона отмечает, что инициатива исходит прежде всего от местных властей в этих странах и выражается в просьбах прислать преподавателей, оказать помощь в проведении конкурсов японского языка. В ряде школ Австралии японский язык изучается с начальных классов.

Долгое время в отношениях между Японией и Россией сохранялась напряженность из-за нерешенности ряда касающихся обеих стран вопросов, например, так называемой проблемы северных территорий (в рамках которой Япония требует от России передачи ей четырех островов Южно-Курильской гряды). Однако, хотя многие проблемы все еще остаются актуальными и требуют разрешения, сейчас обстановка меняется. Между Японией и Россией начинает развиваться конструктивный диалог, причем многое зависит от конкретных исполнителей на местах.

В этих условиях Японский фонд в начале 90-х годов активизировал свою деятельность в России. В 90-е годы по линии фонда здесь проводились и фестивали японской культуры, и гастроли традиционных театров, и мастер-классы икэбаны, а также ряд других мероприятий.

Примечательно также то, что в этот период расходы фонда на проведение мероприятий по культурному обмену с Россией постоянно росли. В 1991 г. они составили 153 млн. иен (1,4% общих расходов, 15-е место среди других стран), в 1992 г. – 187 млн. иен (1, 5%; 11-е место), в 1993 г. – 318 млн. иен (2,2%; 8-е место), в 1994 г. – 316 млн. иен (2,3%; 10-е место)[6].

Из России в Японию в последние годы по линии фонда были организованы поездки молодых журналистов, администраторов в области культуры. Многое делается фондом для развития контактов интеллигенции двух стран, особенно обмена мнениями по вопросам развития и становления демократии.

---

[6] Ibidem, p. 53.

По оценке специалистов фонда, японоведение в России в значительной мере утрачивает былой уровень из-за ухудшения финансирования общественных наук в стране, происходит серьезное «старение» кадров японоведов, сокращается приток молодежи в науку. Поэтому в программах фонда предусмотрены гранты и финансовая поддержка в целях замедления этого процесса. Фонд оказывает поддержку многим исследованиям Центра по изучению современной Японии, созданного на основе соглашения между Российской академией наук и Японским фондом, предоставляет учебные материалы и оборудование Государственному дальневосточному университету, имеющему давние традиции японоведения, и т.д.

Хотелось бы подробнее остановиться на деятельности Японского фонда в России, в частности, сказать несколько слов о его сотрудничестве с Ассоциацией японоведов нашей страны. Ассоциация была создана в январе 1994 г. и вот уже на протяжении пяти лет пользуется поддержкой Японского фонда. Одним из результатов этого сотрудничества стал тот факт, что благодаря поддержке фонда Ассоциация японоведов приняла участие в 7-м конгрессе Европейской ассоциации японоведения (Копенгаген), где была принята в эту организацию.

Японский фонд регулярно помогает материально ограниченному кругу российских студентов, аспирантов, молодых научных сотрудников, выплачивая им стипендии.

Фонд оказывает также поддержку ряду российских японоведческих изданий. Так, с начала 90-х годов благодаря содействию фонда стало возможным продолжить издание ежегодника «Япония», который в 2002 г. будет отмечать свой 30-летний юбилей. При активном участии Японского фонда был выпущен новый двухтомный учебник истории Японии, который стал большим подарком как для студентов, остро нуждающихся в данном учебном пособии, так и для специалистов-японоведов, а также для всех интересующихся историей Японии.

По приглашению фонда Центром по изучению современной Японии и Ассоциацией японоведов была организована поездка в Японию группы ветеранов российского японоведения.

Хотя срок соглашения о сотрудничестве между Японским фондом и Ассоциацией японоведов был заключен всего лишь на пять лет и недавно истек, фонд выразил желание в перспективе продолжить подобные контакты. Одним из пожеланий Японского фонда, высказанных в адрес Ассоциации японоведов, было то, что последняя должна стать своего рода научным обществом по изучению Японии.

На протяжении своей истории страны выбирали различные способы утверждения в мировом сообществе. Япония нашла свой, особый путь. Она не просто превратилась в экономического гиганта и заставила всех считаться с собой, но и стала культурной державой мирового значения, добившись несомненного признания в этом качестве. Немаловажную роль в этом, безусловно, сыграла деятельность Японского фонда по пропаганде достижений японской культуры за рубежом.

Легенды и быль Удзи

М.П. Герасимова

К югу от Киото, старой столицы Японии, есть местечко под названием Удзи. Здесь легенды и быль переплетены настолько тесно, что подчас трудно понять, где правда, а где вымысел. Подлинные события овеяны ореолом неправдоподобной романтики, а легенды и предания имеют «неопровержимые» доказательства подлинности событий, о которых они повествуют, в виде тех или иных местных достопримечательностей.

Исторически эти места связаны с именем сына императора Одзин (270–310) Удзи-но Вакиирацуко, который в свое время был объявлен наследным принцем. В «Кодзики» рассказывается, что однажды император в долине Уди (совр. Удзи) встретил прекрасную деву, с которой вскоре соединился супружеским союзом, и у них родилось дитя, которое нарекли Уди-но Вакиирацуко. Однако после смерти государя один из старших братьев задумал убить Уди-но Вакиирацуко и захватить Поднебесную, но другой брат по имени Оосасаги-но микото предупредил наследника престола, и тому удалось хитростью избавиться от своего врага, сбросив его в «неистовые воды» реки Удзигава. После этого братья долго вручали друг другу Поднебесную, но Удзи-но Вакиирацуко вскоре скончался и править страной стал Оосасаги-но микото[1]. Похоронен он на правом берегу реки Удзи, неподалеку от места, где жил. Позднее на месте резиденции принца было построено святилище Удзи-дзиндзя, в котором по сей день хранится деревянное скульптурное изображение принца Вакиирацуко.

Оосасаги-но микото взошел на престол под тронным именем Нинтоку (313–399). Император Нинтоку остался в памяти японцев как добрый и мудрый правитель[2], а Удзи стало одним из излюбленных мест придворных

---

[1] Подробнее см.: Кодзики («Записки о деяниях древности» – литературный памятник VIII в.). Свитки II и III. М., пер. Л.М. Ермаковой, А.Г. Мещерякова, 1994, с. 170.

[2] В III свитке «Кодзики» рассказывается о том, как однажды Нинтоку, увидев, что над домами его подданных не вьется дым, заключил, что они бедны и не могут приготовить себе еду, и освободил их от уплаты налогов и других повинностей на три года. Несколько лет спустя положение изменилось: люди стали зажиточными, государство процветало, «поэтому о его правлении говорили, что это было правление мудрого государя. У Мацуо Басё – прославленного поэта Японии – есть хайку под названием «В похвалу императору Нинтоку, который с кровли любовался народным праздником»:

Вот высшая радость его!
Народ веселится... Во всех дворах
Курятся дымком очаги.
(Пер. В.Н. Марковой)

и знати, где они проводили свой досуг, любуясь мягкими очертаниями холмов, тянущихся вдоль реки.

Удзи – это место, где происходит действие последних глав романа Мурасаки Сикибу «Гэндзи-моногатари» – так называемых «Десяти глав Удзи», и поэтому для японцев, причем не только для жителей старой столицы, Удзи – не просто название местности, но и все то, что несут в себе эти главы, – все ассоциации, реминисценции, вся атмосфера красоты и печали, созданная в романе. Десять памятников в виде каменных изваяний Будды или плит с высеченными на них сюжетами, популярными в эпоху «Гэндзи», напоминают о событиях, рассказанных в «Десяти главах Удзи».

Удзи – это место, где происходили жаркие бои между противоборствующими кланами, описанные в «Повести о доме Тайра». В Удзи случались чудесные превращения буддийской сутры и благочестивые монахи творили чудеса, о которых говорится в «Повестях, собранных в Удзи» («Удзи сюи моногатари»), – сборнике прозы сэцува, составленном в XIII в.

Удзи – это множество стихов, в которых воспета красота его пейзажей. Пейзажи Удзи отличаются какой-то особенной красотой – мягкие очертания гор, на склонах которых растут вековые сосны, кипарисы и другие деревья, поражающие формой крон и пышностью листвы, голубая лента реки Удзигава, через которую переброшен известный по многим преданиям, литературным памятникам и историческим событиям мост.

Окрашенный в цвет светлой киновари мост является единственным ярким пятном в этом царстве голубого и зеленого цветов, плавно переходящих один в другой и достигающих наивысшей интенсивности, в особенности погожим летним днем, на раскинувшихся под ясным небом чайных полях.

Утопающие в тени сосен и криптомерий синтоистские святилища в этих местах появились в незапамятные времена, задолго до основания Киото. Святилища Удзи-дзиндзя и Удзигами дзиндзя вообще считаются одними из древнейших в Японии. Оба святилища расположены на склонах холмов, почти вплотную подступающих к реке, и путь к ним лежит через мост Удзибаси.

Мост Удзибаси был сооружен еще в 646 г. радением монахов из нарского монастыря Гангодзи, что, впрочем, не помешало, следуя местным поверьям, возвести на мосту небольшую молельню синтоистскому божеству и назвать ее святилищем Девы – хранительницы моста Удзи (Удзи-хаси химэ). Впоследствии молельня была перенесена с моста на берег, где находится и поныне.

Случилось так, что «Удзи-хаси химэ» – стало нарицательным. В старину в поэзии вака выражение «Удзи-хаси химэ», т. е. «Дева – хранительница моста (через реку) Удзи», употреблялось в весьма широком смысле: поэты могли так называть жрицу при синтоистском храме – мико, «деву веселья»

или возлюбленную. К примеру в одном из стихотворений поэтической антологии «Кокинвакасю» есть вака, принадлежащая неизвестному автору:

Самусиро-ни	И сегодня ночью,
Коромо катасики	Грустя, уснула,
Коёй мо я	Рукав расстелив[3] в изголовье.
Варэ мацу ран	Верно, ждет не дождется меня
Удзи-но хаси-химэ	Дева моста Удзи.

Дева-хранительница моста Удзи считается также божеством ревности, божеством, разрывающим судьбы – энкири-но ками (К слову сказать, в Киото, как и во всей Японии, великое множество святилищ, возведенных в честь богов, соединяющих судьбы, – эн мусуби, божеству же, разрывающему судьбы, святилище возведено лишь в Удзи).

Рассказывают, что во времена императора Сага (правил в 809–823 гг.) дочь одного из придворных, будучи не в состоянии вынести муки ревности, утопилась в реке Удзигава и приняла облик злого божества. Через тридцать семь дней она, действительно, превратилась в злое божество, которое похищало ревнивых или заподозренных в ревности, и убивало. Однако, хотя действия божества и были жестокими, их результатом был разрыв связей, причиняющих страдания, и постепенно именно эти действия начали восприниматься как способность разрывать только ненужные, пагубные связи. Злое божество стало почитаться и было отождествлено с девой-хранительницей моста Удзи.

На лоне прекрасных пейзажей Удзи происходили встречи и расставания хэйанских аристократов, здесь они проводили свой досуг. Здесь же находилась и загородная усадьба Фудзивара-но Митинага (966–1027) – фактического правителя Японии, многие черты которого угадывались современниками в образе блистательного принца Гэндзи из романа Мурасаки Сикибу «Гэндзи-моногатори».

В 1052 г. после смерти Фудзивара Митинага его сын Фудзивара Ёримити (992–1074), занимавший пост главного советника императора, принял решение перестроить загородную усадьбу, принадлежавшую прежде его отцу и превратить ее в буддийский монастырь Бёдо-ин (букв. Палата равных).

По свидетельству современников на строительство монастыря были затрачены огромные средства. Его возводили лучшие мастера Японии и Китая. Монастырь принадлежал буддийской секте тэндай, утверждавшей равенство возможностей для всех в постижении буддийских истин и дости-

[3] «Спать, расстелив рукав» («коромо катасики») – означает спать не раздеваясь, положив голову на (по обычаю широкий) рукав, постланный в изголовье, укрываясь другим рукавом, т.е. спать в одиночестве, не деля ложе с возлюбленным.

жении нирваны. На территории монастыря были построены храмы, зал для чтения проповедей – Кондо, пятиярусная пагода. Большинство построек сгорели в январе 1336 г., во время военных столкновений между родами Кусоноки и Асикага. Единственное из сооружений, сохранившихся с тех пор, – храм, возведенный в честь будды Амида – Амида-до[4], больше известный как храм Феникса – Хоо-до.

Храм Феникса по своей конфигурации – уникальное архитектурное сооружение, в центре которого находится зал, где установлена трехметровая статуя будды Амида. В обе стороны от зала расходятся коридоры. Коридор также тянется от зала назад, напоминая хвост птицы, раскинувшей крылья.

На коньке крыши с обеих сторон установлены деревянные резные изображения фениксов. Возможно, все это послужило причиной того, что это сооружение больше известно как храм Феникса в (храмовом ансамбле) Бёдо-ин.

В дверном проеме у входа в храм с потолка приспущена решетка, в которой вырезано круглое отверстие. Смотрящий на храм снаружи в этом отверстии видит лик будды Амида. Глаза трехметровой статуи опущены, от чего возникает ощущение контакта с божеством, поскольку каждому смотрящему кажется, что Амида милостиво взирает именно на него.

Вошедшему в храм Амида предстает восседающим в цветке лотоса. Руки сложены на коленях, пальцы рук сведены в позицию, означающую достижение высшей степени блаженства. Его фигура, тускло мерцающая позолотой, установлена перед вырезанным из дерева и позолоченным ажурным щитом, который создает впечатление ореола. Овальной формы ореол, постепенно суживаясь, уходит вверх под потолок, с которого свисает ажурный резной и также позолоченный полог.

Ажурный ореол обрамляет два диска разной величины, наложенные друг на друга и условно повторяющие очертания сидящего Амида, за которым они установлены. Диски символизируют сияние, исходящее от головы и тела просветленного, а ажурный ореол – облака. При внимательном рассмотрении в узорах ореола можно разглядеть небольшие фигуры – это упокоившиеся на небесах, т.е. возрожденные в раю будды Амида.

---

[4] Амида – владелец «Чистой земли – рая», в котором возродится каждый, истово верующий в будду Амида. Храмы будды Амида – Амида-до есть почти во всех японских монастырях. Причина особой популярности культа будды Амида не только в учении, обещающем спасение каждому искренне верующему, но и в событии, случившемся в седьмом году Эйсё (1053), который, как считают буддисты был годом начала эры «Конца закона» (эры, когда истинная вера в сердцах людей ослабевает и торжествуют пороки), и воспринятом как знамение. Стихийные бедствия, распри, вызванные борьбой за власть, казалось, служили подтверждением наступления новых мрачных времен. Зловещим предзнаменованием грядущих бед показался пожар, случившийся в первый год этой эры, во время которого сгорел до тла монастырь Хасэдзи. Уцелела лишь маленькая фигурка будды Амида. Это было воспринято как знак того, что Амида остается с людьми, стало быть, оставалась надежда на спасение.

Скульптура Будды в ажурном ореоле – шедевр буддийского монаха Дзётё (?–1057), который прославился так же как создатель множества деревянных скульптур, изготовленных в им самим изобретенной технике ёсэги-дзукури[5].

На белых стенах зала крепятся сравнительно небольшие деревянные фигурки пятидесяти двух так называемых бодхисаттв на облаках (унтю-ку босацу). Они изображены слушающими музыку, играющими на музыкальных инструментах, танцующими (т.е. показаны в движении, что встречается крайне редко – обычно будды и бодхисаттвы изображаются застывшими в какой-либо позе), что служит еще одним подтверждением тому, насколько большую роль играло искусство в эпоху Хэйан.

На дверях и стенах есть также росписи на мотив сошествия будды Амида для встречи с верующими в него, выполненные в достаточно реалистичной манере. Эти росписи являются одними из наиболее старых образцов живописи Яматоэ.

Окруженный деревьями храм Феникса в Бёдо-ин стоит на берегу пруда и его зыбкое отражение так же, как и сам пруд, являются неотъемлемой частью картины, которая по представлениям хэйанцев должна была олицетворять Чистую землю Высшей радости – рай будды Амида – Гокураку дзёдо.

Несколько веков спустя в рамках буддизма появилось учение, утверждавшее, что Чистая земля (Дзёдо) находится только в сердце самого человека (тада кокоро-но Дзёдо), а будда Амида пребывает в самом человеке (коми-но Мида). Это было учение дзэн.

В системе японского дзэн-буддизма известны три течения – риндзай, сото и обаку.

Риндзай и сото, отличающиеся особой строгостью в соблюдении правил и суровостью в практике и тренировке сформировались в Японии в конце XII начале XIII в. стараниями монахов по имени Эйсай (1141–1215) и Догэн (1200–1253), который прославился и как поэт.

Течение обаку, или обаку-сю, зародилось на основе риндзай как одна из его ветвей, но впоследствии сформировалось в самостоятельное течение.

Главный дзэн-буддийский монастырь течения обаку в Японии Мампуку-дзи (Монастырь десяти тысяч благостей), был основан в 1661 г. в том же местечке Удзи, что стало причиной возникновения новых обычаев в Япо-

---

[5] Техника ёсэги-дзукури (букв. сделанное из пригнанных кусков дерева) пришла на смену технике итибоку-дзукури (букв. сделанное из одного куска дерева) и заключается в следующем. из отдельных кусков дерева вырезают различные части – голову, руки, туловище и т.п., пригоняют их друг к другу, затем скульптуру раскрашивают и покрывают лаком. Техника ёсэги-дзукури получила широкое распространение, поскольку позволяла создавать скульптуры из небольших кусков дерева, что давало возможность выбирать куски без трещин и таким образом создавать более долговечные и легкие скульптуры.

нии, ассоциирующихся с этим и так уже достаточно прославленным в истории и литературе местом.

Основателем монастыря был наставник в учении по имени Ингэн (1592–1673). Так называли в Японии китайского монаха Иньюаня, приглашенного сюда для проповедования принципов учения хуанбо, называемого по-японски (согласно японскому прочтению китайских иероглифов) – обаку.

Ингэн прибыл в Японию в 1654 г. Наставнику в учении дзэн Ингэну (Ингэн-дзэндзи) было в ту пору 62 года, и к тому времени более половины своей жизни он провел в монастыре Вань-фу сы, принадлежащем дзэн-буддийскому течению риндзай.

Монастырь находился на горе Хуанбо в китайской провинции Фуцзянь. Здесь в эпоху правления династии Тан (618–907) наставник в учении дзэн в духе риндзай Хуанбо Сюин (?–850) впервые стал проповедовать принципы, которые легли в основу учения, получившего в Китае название «хуанбо». В 1614 г. повелением императора Шень-цзи (1573–1620) из династии Мин монастырь стал официально называться «Монастырь десяти тысяч благостей» – «Ваньфу-сы», что в японском прочтении звучит как «Мампуку-дзи».

Суровое, непреклонное, педантичное соблюдение заповедей и всех норм поведения, трехступенчатая система посвящения в сан и пострижения в монахи – санданкайэ, отличающийся особой строгостью новый образ жизни в монастырях, за которые ратовал Ингэн, по существу, были своеобразной трансформацией риндзай в духе ригоризма.

В качестве основного постулата учителя обаку выдвигают общую для всех течений дзэн-буддизма идею о существовании во всех вещах и явлениях феноменального мира лишенной материальной субстанции изначальной природы, которая не возникает и не исчезает и является их подлинной, вечной сутью (дзиссо-муссо), которую каждый должен открыть в себе.

Учение и практика дзэн, как написано в обращении к посетителям монастыря (Мампуку-дзи), помогают понять, что «Чистая земля находится только в сердце человека» («Тада кокоро-но дзёдо», а «Будда Амида пребывает в самом человеке» («Коми-но Мида»), а тот, кто смог проникнуться идеей о всеобщей взаимосвязанности вещей, обретает душевное равновесие.

Таким образом, в основе учения обаку лежат доктрины, общие для всех направлений дзэн, а именно, стремление к постижению истины в результате озарения – сатори, для достижения которого были разработаны специальные методы самопогружения, медитации, требовавшие жестокого самовоспитания. Отличие же обаку от других течений дзэн-буддизма заключается главным образом в синкретичности, которая была характерна для многих китайских учений периода правления императоров династии Мин (XIV

– XVII вв.), когда идеи и направления, популярные в каждую эпоху, брались на вооружение и приспосабливались к основам буддийского учения. Так, отголоски пустившей глубокие корни среди мирян веры в Чистую землю (Дзёдо) – рай будды Амида – слышны во время ежедневной службы, отправляемой в Мампуку-дзи, и в службах, совершаемых для мирян по случаю поминовения усопших. Повторение мантр и магических формул-заклинаний дхарани также являются привнесенными в обаку элементами эзотерического буддизма. Элементы, заимствованные из тибетского ламаизма прослеживаются в поминальных службах по тем, кого некому вспомнить, – сэгаки и в службах, совершаемых в праздник О-бон – праздник поминовения умерших.

Неуклонность в соблюдении заповедей и правил, предписываемых монахам, вызывали у мирян чувство почтения и уважения, а учение и службы, совершаемые в духе обаку, давали необходимое успокоение и восстанавливали душевное равновесие. Словом, учение обаку вносило нечто новое в привычный мир дзэн-буддийской духовности, нечто, что давало столь необходимую людям надежду на спасение. Все это вызвало сочувственное отношение не только у великого множества простых людей, но и у знатных и обладающих властью лиц, среди которых были четвертый сёгун из дома Токугава – Токугава Иэцуна (1644–1680) и экс-император Гомидзуноо (1596–1680).

Наставнику Ингэну была пожалована земля у подножия горы в местечке Удзи, где он и основал в 1661 г. монастырь Мампуку-дзи, который, как уже говорилось, стал главным дзэн-буддийским монастырем направления обаку в Японии.

Гору, у подножия которой заложили монастырь, стали называть «гора Обаку» («Обаку-сан»), что также является японским прочтением китайских иероглифов, составляющих название горы Хуанбо в Китае.

Это название как нельзя больше подходило горе еще и потому, что на ее склоне росли пробковые деревья – кихада, название которых в Китае также записывают иероглифами, которые по-японски читаются обаку. Деревья обаку находили широкое применение: из них добывали вещества, которые использовались для изготовления желудочных лекарств и красителей, при помощи которых ткани и бумагу окрашивали в желтый цвет. (По сей день многие официальные бумаги, в том числе и краткая история монастыря, вручаемая каждому желающему, печатаются на бумаге желтого цвета.)

В напоминание связи, существующей между китайским и японским монастырями все сооружения на территории монастыря Мампуку-дзи построены в стиле, характерном для Китая в эпоху Мин.

Как и все буддийские, в том числе и дзэн-буддийские, монастыри, Мампуку-дзи занимает довольно большую территорию, обнесенную стеной, на

которой по прямой оси с юга на север, выстроены (на довольно большом расстоянии друг от друга) ворота башенного типа саммон[6] и другие храмовые сооружения. Однако в отличие от типичных дзэнских монастырей, где в монастырских комплексах (гаран) за воротами саммон следует буцудэн (храм Будды), в Мампуку-дзи в подтверждение синкретичности течения обаку между воротами саммон и буцудэн сооружен храм божеств стражей Тэнно-дэн. Божества стражи Закона (т.е. буддийского учения) являются низшими божествами буддийского пантеона, особо почитаемыми в ламаизме.

В центре зала в храме Тэнно-дэн установлено скульптурное изображение бога изобилия Хотэй[7], который в Китае является ипостасью бодхисаттвы Мироку. Он предстает как всегда с огромным, выпяченным вперед животом, свидетельствующим о его благополучии и безбедности. Позади бога изобилия Хотэй – скульптурное изображение божества в доспехах с мечом в руках. Это – Идатэн, по буддийским поверьям, – божество, охраняющее Закон. Идатэн сумел догнать демона, похитившего мощи Будды, отобрал священные останки и вернул их на место и потому стал олицетворением быстрого бега[8]. Вокруг Идатэн стоят четыре божества – стража, охраняющая четыре стороны света. Все четверо закованы в латы и вооружены…

Это – охраняющий восток Дзикокутэн – в левой руке он держит меч, а в правой волшебный шар; традиционно изображаемый в желтом цвете охраняющий запад большеглазый Комокутэн – в левой руке он держит копье, а в высоко поднятой правой – веревку; обычно изображаемый в красном цвете охраняющий юг Дзодзётэн отличается наиболее свирепым выражением лица и наибольшей вооруженностью: в одной руке он сжимает меч, а в другой копье; такую же решимость сражаться за Закон всем своим обликом выражает и охраняющий север Бисямон, он также держит в одной руке копье, но в другой у него маленькая пагода. Бисямон за прилежное прослушивание бесчисленного множества проповедей получил еще и другое имя – Тамонтэн (букв. много слышавший).

---

[6] Саммон – букв. троевратие. Однако, поскольку монастыри обычно строились в горах, иногда первые ворота (обычно башенного типа), через которые надо пройти, чтобы попасть на территорию буддийского монастыря, называют «ворота в горы», что также звучит «саммон», но вместо иероглифа «три» пишут омонимичный иероглиф «горы».

[7] Хотэй и Бисямон в японской мифологии наряду с Эбису, Дайкокутэн, Дзюродзин, Фукурокудзю и Бэнсайтэн являются так называемыми Семью богами счастья – ситифукудзин, которые помогают людям обрести долголетие и благополучие в земной жизни.

[8] Имя «Идатэн» стало употребляться и в переносном смысле применительно к людям, умеющим быстро передвигаться.

Однако в отличие от других дзэн-буддийских монастырей Мампуку-дзи «заселен» не только божествами-стражами. Восемнадцать раканов (архат)[9] подвижников, достигших высшей степени духовного совершенства, словно живые предстают входящему в Буцудэн (храм Будды), который называется здесь «Дайоходэн». Раканы изображены сидящими в разных позах, в разных одеяниях, не похожими друг на друга. Их позы и лица предельно выразительны. Несмотря на то что все они достигли духовного совершенства в равной степени, глядя на них, понятно, что подвижники шли к нему разными путями. Именно эта особенность ракана как существа, пребывающего в нашем физическом мире и обладающего неповторимым характером и физическим телом, передана в скульптурах, установленных в ряд вдоль стены.

Все монастырские постройки, соединяющие их галереи и переходы, каллиграфические надписи, украшающие все сооружения, различные символы в декоре или на вещах вполне функциональных, даже сосны на территории, растущие в каком-то неуловимом порядке, – все несет на себе печать китайского и говорит о том, что этот мир привнесен в Японию с материка.

Красно-коричневые деревянные сооружения, серые, засыпанные песком площадки и зеленые сосны. Строгость линий, чистота, масштабность, отсутствие вычурности, несмотря на присутствующий везде и во всем декор – будь то изящно декорированный коньковый брус, оба конца которого венчают фигуры дельфинов, взметнувших хвосты ввысь, решетчатые ограждения на храмовых террасах, выложенные узором в виде сцепленных иероглифов «ман» – буддийского символа счастья и долголетия. Характерной особенностью Мампуку-дзи считаются каллиграфические картины над входом во все сооружения монастырского комплекса. На внешних воротах (сомон) иероглифы на картине читаются как «дайитиги» («главный принцип») – здесь имеется в виду основополагающий принцип буддийского учения. На главных воротах (саммон) надписи – «Мампуку-дзи» и «Обакусан» (гора Обаку), выполненные самим Ингэном.

Кроме того, в любом углу монастыря можно увидеть деревянные щиты, на которых вырезаны стилизованные под каллиграфию иероглифы. На одном таком щите, используемом в качестве гонга, вырезаны стихи, в которых говорится о том, что нет ничего постоянного, а время, которое течет чрезвычайно быстро, следует посвятить учению. Дважды в сутки – утром и вечером в девять часов бьют по этому щиту, чтобы возвестить время. Другой не менее своеобразный «гонг», который называют «кэйбан», подвешен перед трапезной. Он представляет собой огромную вырезанную из дерева

---

[9] Ракан (или аракан) – достигший высшей степени духовного совершенства. Ракан находится в нирване лишь частично, поскольку обладает физическим телом, и только после физической смерти он погружается в нирвану полностью и выходит из цепи перерождений.

рыбу. Во рту рыба держит шар. Когда по рыбе ударяют толстой деревянной палкой, звуки бывают слышны в самых отдаленных уголках монастыря.

Как известно, с позиций дзэн мир воспринимается как единое целое, в котором отсутствуют какие бы то ни было противоположности, и попытка заставить звучать то, что молчит, содержит в себе намек в духе дзэн.

Течение обаку имело огромное влияние на многие аспекты японской культуры – каллиграфия, живопись, дизайн, архитектура, книгоиздание, медицина обогатились новыми идеями и приемами, сформировавшимися на основе этого учения. Широкую известность (а впоследствии и немаловажное значение в диетологии) приобрела низкокалорийная, с высоким содержанием белка постная монастырская пища, которая получила название «обаку рёри» – или «футя рёри», что значит «блюда в духе обаку», буквально «блюда к чаю», поскольку в качестве напитка подается к ним только чай. Говорят, что эта разработанная монахами вегетарианская кухня «имеет вкус дзэнского образа мыслей».

По-видимому, желая внести в чайное действо еще больше «дзэнского вкуса», монахи Мампуку-дзи стали заваривать не порошковый чай – маття, как это было принято прежде, а отборные листья чая гёкуро и сэнтя, выращиваемые на плантациях неподалеку от монастыря. Этот чай так и называют «Удзи-тя» – «чай из Удзи». А вода из реки Удзигава вполне пригодна для питья и в старину из нее брали воду для чайных церемоний.

Письмо-заказ правителя Японии Хидэёси к Канбаяси – одному из мастеров приготовления чайных листьев, в котором высоко оценивается качество местного чая, и сейчас хранится среди старинной чайной утвари, жаровен для сушки листов и рецептов приготовления чая в превращенном в музей доме семейства Канбаяси. Вот уже более 400 лет он стоит среди других чайных лавок у моста Удзибаси. Учитель Байсао, признанный мастер этой формы чайного действа, во время которого заваривают сэнтя, говорил, что это – церемония «введения в храм Мампуку-дзи».

Возможно, более тонкий и менее выраженный вкус чая сэнтя и гёкуро, от которых дольше ощущается привкус, по мнению монахов обаку, более «дзэнский». Во всяком случае сегодня при храме существует Всеяпонская ассоциация сэнтя-до (чайное действо с сэнтя).

После Ингэна четырнадцать японских настоятелей сменили друг друга, и все же в Мампуку-дзи, по единодушному мнению киотосцев, и сегодня царит китайский дух. По-прежнему верно передают атмосферу этих мест стихи монахини Кикуся-ни[10].

---

[10] Кикуся-ни – настоящее имя Тагами Мити (1753-1826). Образованнейшая женщина своего времени (середина эпохи Эдо), поэтесса хайку, художница, музыкантша славившаяся игрой на семиструнном кото. После смерти мужа приняла постриг и пешком исходила всю страну, не переставая сочинять стихи, составившие сборник «Сломанная хризантема» («Тэорикику»).

Саммон-о дэрэба А за воротами-то Япония.
Нихон дзо. Отовсюду слышно, как песни поют,
Тяцуми ута Чай собирая.

А за воротами – пригород старой столицы, где тесно сплелись легенды и быль.

Система образования и воспитания в эпоху Токугава (1603–1867)

Н.Ф. Лещенко

Японский мыслитель Огю Сорай (1666–1728) утверждал, что Японией было легко править, поскольку народ был неграмотным. Однако при этом он, хотя и неохотно, должен был признать, что к азам образования следовало приобщать и низшие слои общества, чтобы они могли ознакомиться с китайскими книгами, содержащими моральные нравоучения и наставления конфуцианского толка.

Многие мыслители и ученые того времени считали, что образование вредно для простого народа, поскольку оно могло, по их мнению, привести к лени и праздности, нежеланию продолжить дело родителей. Такое, конечно, случалось, и это нашло отражение в японской пословице: «Родители наживали, дети мотали, а внуки нищими стали». Сочинялись на эту тему и сэнрю, сатирические хокку (трехстишия):

«Продается дом» —
Написал красивыми иероглифами
Представитель третьего поколения[1].

Но корень зла крылся, разумеется, не в образовании: дурное поведение и вредные привычки не зависели от сословной принадлежности и рода занятий[2]. Образование позволяло сделать служебную карьеру самураям и давало возможность добиться успеха в жизни простолюдинам. Кроме того, следует иметь в виду, что обучение в школах разных типов было пронизано морально-этическими нормами конфуцианства, направлено на воспитание «добродетельного человека», призванного обеспечить мир и порядок в семье и государстве.

Следует отметить, что Япония в эпоху Токугава имела достаточно грамотное население, особенно во второй половине эпохи, причем уровень грамотности в XVIII в. был выше, чем в европейских странах.

Еще в XVI в. на это обратили внимание миссионеры-иезуиты, прибывшие в страну для проповеди христианства. Так, Луиш Фроиш отмечал, что в крупных городах большинство мужчин и женщин умело писать и читать.

[1] *Dore R.P.* Education in Tokugawa Japan. L., 1965, p. 214-215, 218.

[2] В княжеском кодексе, изданном в 1615 г., указывалось, что «главной причиной разорения княжеств служит чрезмерная приверженность к женщинам и азартным играм». – Цит. по: *Подпалова Г.И.* Крестьянское петиционное движение в Японии. М., 1960. с. 175.

Алессандро Валиньяно писал, что японцы очень способные: «Их дети очень быстро схватывают наши уроки и задания. Они овладевают чтением и письмом на нашем языке намного быстрее и легче, чем европейские дети. Низшие классы в Японии не так невежественны и грубы, как в Европе. Здесь они в большинстве своем разумны, хорошо воспитаны, и им легко дается учение»[3].

В эпоху Токугава Япония обладала довольно разветвленной сетью школ; их число выросло во второй половине и, особенно, в конце периода[4]. Большую роль в этом сыграли власти Японии – центральные и местные. У них была своя выгода – до грамотного населения было легче доводить официальные приказы и распоряжения.

Необходимость открытия школ осознал еще в 1600 г. Токугава Иэясу, встретившись с У. Адамсом. Обучение тогда велось при монастырях, и в качестве учителей выступали монахи; они же были и домашними учителями. Аристократия и основная часть высшего слоя воинского сословия были грамотными.

В XVII в. наступивший в стране мир стимулировал экономический подъем в стране. Появилась надобность в гражданских профессиях, которые требовали определенного уровня грамотности и образованности. Настало время поменять меч на кисть. Знания были необходимы и самураям, чтобы суметь найти себе дело в условиях мира, и купечеству, и сельской администрации. Необходимость образования осознавали и правители Японии, особенно Иэясу и Ёсимунэ.

Со временем в стране было открыто много школ разного типа, в том числе частных. Уже в XVII в. уровень грамотности среди всех слоев населения вырос, а образование стало носить целенаправленный характер, причем каждое сословие приобретало определенные и профессиональные навыки.

Первые шаги в области обучения даймё (князь) и самураев предпринял Токугава Иэясу[5]. Еще в 1615 г. он дал понять, что намерен поощрять образование. Кроме того, он способствовал открытию библиотек и субсидировал издание книг по вопросам управления государством.

Это было составной частью мероприятий Иэясу, направленных на стабилизацию обстановки в стране. Сёгун осознавал опасность, исходившую от «лишних» людей, действия которых могли бы нарушить мир в стране. Можно сказать, что политику правительства и местных властей в области

---

[3] Цит. по: *Николаева Н.С.* Япония – Европа. Диалог в искусстве. М., 1996, с. 20.

[4] К концу XVIII в. в стране насчитывалось 15 тыс. школ разного типа. – Нихон си дзитэн (Японский исторический словарь). Токио, 1970, с. 347.

[5] В начале XVII в., чтобы исполнять какую-либо административную должность, особой образованности и не требовалось – приказы и распоряжения отдавались большей частью устно.

образования определяла жизненная необходимость, хотя на первых порах власти вряд ли были озабочены обучением простолюдинов.

В упоминавшемся «Княжеском кодексе» статья первая гласила: «Сердце и все мысли воина должны быть посвящены искусству владения письмом, оружием, стрельбой из лука и верховой езды.

Заветом древних богов было: сначала искусство письма, а затем – военное искусство. Но ни то, ни другое не должно находиться в пренебрежении»[6].

Воспитание ума и развитие духа первого, воинского, сословия шло в рамках конфуцианского учения; неоконфуцианство – конфуцианство в интерпретации китайского философа Чжу Си (1131–1200) – было в токугавской Японии официальной государственной идеологией. Моральные принципы конфуцианства способствовали поддержанию общественного порядка, помогали регулировать человеческие отношения и нормы поведения. Ученые-конфуцианцы пользовались расположением Токугава Иэясу, а Хаяси Радзан (1583–1657), один из основоположников чжусианской школы в Японии, входил в его ближайшее окружение. Он служил у четырех сёгунов (Иэясу, Хидэтада, Иэмицу, Иэцуна) и был автором всех указов, касавшихся самураев, которые были изданы в 1624–1644 гг. «Его деятельность проявилась в том, что в период основания государства (в эпоху Токугава. – *Н.Л.*), пользуясь высочайшим покровительством, он установил нормы поведения подданных в империи, определил законы, и не было документа, используемого правительством, который бы не проходил через его руки»[7].

С именем Хаяси Радзан связано и учреждение первой в Японии высшей правительственной конфуцианской школы, которая готовила кадры чиновников для правительственных учреждений и подчинялась бакуфу. Это – Сёхэйдзака гакумондзё, известная так же как Сёхэйко, или Сёхэй гакко – Конфуцианская академия при центральном правительстве. Хаяси Радзан стал первым ректором этой академии, и эта должность стала наследственной в его семье. Кроме лекций по конфуцианству, там преподавали японскую историю и литературу, поэзию, право, военные искусства.

Создание академии стало началом правительственной системы образования для представителей высшего сословия. История ее открытия такова. Ее предшественницей была частная школа, построенная в районе Уэно в Эдо в 1630 г. сёгуном Иэмицу; при школе была и библиотека. Эта школа получила название «Кобунъин». В 1690 г. сёгун Цунаёси построил храм в Юсима, в районе Канда, куда перенес изображение Конфуция, которое ранее находилось в Кобунъин, после чего сама школа переехала на Канда.

---

[6] *Подпалова Г.И.* Крестьянское петиционное движение в Японии, с. 175. Это предписание повторилось и в кодексе 1629 г. при сёгуне Иэмицу, в 1662 г. при сёгуне Иэцуна, в 1710 г. при сёгуне Иэнобу, в 1716 г. при сёгуне Ёсимунэ.

[7] *Нагата Хироси.* История философской мысли Японии. М., 1991, с. 102.

Место назвали «Сёхэй» – так звучит по-японски китайская местность Чанпин, где родился Конфуций. Школу, библиотеку и храм объединили под общим названием Сёхэйко, деньги на ее содержание выделяло бакуфу, и она начала функционировать как правительственная школа.

В период реформ Кансэй (1787–1793) структура школы расширилась, а контроль за ее деятельностью со стороны бакуфу усилился. С 1798 г. в школу стали принимать только членов семей хатамото и гокэнин (непосредственные вассалы сёгуна), и она получила землю под строительство новых зданий. Статус школы в результате реорганизации повысился, она стала называться «Сёхэйдзака гакумондзё». Ее считают предшественницей Токийского императорского университета, в котором велась подготовка правительственных чиновников.

В предшествующий период начальное обучение детей буси (воины, самураи) происходило в основном дома. Там ребенок получал необходимые бытовые навыки – умение сидеть, поджав под себя ноги, держать палочки для еды, правильно входить в комнату. Дети с малолетства должны были вести себя в соответствии с особыми предписаниями. В мальчиках воспитывали бесстрашие, силу воли, умение владеть собой, у них развивали чувство самоуважения, умение защищать свою честь. Им внушали, что стремиться отомстить обидчику в высшей степени добродетельно. Домашнее воспитание было особенно строгим в семьях самураев высших рангов. Скорее всего, в конце XVII в. почти все самураи умели читать и писать. В качестве учителей выступали буддийские монахи, самураи.

Особой любовью пользовался старший сын, который, согласно традиции, не только наследовал имя и дело отца, но и был опекуном родителей на старости лет. Следует отметить, что мальчики с самого раннего возраста начинали ощущать свое превосходство над девочками. Особенно сильно зависимость женщины от мужчины проявлялась в самурайских семьях.

Наступивший в стране мир внес перемены в систему обучения детей первого сословия. Появились княжеские школы – их называли «ханко, хангаку, хангакко». Правда, надо отметить, что идея обучения детей в специально построенном для этого здании не была новой. Школы существовали еще в период Хэйан, когда их создавали императорский двор и кугэ (придворная аристократия); известна Асикага гакко – школа в провинции Тотиги, которая предположительно появилась в XII в. Можно привести и другие примеры. Но школы, которые открывались в период Токугава, были совсем иного рода. Их задачи и программы обучения соответствовали духу времени. По мере того, как в условиях мира общественная роль самураев падала, правление в стране становилось все более гражданским и требовались более широкие знания, чтобы найти работу в какой-либо административной структуре. Все, что было связано с гражданской стороной обучения (бун), подчинялось идее воспитания послушных подданных, которые бы не на-

рушали порядок в стране. Моральному воспитанию придавалось большое значение. Словом, кисть становилась могущественнее меча.

Этому способствовало и появление сидзюку – частных школ, которые отличались от официальных школ бакуфу и княжеств. Сидзюку размещались в доме преподавателя, существовали на денежные взносы учеников, не получали материальной поддержки от властей. Поэтому они были свободны от официального контроля, что позволяло им самим определять программу обучения. Во многих сидзюку упор делался на изучение западных наук: там обучали голландскому языку, медицине, западным военным наукам, навигации. Уровень обучения был высоким, что давало возможность после окончания стать хорошим специалистом (конечно, при наличии способностей). Число сидзюку росло: в 1829 г. их насчитывалось 437, а к 1867 г. – уже 1528[8].

Привлекательность этих школ заключалась в том, что они давали возможность обучения и самураям, и простолюдинам. Для обучения в сидзюку не имели значение ни местожительство, ни сословная принадлежность. Там при формировании групп учитывались способности ученика, и благодаря этим школам талантливые люди незнатного происхождения смогли продвинуться по бюрократической лестнице. Пользовавшиеся хорошей репутацией сидзюку привлекали на обучение молодых людей из разных мест Японии. Часто юношей отправляли на учебу власти княжества. Государство, нуждаясь в способных и квалифицированных чиновниках, принимало на службу хорошо образованных самураев низших рангов или даже простолюдинов и разрушало тем самым традиционную систему предоставления должностей[9], что способствовало повышению социальной мобильности в токугавском обществе.

Наряду с частными школами в Японии получило широкое распространение и югаку – обучение не по месту жительства.

Княжеские школы предназначались поначалу лишь для детей самураев княжества. Как правило, дети самураев поступали в школу в 7–8 лет, оканчивали ее в 22–23 года. Обучение в них было бесплатным, все расходы по содержанию школы оплачивал даймё. Число учащихся зависело от величины княжества и дохода даймё, в среднем их бывало около 500.

Сёгунат открывал школы для своих непосредственных вассалов. Дети хатамото и самураев из владений Токугава обязаны были посещать школу в возрасте от 8 до 15 лет. Их дальнейшее образование зависело от финансовых возможностей родителей, их общественного положения и от желания самого юноши чего-то добиться в жизни.

Следует отметить, что княжеские школы были разными, зачастую в зависимости от финансовых возможностей княжества. В некоторых княжест-

---

[8] *Passin H.* Society and Education in Japan. N.Y., 1965, p. 25.

[9] Japan in Transition: from Tokugawa to Meiji. Princeton, 1986, p. 197.

вах этих школ или не было совсем, или в них можно было получить только самые элементарные знания[10]. Однако, несмотря на различия, основной набор предметов в них был, как правило, одинаков – конфуцианство, история Японии и Китая, каллиграфия, этикет, кокугаку (национальная наука), литература, военные предметы.

В период бакумацу (последний период правления дома Токугава) в княжеских школах стали происходить заметные изменения. Школы начали менять свои правила. Так, в 200 из 215 княжеств сохранились документы о разрешении простолюдинам учиться в княжеских школах. Менялись учебные программы, вводились новые дисциплины, рационализировалась организационная структура. Обязательным для самураев высших рангов стало изучение права. Появились школы разного уровня и разного профиля. В 1/4 этих школ началось изучение западных наук, особенно в более развитых княжествах – Тёсю, Тоса, Сацума, Кага и Сага. Обозначился упор на обучение способных и талантливых людей.

Всего в период Токугава было 225 княжеских школ, и они, вплоть до своего упразднения в 1871 г., сыграли заметную роль в распространении грамотности. Считается, что мужская часть самурайского сословия к периоду бакумацу, скорее всего, была полностью грамотной.

Но самым распространенным типом школы были тэракоя – прихрамовые школы. Именно они обеспечивали элементарную грамотность в широких масштабах. Они возникали по всей стране, в деревнях и городах, без помощи официальных властей. По некоторым подсчетам их было более 10 тыс. Крестьяне, торговцы, горожане осваивали в этих школах азы чтения, письма и арифметики, необходимые им в повседневной жизни. Тэракоя сыграли главную роль в распространении грамотности в стране в эпоху Токугава.

Школы для простолюдинов получили такое название не случайно. Еще в период Камакура буддийские монастыри (тэра) стали своего рода центрами обучения духовенства и мирян. Монахи в то время были носителями грамотности, к ним шли, когда надо было составить какой-либо документ, получить медицинскую помощь, узнать свою судьбу. С конца периода Муромати (1338–1573) самураи перестали обучаться при монастырях, и в качестве учеников из числа мирян там остались лишь дети простолюдинов. Такое положение сохранялось до начала XVII в.

В период Токугава тэракоя стали чисто светскими школами, не имевшими непосредственных связей с храмами. Первоначальный смысл назва-

[10] Более подробно о княжеских школах см.: *Passin H.* Society and Education in Japan, p. 18–27; *Dore R.P.* Education in Tokugawa Japan, p. 68-123; *Гришелева Л.Д.* Формирование японской национальной культуры (конец XVI– начало XX века). М., 1986, с. 145-147; *Rubinger R.* Private Academies of Tokugawa Japan. Princeton, 1982, p. 5; Japan in Transition: from Tokugawa to Meiji, p. 197-201.

ния утратился, но сохранилась форма обучения. Название «тэракоя» стало употребляться для обозначения начальных школ вообще.

Тэракоя получили широкое распространение в Японии во второй половине XVII в. Так называли школы в западной части страны, а в Эдо их именовали «тэнараисё» – школа, где учили писать. В школах этого типа давалось самое элементарное начальное образование. Обучение в тэракоя было увязано с нуждами повседневной жизни детей, прививало им навыки, которые были полезны и необходимы. Родители, отправляя детей в школу, надеялись, что полученные знания помогут им добиться успеха в жизни.

Существовало несколько видов школьных заведений, объединенных названием «тэракоя», которые отличались друг от друга по разным параметрам. Например, программа обучения зависела от социальной принадлежности учеников. Пестрым был и социальный состав учителей в этих школах. В тэракоя работало примерно 17 тыс. учителей. Многие из них были самураями, ронин (самурай, лишившийся своего сюзерена), буддийскими и синтоистскими монахами, каллиграфами, лекарями, простолюдинами, причем для некоторых из них учительство не было основной работой. Иногда в роли учителей выступали богатые крестьяне или кто-либо из деревенской администрации. Учителя из монахов преобладали в тех районах Японии, где было много построенных в древние времена храмов, в которых сохранялся дух учености.

Позже в городах, прежде всего в Эдо, появились учителя, для которых преподавание стало основным видом деятельности. В основном это были выходцы из самурайской среды, что было вполне закономерно – самураи составляли большую часть населения этого города. Разные обстоятельства приводили людей к необходимости заниматься преподавательским трудом, были и такие, кто ни к чему другому не был склонен. Иногда учителями становились по причине нездоровья: такие люди брали учеников, чтобы заработать себе на жизнь. Так постепенно в Японии складывались учительские династии.

Профессиональные учителя селились в тех районах Эдо, где жили самураи, и обучали в основном детей из самурайских семей. Но среди их учеников можно было увидеть и детей горожан, поскольку не было запрета на такое совместное обучение; иногда учениками были и взрослые люди.

Среди учителей было довольно много женщин. Это были вдовы или женщины, долго прислуживавшие в домах даймё и по каким-то причинам упустившие возможность выйти замуж. В Эдо треть учителей были женщинами[11].

Тэракоя отличались друг от друга по своему материальному положению – были школы как благополучные, так и очень бедные. Они существовали за

[11] *Dore R.P.* Education in Tokugawa Japan, p. 257. Это сообщение относится к 1883 г.

счет добровольных пожертвований, регулярного жалования учитель не получал. В качестве платы ему могли принести одежду или продукты питания. Оплата труда учителя зависела от многих факторов, в частности от числа учеников. Обычно в школе обучалось 30–60 детей. Учитель был один, ему помогали члены его семьи и кто-нибудь из старших учеников.

Для занятий использовались разные помещения, большинство школ размещалось в доме учителя. Девочки и мальчики обучались вместе, только сидели по разные стороны комнаты. Девочек было меньше, чем мальчиков, образование в тэракоя получали примерно 40% мальчиков и 10% девочек. Мальчики поступали в школу в возрасте 6–8 лет и учились до 11–13 лет, после чего начинали работать или обучаться ремеслу. Девочки учились в школе на год дольше, чем мальчики.

В школу приходили не каждый день, поскольку часто дети помогали по работе в лавке или на полях. В деревенских тэракоя в период сельскохозяйственных работ устраивались каникулы. Время пребывания ученика в школе не было фиксированным, да и само понятие «урок» тогда, по-видимому, отсутствовало. Обычно дети проводили в школе 3–5 часов. Деления на классы в школе не было, обучение было индивидуальным. Ученик, приходя в школу, подходил к учителю, получал задание и садился его выполнять. У каждого была доска, на которой выполнялось задание, в конце занятий дежурный собирал эти доски и складывал в определенное место. Учили главным образом письму, чтению и арифметике, используя японские счеты – соробан. Девочек обучали шитью, чайной церемонии, искусству икэбана.

В большинстве школ проводили своего рода экзамены – ученики должны были по памяти воспроизвести текст, выбранный учителем из книги. За хорошо выполненное задание ставили не только отметку, но и давали что-нибудь в награду.

Существовали и меры наказания, но довольно мягкие. Могли оставить после уроков, поставить в угол или около доски, ударить сложенным веером, но не больно. Известно, что в одной из школ в Эдо, где часто случались драки, и ученики били друг друга крышками от коробочек для письменных принадлежностей, даже слабые попытки учителя вмешаться, чтобы урезонить дерущихся, рассматривались как насилие по отношению к ученикам. Поэтому один из известных учителей Эдо, прозванный «Учитель Гром», предпочитал призывать учеников к дисциплине строгим взглядом или словами[12].

В школах большое внимание уделялось этическому воспитанию, основой которого была конфуцианская мораль. Поощрялись опрятность, аккуратность, прилежание, хорошее поведение; вместе с тем детям прививали почтительное отношение к родителям и к учителю. Другими словами, ре-

[12] Ibidem, p. 273-274.

бенка с малых лет воспитывали в духе почитания старших, и соблюдение этого принципа было обязательным во всех социальных слоях общества, что позволяло сохранять общественное спокойствие и порядок.

Программа обучения простолюдинов не была так строго регламентирована, как для самураев. Учеба в тэракоя начиналась с обучения детей слоговой азбуке, написанию имен, географических названий, названий наиболее употребительных предметов. Следующей ступенью было изучение иероглифики по китайским книгам; здесь вникать в содержание текстов не требовалось, их заучивали наизусть. Умение читать по-японски постигалось в процессе обучения иероглифическому письму.

В качестве своего рода учебников использовались тексты, сведения из которых вряд ли могли пригодиться детям самураев и простолюдинов. Одним из самых популярных учебных пособий был «Тэйкин орай» («Письмовник»), составленный неизвестным автором в период Асикага (1338–1573). Содержание писем касалось церемоний, игр, развлечений, одежды, пищи, убранства дома, буддизма, храмов, оружия, болезней, методов их лечения и др.; приводились также образцы приветствий. Многие слова в «Тэйкин орай» устарели и были непонятны для людей, живших в XVII в. Тем не менее этот текст в течение периода Токугава переиздавался 170 раз. Использовались и еще более древние тексты – переписка аристократов хэйанской эпохи на китайском языке.

Постепенно эти письмовники стали переводить на современный язык. К ним составлялись комментарии, вводились современные понятия, на полях книг делались иллюстрации, причем бытовые сценки относились уже к периоду Токугава. Иллюстрировали эти пособия известные художники, например, Хокусай. Кроме того, письма стали объединять по определенным темам, так что постепенно текст утрачивал свой первоначальный характер и становился учебником.

Существовало множество разного рода учебных пособий, но сколько-нибудь широко была распространена только незначительная их часть. Кроме того, учителя стали сами писать учебники, которые и использовали в процессе обучения[13].

В некоторых школах к трем основным предметам добавлялись и другие дисциплины, дававшие профессиональные навыки; иногда изучали камбун (китайский текст, изданный для чтения японцами), историю, географию. С проникновением в страну западных знаний в тэракоя появлялись новые предметы[14].

[13] Ibidem, p. 276-278, 282.
[14] *Passin H.* Society and Education in Japan, p. 31.

Свидетельством того, что власти начали поощрять обучение простолюдинов, было появление гогаку (местных школ)[15], где давался более высокий уровень знаний, чем в тэракоя. Гогаку ставили своей целью подготовку образованных чиновников деревенской и городской администрации. В них дети самураев и простолюдинов обучались вместе, причем со временем число самурайских детей возрастало. Первая гогаку открылась в провинции Окаяма в 1667 г., а спустя несколько десятилетий эти школы появились во многих провинциях. Большая часть гогаку основывалась самими даймё в княжествах, но были и такие, которые открывались частными лицами. Иногда такую школу, объединившись, открывали несколько деревень или несколько кварталов в городе.

Сёгунат оказывал поддержку трем гогаку, и, по всей вероятности, 50 школ, открытых во владениях дома Токугава, находились на его содержании. Несмотря на поддержку официальных властей, значительную часть расходов несли местные жители. В их обязанности входило строительство и ремонт школ, на что власти княжеств денег не выделяли. Но они следили за учебным процессом, три раза в месяц приглашали ученых из конфуцианской академии, освобождали школьные земли от налога, предоставляли учителям разного рода привилегии.

Гогаку получили широкое распространение в первой половине XIX в. Многие вновь открывшиеся школы представляли собой, в сущности, ответвление от княжеских школ, в связи с чем они попадали под попечительство (и, конечно, под надзор) властей, которые следили за учебным процессом и контролировали учебные материалы и программы.

Многие школы имели хорошее собрание книг; по уровню обучения они были ближе к княжеским школам или к лучшим сидзюку. Можно сказать, что они обеспечивали среднее образование, тогда как тэракоя давали начальное[16]. Звездный час этих школ пришелся на последние годы сёгуната и первые годы периода Мэйдзи, а затем они послужили основой для создания общеобразовательной школы западного типа.

Несмотря на совместное обучение мальчиков и девочек в тэракоя, женское образование в токугавской Японии имело свои особенности. Статус женщины в японском обществе складывался веками. Образ жизни каждого сословия определял характер воспитания девочек в семье, но было и общее правило: в женщине следовало воспитать такое качество, как послушание – сначала отцу, в замужестве – мужу, во вдовстве – сыну. Сохранились многочисленные уставы, наставления, дневники, где содержится множество

---

[15] Этот тип школы не был унифицирован, что нашло отражение в названиях, которые зависели от того, какому предмету отдавалось предпочтение в данной школе. Гогаку назывались также «гоко».

[16] *Passin H.* Society and Education in Japan, p. 19, 37–40.

красочных и детальных сведений о жизни японской женщины в эпоху Токугава.

Среди них особо выделяются поучения и наставления, написанные конфуцианским ученым и врачом Каибара Экикэн (1630–1714), которого можно назвать пионером педагогической науки в Японии. Его знаменитый трактат «Онна дайгаку» («Поучение для женщин») девочки изучали в школе.

Вот некоторые выдержки из этого трактата[17].

1. Женщина с молодых лет должна твердо помнить о различии между мужчиной и женщиной и никогда не допускать вольностей.

2. Жена должна всячески почитать мужа как своего хозяина и господина.

3. Рано вставай, поздно ложись, будь прилежной в домашней работе.

4. Не допускай ревность в свое сердце.

5. Будь сдержанной в выражениях, не допускай многословия.

6. Убереги себя от пяти женских пороков: непослушания, гнева, клеветы, зависти, легкомыслия.

В отличие от обычая низших сословий отправлять девочек в школы, где они обучались вместе с мальчиками, обучение девочек из самурайских семей происходило дома. Для девушек из самурайских семей наиболее важным считалось получение морально-этического образования. Главной обязанностью женщины считалось рождение и воспитание детей. Ей не полагалось выставлять напоказ свою ученость. Мацудайра Саданобу, ссылаясь на примеры из китайской истории, доказывал, что когда женщина образованна и умна, это знак того, что гражданские беспорядки не за горами[18]. Девушек обучали житейским премудростям – как вести дом, учили ткать и шить; даже дочери даймё в XVII в. должны были уметь сшить одежду для себя. Так девушку готовили к замужеству. В разного рода наставлениях для женщин можно было встретить такие высказывания: если вы не умеете повиноваться, заботиться о своем внешнем виде, готовить и шить, то это может привести к разводу[19]. В богатых купеческих семьях девочек учили также умению вести хозяйство, старались привить им хорошие манеры.

То, что Япония имела в период Токугава довольно грамотное население подтверждается тем, что в то время страна пережила книжный бум. Книги разных жанров издавались большими тиражами и широко распространялись по стране. Появление многоцветной печати преобразило облик книги.

---

[17] *Dore R.P.* Education in Tokugawa Japan, p. 254.
[18] Ibidem, p. 254.
[19] Ibidem, p. 66–67.

В искусстве книжной иллюстрации прославились художники Моронобу, Харунобу, Киёнага, Хокусай, Утамаро и др.[20]

Поэзия Мацуо Басё, драмы Тикамацу Мондзаэмон, проза Ихара Сайкаку положили начало литературе нового типа и заняли особое место в культурном наследии Японии. Тогда же появились своего рода путеводители по стране. Особой популярностью пользовался путеводитель Асаи Рёи «Токайдо мэйсёки» («Записки о достопримечательностях тракта Токайдо»); он даже использовался в качестве учебного пособия.

Книжный бум оказал большое влияние на распространение образования в стране, а оно, в свою очередь, способствовало увеличению спроса на все виды книжной продукции. Популярные книги выходили тиражом в 10 тыс. экз. Коробейники с пачками книг за спиной расхаживали по улицам и дорогам Японии. Появилось много специализированных книжных лавок, где книжку можно было взять почитать за четверть или треть ее цены. В стране имелись также библиотеки, где книгу можно было взять под денежный залог[21]. К началу XVIII в. в Эдо было 656 библиотек, где желающие могли ознакомиться с книжными новинками, если у них не было возможности их приобрести[22].

Образование и воспитание в период Токугава содержали в себе немало элементов традиционного формализма, но они вполне соответствовали потребностям японского общества того времени, позволяя человеку наилучшим образом выполнять его экономическую функцию в обществе. Посещение школы стало важной частью повседневного распорядка жизни детей самураев, но образование было доступно и простолюдинам. Следует отметить, что купечество было более образованным, чем крестьяне. Общедоступное образование в Японии было светским и практичным, система обучения способствовала становлению дисциплинированных работников в разных сферах деятельности.

Уровень грамотности в Японии в 1870 г. был выше, чем в Европе[23], и возник он не на пустом месте – весь накопленный в этой области опыт в эпоху Токугава был использован в период Мэйдзи. Решительный поворот в области образования в период Мэйдзи был бы невозможен без тех многих перемен, что произошли в школьной системе в период бакумацу[24]. В стране было большое число учителей с опытом работы в школах разного типа. Не учитывая фактора образования, нельзя понять успехи Японии в экономическом развитии. Высокий уровень грамотности японского общества послужил хорошей основой для успешной индустриализации страны в период Мэйдзи.

---

[20] Более подробно см.: *Завадская Е.В.* Японское искусство книги (XII–XIX века). М., 1986, с. 105–196.

[21] *Passin H.* Society and Education in Japan, p. 12.

[22] *Гришелева Л.Д.* Формирование японской национальной культуры, с. 152.

[23] *Dore R.P.* Education in Tokugawa Japan, p. 292-294.

[24] В этот период появилось много новых школ, одних только тэракоя было открыто 4 тыс.

Тосио Сиратори и Антикоминтерновский пакт Японии и Германии: страницы истории

В.Э. Молодяков

25 ноября 1936 г. в Берлине Иоахим фон Риббентроп, германский посол в Англии и главный внешнеполитический советник Гитлера, и виконт Кинтомо Мусякодзи, японский посол в Германии, поставили свои подписи под двусторонним «Соглашением против Коммунистического интернационала», известным в истории как Антикоминтерновский пакт. Констатировав, что целью Коминтерна являются «подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам» и что «терпимое отношение» к его деятельности «не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире», стороны приняли на себя обязательства «информировать друг друга относительно деятельности» Коминтерна, «консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер» (статья 1). Статья 2 призывала заинтересованные страны присоединяться к соглашению. Этим заканчивался официальный текст.

Только после второй мировой войны были опубликованы дополнительный протокол и секретное соглашение, прилагавшиеся к пакту и вступившие в силу одновременно с ним. Протокол закрепил договоренность о взаимном «принятии в рамках ныне действующего законодательства строгих мер против лиц, прямо или косвенно, внутри страны или за границей состоящих на службе Коммунистического интернационала или содействующих его подрывной деятельности» и создании постоянной комиссии для координации практических действий сторон. Секретное соглашение раскрывало военно-политический смысл пакта. «В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется *неспровоцированному нападению* (курсив наш. – *В.М.*) со стороны СССР или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать об-

легчению положения СССР» (статья 1). «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения» (статья 2). Пакт и приложенные к нему документы имели пятилетний срок действия[1].

И советская пропаганда, и леволиберальные круги Европы и Америки сразу же охарактеризовали пакт как «адский военный план, состряпанный гитлеровским фашизмом и японской военщиной»[2]. От группы Р. Зорге советская разведка своевременно получила информацию о секретном соглашении, приложенном к пакту, которая была оперативно обнародована в прессе и использована для организации широкомасштабной контрпропагандистской кампании. Ну а после войны официальная историография и победителей, и побежденных начала с этого события отсчет конкретной подготовки «блока агрессоров» к развязыванию мировой войны. Такая трактовка до сих пор господствует в учебниках истории и популярной литературе, а также во многих исследовательских работах.

Однако, если разбираться в содержании пакта без предубеждения, то нельзя не отметить, во-первых, его неконкретность, а во-вторых, ограниченность обязательств сторон. Само по себе его появление было вполне логичным и естественным ответом на агрессивные резолюции Седьмого конгресса Коминтерна (август 1935 г.), непосредственно затрагивавшие Германию, Японию и Италию (последняя присоединилась к пакту в ноябре 1937 г., но даже не была поставлена в известность о секретном соглашении). Первоначальный вариант преамбулы, предложенный германской стороной, был еще более риторичным, но от него пришлось отказаться по настоянию японцев, которые предпочли более конкретные и деловые формулировки. Тем не менее ни сам пакт, ни дополнительный протокол никак не определяли конкретных форм и методов борьбы против Коминтерна.

Что касается секретного соглашения, то и его можно трактовать поразному: оно давало равные возможности и для оказания широкомасштабной военной помощи партнеру, и для уклонения от любой реальной помощи. Даже в качестве оборонительного союза пакт выглядел скорее «протоколом о намерениях», нежели программой действий. Ни в одной из его частей не содержалось никаких конкретных обязательств о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей стороной, что обычно являлось основой двусторонних оборонительных пактов, например советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимной помощи, заключенных соответственно 2 мая и 16 мая 1935 г., т. е. в самом начале переговоров об Антикоминтерновском пакте. Ни один из этих догово-

---

[1] Антикоминтерновский пакт, дополнительный протокол и секретное соглашение. – Цит. по: История войны на Тихом океане. Пер. с яп. М., Т. 2, 1957, с. 343-346.

[2] *Флорин В.* Германский народ под игом фашизма. – Большевик. 1937, № 3, с. 55.

ров не был секретным и трактовался как закономерная превентивная мера против возможной агрессии, а под агрессором вполне открыто подразумевалась Германия.

История подготовки, заключения и существования Антикоминтерновского пакта изучена неплохо[3], но, по нашему мнению, нуждается в серьезном пересмотре. Это может и должно стать темой специальной работы, необходимость которой для отечественной историографии очевидна. Как ни оценивать реальную эффективность Антикоминтерновского пакта, он сыграл значительную роль в мировой политике предвоенных лет и напрямую связан с предпосылками второй мировой войны. Поэтому даже частные аспекты его истории представляют существенный интерес.

Настоящая статья посвящена малоизученному вопросу об участии в подготовке и заключении пакта японского дипломата Тосио Сиратори (1887–1949), занимавшего в 1933–1936 гг. скромный пост посланника в Швеции (а также в Дании, Норвегии и Финляндии по совместительству). Личность, идеи и деятельность Сиратори – одного из самых ярких дипломатов и политических аналитиков довоенной Японии – до сих пор практически не были изучены, хотя, несомненно, заслуживают пристального внимания. В последние годы автор данной статьи предпринял детальное исследование его идей и деятельности, результатом которого стала подготовленная к печати монография «Эпоха борьбы. Тосио Сиратори и японская политика. 1930–1941». Некоторые из содержащихся в ней наблюдений и выводов ныне предлагаются вниманию читателя.

Личность Сиратори почти неизвестна в России, поэтому напомним основные вехи его биографии. Он был типичным для своего поколения дипломатом comme il faut: окончил престижную Первую высшую школу и юридический факультет Токийского университета (1914 г.) и в том же году был принят на службу в МИД. Определенную роль в этом, вероятно, сыграл его дядя – известный дипломат К. Исии, в разные годы занимавший посты посла во Франции и США, вице-министра и министра иностранных дел. Карьера Сиратори развивалась гладко, без взлетов и падений: он был секретарем посольств в США, Китае и Германии и принимал участие в нескольких международных конференциях, включая Вашингтонскую (1921-1922 гг.). Его ценили за административные способности, знание текущей политики и английского языка. До «Маньчжурского инцидента» 1931 г. он придерживался умеренных воззрений и чуждался какого-либо экстремизма.

---

[3] См. подробнее: *Токусиро Охата*. Нити-доку бокё кётэй, до кёка мондай 1935–1939 (Антикоминтерновский пакт Японии и Германии и проблема его «укрепления»); Тайхэйё сэнсо-э-но мити (Дорога к войне на Тихом океане). Токио, т. 5, 1962 (далее: ТСМ с указанием тома и страницы); Japan's Road to the Pacific War. Vol. III. Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935-1940. N. Y., 1976. Далее для удобства читателей приведены ссылки на оба варианта.

Назначение Сиратори начальником Департамента информации МИД в октябре 1930 г. было рутинным продвижением по службе. Однако американский журналист Э. Клоз был прав, сказав: «Человек по имени Сиратори сделал должность spokesman'a министерства иностранных дел Японии знаменитой»[4]. Его предшественниками интересовались только журналисты, а фамилия Сиратори не сходила со страниц газет и дипломатических депеш. И дело не только в том, что на время его пребывания в должности пришлись «Маньчжурский инцидент» и выход Японии из Лиги Наций.

Главной обязанностью начальника Департамента информации были ежедневные пресс-конференции для японских и иностранных корреспондентов. Американский журналист В. Флейшер, много лет проживший в Японии и близко знавший нашего героя, вспоминал: «Встречи Сиратори с иностранными журналистами проходили ежедневно и порой порождали такие сенсации, что ни один корреспондент не мог позволить себе пропустить хотя бы одну из них. Он давал оценку новостям лучше, чем любой японский чиновник, которого я когда-либо встречал»[5]. Сиратори отличался исключительной осведомленностью – причем не только о том, что уже произошло, но и о том, что еще только готовится, непривычными для японского чиновника свободой мнений, открытостью в общении с иностранцами и постоянной готовностью поделиться «по-дружески» конфиденциальной информацией. В сочетании с хорошим знанием английского языка это делало его исключительно привлекательным для журналистов. «Сиратори мог говорить с такой свободой и без оглядки на министерское начальство и японских представителей за границей, что стал известен как «outspokesman» МИДа»[6].

Роль Сиратори в событиях 1931-1933 гг. заслуживает отдельного рассказа. Напомним лишь, что весной-летом 1933 г. он вступил в затяжной конфликт с вице-министром иностранных дел Х. Арита, а затем и с его преемником М. Сигэмицу. Конфликт закончился назначением Сиратори посланником в четыре скандинавских страны, что он вполне резонно воспринял как изгнание. В сентябре 1933 г. «возмутитель спокойствия» с видимой неохотой покинул Токио и отправился через Тихий океан и США в Европу.

Об этих годах его жизни известно мало. Процитируем мемуары того же В. Флейшера – едва ли не единственное свидетельство, имеющееся в нашем распоряжении: «В Швеции Сиратори проводил время в разъездах по стране, чтении Конфуция, беспокойстве относительно шведских налогов на японский фарфор и периодических поездках в Норвегию и Данию, где он был также аккредитован, хотя его штаб-квартира находилась в Стокгольме.

---

[4] *Close Upton*. Behind the Face of Japan. N. Y., 1942, p. 265.
[5] *Fleisher Vilfrid*. Volcanic Isle. Garden City. N.Y., 1941, p. 255.
[6] Ibidem, p. 253.

Визиты в Копенгаген наносились по ходу поездок в Берлин, и он использовал эту возможность для того, чтобы не только поездить по Германии, но и приложить руку к более важным делам, например, к переговорам об Антикоминтерновском пакте, в которых он, как считается, сыграл наиболее важную роль. Он с нетерпением ждал возвращения в Токио, где его взоры были устремлены на портфель министра иностранных дел, которого он давно желал, но никак не мог заполучить. Когда я был проездом в Стокгольме летом 1935 г, Сиратори давал мне обед, на который пригласил Свена Гедина, знаменитого шведского путешественника. Гедин спросил Сиратори, почему японские войска, находившиеся в Маньчжурии, в то время вторгались в Северный Китай, за линию Великой Китайской стены. На это японский дипломат ответил, что они «подобны хорошо известным Гедину пескам монгольских пустынь, а потому проникают повсюду»[7].

Здесь появляется еще одно важное действующее лицо. Гость японского посланника Свен Гедин был не просто одним из известнейших путешественников XX в., который прославился исследованиями Азии, Монголии и Тибета и стал легендой уже в начале столетия. Будучи убежденным германофилом, он неоднократно использовал свой авторитет и всемирную известность для выступлений в поддержку германской политики[8]. По окончании первой мировой войны Гедин свел знакомство с одним из основателей современной геополитики Карлом Хаусхофером, генерал-майором в отставке и профессором Мюнхенского университета. Если Гедин едва ли был напрямую связан с Антикоминтерновским пактом, то Хаусхофер и его старший сын Альбрехт имели к нему самое непосредственное отношение.

История драматичных отношений Хаусхофера с нацистской верхушкой достаточно известна. Рудольф Гесс был его аспирантом и относился к учителю с глубоким уважением, на которое тот отвечал искренней дружеской симпатией: Гесс был принят в семье Хаусхоферов как родной, называл профессора просто «Карли» и много лет дружил с Альбрехтом. Именно они стояли за полетом Гесса в Англию в мае 1941 г – отчаянной попыткой предотвратить угрозу войны на два фронта[9]. В 1923 г. (или в 1924 г.) Гесс познакомил Хаусхофера с Гитлером, который сразу проявил интерес к генералу-профессору. Хаусхофер не обольщался на счет своего нового знакомого, но оценил его потенциал лидера и «поставил» на него. Однажды Альбрехт спросил отца, зачем тот возится с нацистами. «Будем учить наших будущих хозяев», – ответил старый геополитик[10]. Потом Альбрехт

---

[7] Ibidem, p. 257-258.

[8] *Hedin Sven*: Germany and World Peace. L., 1937; Amerika im Kampf der Kontinente. Berlin, 1943; Berlin Diary. Dublin, 1951.

[9] См. подробнее: *Irving David*. Hess. The Missing Years, 1941–1945. L., 1989; *Молодяков В.* Последний полет Рудольфа Гесса. – Подмосковье, 1996, № 27-31.

[10] *Fischer Louis*. Russia's Road from War to Peace. Soviet Foreign Relations 1917–1941. N. Y., 1969, p. 446 (без ссылки на источник).

Хаусхофер станет членом антигитлеровского Сопротивления и будет расстрелян за две недели до конца войны, а его отец покончит собой весной 1946 г.

Карл Хаусхофер был одним из наиболее последовательных и влиятельных сторонников сближения с Японией, которое однако рассматривал не как самоцель, но как необходимый этап на пути реализации глобального проекта «евразийской оси» Берлин – Москва – Токио[11]. Напомним, что в 1909–1911 гг. Хаусхофер был баварским военным атташе в Токио и установил хорошие связи в японских военных кругах, а по возвращении в Германию выпустил ряд классических трудов, включая «Дай Нихон. Об армии, обороноспособности, позиции на мировой арене и будущем великой Японии» (1913) и «Геополитика Тихого океана» (1923). Неизвестно, встречался ли Сиратори с ним лично, хотя это вполне возможно (например, по рекомендации Гедина), но его знакомство с идеями и работами Хаусхофера не вызывает сомнений. Есть все основания предполагать личное знакомство Сиратори с Альбрехтом Хаусхофером, работавшим у Риббентропа и уделявшим, как и его отец, особое внимание дальневосточным проблемам. В свою очередь старший Хаусхофер наставлял Риббентропа в геополитике. Отвечая после войны на вопросы американских офицеров, он сказал, что учил будущего рейхсминистра «читать карты». «Что вы имеете в виду под чтением карт?», – переспросил один из американцев. Хаусхофер сухо, но внушительно ответил: «Я учил его базовым политическим принципам»[12].

Все перечисленные люди сыграли ключевую роль в подготовке японо-германского сближения. С момента прихода Гитлера к власти она велась с обеих сторон, но довольно вяло и неофициально. Поэтому преувеличивать ее значение на раннем этапе (до весны 1935 г.) не следует. Со стороны Японии инициатором сближения выступали военные круги, со стороны Германии – партийные. Дипломаты обеих стран не только не видели реальных перспектив сотрудничества, напротив, интересы двух стран фатальным образом пересекались в Китае, где Германия традиционно поддерживала Чан Кайши. Китайский диктатор закупал оружие и в веймарской, и в нацистской Германии, а в его армии активно работали германские военные советники, включая бывшего командующего рейхсвером генерала Ханса фон Секта. Поэтому не только дипломатические, но и военные и военно-промышленные круги Германии предпочитали ориентироваться на Китай. В то же время японская армия еще с начала периода Мэйдзи использовала германский опыт и в целом была настроена прогермански. Типичным выразителем этих настроений был бывший военный министр генерал Кэнъити

---

[11] См. подробнее: *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Берлин – Москва – Токио. – Элементы. 1996, № 7.

[12] Цит. по: *Kilzer Louis C.* Churchill's Deception. The Dark Secret that Destroyed Nazi Germany. N. Y., 1994, p. 68 (оригинал – в Национальных Архивах США).

Осима. Его сыну, военному дипломату Хироси Осима суждено было сыграть решающую роль в подготовке Антикоминтерновского пакта.

В 1966 г. 80-летний Осима сказал американскому историку Х. Бервальду: «Да, можно сказать, что Риббентроп и я были очень близкими друзьями. Мы часто встречались по вечерам. Мы были хорошими приятелями, славно проводя время за вином и ликерами. Пожалуй, тот первый Антикоминтерновский пакт никогда не был бы заключен, если бы между Риббентропом и мной не существовала близкая дружба»[13].

Первая известная нам попытка японско-германского сближения при нацистском режиме относится к 1934 г., и состоялась она еще без участия Осима. Практических результатов встреча не дала, но интересна тем, кто в ней участвовал. «7 апреля 1934 г. [Рудольф] Гесс в частном порядке встретился с японским военно-морским атташе контрадмиралом [Эндо] Ёсикацу у профессора [Карла] Хаусхофера на Кольбергер штрассе 18 [в Мюнхене] и обратился к нему с полуофициальными предложениями, хотя и германская армия, и министерство иностранных дел явно предпочитали Китай Японии. Марта Хаусхофер подавала чай, а профессор переводил. Поначалу оба были сдержаны в своих суждениях, но затем Гесс заявил в открытую: «Ну что ж, я могу сообщить вам – а я говорю от имени фюрера – мы искренне желаем, чтобы Германия и Япония шли одним курсом. Но я должен заметить, что в этом не может быть ничего такого, что поставило бы под угрозу наши отношения с Великобританией». Эндо расплылся в одобрительной улыбке, которая обнажила его золотые зубы, а Хаусхофер облегченно вздохнул. В своих неопубликованных записях он описал эту встречу как первый шаг на пути к Антикоминтерновскому пакту, который страны заключили в ноябре 1936 г.»[14].

Отметим следующие важные моменты. Во-первых, инициатива исходила не от Гесса, т. е. не от руководства Германии, а от Хаусхофера или от японцев. Во-вторых, с германской стороны переговоры вел заместитель Гитлера по партии, а не военный или дипломат. Наконец, Гитлер и Гесс ставили отношения с Великобританией выше любых перспектив союза с Японией.

5 марта 1934 г. 47-летний полковник Осима был назначен военным атташе в Берлин. Он уже имел неплохой опыт полевой, штабной и военно-дипломатической службы, в том числе в качестве помощника военного атташе в Германии в 1921–1923 гг. и военного атташе в Австрии и в Венгрии в 1923–1924 гг. Он хорошо владел немецким языком, любил Германию и восхищался ее армией, а также видел в нацистском опыте вполне подходящую для Японии модель социальных и политических преобразований, хотя в Токио подобные воззрения еще долго оставались непопулярными. Круг

[13] Deterrent Diplomacy, p. 3 (предисловие Х. Бервальда к переводу работы Т. Охата).
[14] *Irving D.* Hess. The Missing Years. 1941–1945, p. 48.

обязанностей Осима был неширок, учитывая ограниченные масштабы военного сотрудничества двух стран. Главная работа шла по линии сбора разведывательной информации (прежде всего о Советском Союзе) и обмена ею с германской стороной.

Осима полагалось заниматься только военными вопросами, но в их решении он был полностью независим от посла. Согласно существовавшим правилам, японские военные атташе могли и должны были самостоятельно вести переговоры по всем военным вопросам, но при этом они же сами и решали, какие вопросы относятся к их компетенции, а какие нет. Именно это определило характер подготовительного, наиболее важного этапа переговоров об Антикоминтерновском пакте: Осима не ставил посла в известность, посылая свои доклады прямо в военное министерство и Генеральный штаб (ни один из этих документов не сохранился, и о них известно только из показаний самого Осима и других лиц). По мере того, как военные круги проникались идеей сближения двух стран, они вступали в контакт с министерством иностранных дел, которое давало соответствующие инструкции послу. Когда в конце 1935 г. японский посол Мусякодзи отправился в Токио, покинув Берлин почти на полгода, активность Осима только возросла.

Переговоры начались весной 1935 г. Риббентроп приписывал инициативу сближения с Японией Гитлеру[15], однако никакие другие источники это не подтверждают. Версия об инициативе самого Риббентропа, также слабо документированная, была закреплена в вердиктах Нюренбергского и Токийского процессов и в послевоенных мемуарах германских дипломатов. Впрочем, последние служат исключительно целям оправдания их авторов и возлагают всю мыслимую и немыслимую вину на бывшего начальника, не останавливаясь ни перед чем, а потому по большей части не заслуживают доверия. Если говорить об окружении Риббентропа, то там важную роль играл Ф. Гак, лоббист той части военно-промышленного комплекса, которая была заинтересована в торговле с Японией[16]. Однако послевоенные исследования наглядно показывают, что инициатива исходила от Осима. В этом он и сам признавался на старости лет в частных беседах, опровергая таким образом свои показания на Токийском процессе и предшествовавшем ему следствии, где преуменьшал собственную роль и «валил» все на покойного Риббентропа[17].

---

[15] *Риббентроп И.* фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996, с. 89.

[16] *Такэси Оки.* Фридрих Гак то Нихон кайгун (Фридрих Гак и японский военный флот). – Сюсэн гайко то сэнго косо (Внешняя политика конца войны и послевоенные концепции). – Кокусай сэйдзи. (1995), № 109.

[17] International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings. Vol. 1-22 + Index and Guide. Vol. I-V. New York-London, 1981–1987, p. 5913-5918 (далее: IMTFE с указанием страниц).

Переговоры протекали полуконспиративно. Осенью 1935 г. Риббентроп, наконец, представил Осима Гитлеру. С этого времени военный атташе и рейхсканцлер встречались неоднократно и достигли взаимопонимания и взаимного доверия. Осима надеялся на заключение хотя бы ограниченного военного союза, но не мог рассчитывать на успех, не имея необходимых полномочий и не будучи уверен в том, что его поддержат в Токио. Риббентроп не стремился к военному союзу, напротив, хотел сделать будущий пакт как можно более идеологическим и потому открытым для других стран. В расширении задуманного им пакта он видел залог успешного продвижения к желанному креслу министра иностранных дел.

Слухи о переговорах, более того, об их успешном завершении, опережали ход событий. Дневник американского посла в Берлине У. Додда (источник популярный, но переполненный недостоверными сведениями и откровенной дезинформацией) фиксирует сведения о том, что некий японско-германский пакт уже заключен (!), в записях от 25 марта, 26 мая, 29 мая, 25 июня, 11 июля 1935 г. и 29 февраля 1936 г.[18], т. е. за много месяцев до его подписания. Среди информаторов доверчивого посла были его английский и советский коллеги сэр Э. Фиппс и Я.З. Суриц. Правительственные круги Великобритании и СССР, располагая надежной информацией о подготовке пакта, инспирировали ее «утечку» в печать, нервируя этим японское правительство[19].

После военного мятежа 26-29 февраля 1936 г. в Токио[20] новый кабинет возглавил бывший министр иностранных дел К. Хирота, который считал своей главной задачей обеспечение японской экспансии на континенте при благожелательном нейтралитете со стороны Великобритании, США и СССР. Поэтому перспективу готовящегося союза он воспринял без особого энтузиазма, не видя его реальных выгод для Японии, но зато представляя себе возможные осложнения. Новый министр иностранных дел Х. Арита, стремившийся не портить отношения с военными кругами, отнесся к идее сближения положительно, но выступил против военного союза с конкретными взаимными обязательствами. По его словам, он предпочел бы половинчатое соглашение, подписанное «серыми», т. е. сильно разведенными, чернилами, а не густой черной тушью, которой полагалось ставить подписи под договорами[21]. И министр, и премьер руководствовались не столько симпатией к Германии, сколько страхом перед СССР и усугублением меж-

---

[18] Дневник посла Додда. 1933-1938. М., 1961, с. 297, 324, 326, 330, 334-335, 400-401.

[19] *Лемин И.М.*: Германо-японские взаимоотношения. – Тихий океан. 1935, № 1; Перекличка Токио-Берлин. – Там же. 1936, № 2.

[20] *Молодяков В.Э.* «Инцидент 26 февраля» шестьдесят лет спустя. – Япония 1995–1996. Ежегодник. М., 1996, с. 214-229.

[21] *Хатиро Арита*. Хито-но мэ-но тири-о миру: гайко мондай кайсороку (Видеть соринку в чужом глазу: воспоминания о внешнеполитических проблемах). Токио, 1948, с. 277; Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996, с. 170-172.

дународной изоляции, однако ни тот, ни другой не хотели связывать Японию конкретными обязательствами, хорошо понимая ограниченность возможностей их страны противостоять неуступчивым и недоброжелательно настроенным державам[22].

Теперь попробуем разобраться, какую же роль в подготовке и заключении пакта сыграл Сиратори.

Современники с самого начала утверждали, что с японской стороны пакт подготовили Осима и Сиратори, причем роль второго называли «едва ли не главной»; до войны неоднократно подтверждали это и они сами[23]. В мемуарах В. Флейшера есть интересная запись, относящаяся к 1937 г.: «Когда я спросил Сиратори, какова была его роль в переговорах, он привел в пример бытующую в Японии притчу о китайских солдатах второй линии, которые во время боя должны стрелять в солдат первой линии, когда те попытаются бежать. Сиратори сказал, что он как раз и был тем самым «китайским солдатом второй линии»»[24].

Вероятно, нет оснований приписывать Сиратори инициативу в проведении переговоров, которая, судя по всему, принадлежала исключительно Осима, но он мог оказать ему неоценимую помощь и поддержку при конкретных контактах с Риббентропом и сотрудниками его аппарата. Осима был, бесспорно, сведущ в военных вопросах, но недостаточно опытен в политических и дипломатических. Риббентропу также недоставало дипломатического опыта. Ну а Сиратори удачно сочетал в себе кадрового дипломата, эрудированного и способного политического аналитика и просто контактного человека, к тому же неплохо знавшего немецкий язык. Видимо, он помогал Осима облекать его замыслы и идеи в конкретную форму (а может, и подсказывал их?) и консультировал его по конкретным вопросам. Положение нашего героя было, мягко говоря, непростым, особенно перед лицом посла Мусякодзи, коллеги и старшего товарища по службе, в сферу влияния которого он весьма бесцеремонно вторгся. Поэтому вся его возможная помощь Осима была не только неофициальной, но и конфиденциальной. Можно предположить, что именно тогда между ними возникли отношения взаимного доверия и симпатии, которые обеспечили их слаженные совместные действия по «укреплению» Антикоминтерновского пакта в 1938-1939 гг.

---

[22] *Кубота Гэйлорд.* Арита Хатиро. Нити-доку бокё кётэй-ни окэру усудзуми иро гайко-но тэнкай (Арита Хатиро. Развитие «дипломатии серых чернил» в Антикоминтерновском пакте Японии и Германии). – «Кокусай сэйдзи». (1976), № 56.

[23] *Bisson T.A.* How the Axis Became a Triangle. – Amerasia, vol. 2, № 12 (February 1939); *Chamberlin William H.*. Japan in China. L., 1937, p. 69; *Inahara K.* Toshio Shiratori, Son of Nature. – Contemporary Japan. Vol. X, № 1 (January 1941). Интервью: Дзимбуцу камисибая (Портретная галерея). Сиратори Тосио. – Бунгэй сюндзю. 1937, № 4; Дзимбуцу камисибая. Осима Хироси. – Там же, 1938, № 10.

[24] *Fleisher V.* Volcanic Isle. Garden Sity, p. 175.

Участие Сиратори в подготовке пакта не было документировано, что облегчило ему защиту во время Токийского процесса. На следствии и на суде он отрицал даже сам факт знакомства с Риббентропом, пояснив: «Разумеется, я не имел надобности искать его (знакомство. – *В.М.*)»[25]. Он признал, что виделся с Осима несколько раз в Берлине, когда приезжал туда из Швеции (т.е. с лета 1934 по конец 1936 г.), но настаивал, что их знакомство было беглым. О пакте вообще не сказано ни слова. Удивительно, что не спрашивали о нем и следователи, хотя книга Флейшера была им известна.

Той же линии придерживался на следствии и Осима: «Обвиняемый Сиратори никогда не был связан с переговорами об Антикоминтерновском пакте.

Вопрос: Я говорю не об этом. Встречались ли вы с Сиратори по различным поводам в Берлине и обсуждали ли с ним содержание пакта?

Ответ: Нет. Сиратори приезжал, но по другим поводам.

Вопрос: Когда он посещал Берлин по другим поводам, вы и он обсуждали вопросы, связанные с пактом? Я думаю, вы можете ответить да или нет.

Ответ: Нет, он – нет.

Вопрос: Разве вы на допросе не говорили (следователю. – *В.М.*) мистеру Хайду, что вы обсуждали этот пакт несколько раз с Сиратори в Берлине?

Ответ: Нет. Если так, то это ошибка следователя. Повторяю. Как мне вспоминается в связи с тем, что я говорил следователю, Сиратори в это время посещал Берлин, и вопрос о пакте упоминался, но никакого обсуждения содержания пакта между ним и мной не было.

Вопрос: Итак, вы считаете, что есть разница между упоминанием пакта и его обсуждением.

Ответ: Конечно. Я сейчас объясню. Когда он (Сиратори. – *В.М.*) приехал в Берлин, ему сказали, что сейчас идут переговоры о таком пакте, но ничего не говорилось о его содержании или о том, что предполагается в будущем, и никаких дальнейших дискуссий в этой связи не было. Это вообще был первый раз, когда я встретил Сиратори; раньше я не знал его»[26].

Этот пространный фрагмент приведен для того, чтобы показать, как Осима решительно выгораживал своего друга (далеко не все подсудимые вели себя столь благородно), хотя мог бы спокойно свалить все на него. Возможно, он отрицал это знакомство и для разрушения концепции «заговора», выдвигавшейся обвинением. Судьи не стали бы разбираться, солдатом какой линии был Сиратори, если бы удалось доказать хоть какую-нибудь его причастность к Антикоминтерновскому пакту. А так это ему и не инкриминировалось.

---

[25] Следственное дело Сиратори: Кокусай кэнсацукёку (IPS) дзиммон тёсё (Материалы международной следственной комиссии). Токио, т. 10, 1993, с. 90.
[26] IMTFE, p. 34085-34086.

Говоря о конкретном участии Сиратори в подготовке пакта, необходимо вернуться к вопросу о характере и целях этого соглашения, которые, несомненно, отражали и позицию нашего героя. Бесспорно, пакт был направлен не столько против Коминтерна, сколько против СССР. И Германия, и Япония в тот момент имели все основания считать Советский Союз своим главным политическим и военным противником, непосредственно угрожавшим как их безопасности (в том числе через коммунистическое движение), так и дальнейшей экспансии, направленной для Германии на пересмотр Версальского договора, а для Японии на укрепление ее позиций в Китае. Разумеется, открыто афишировать факт направленности пакта против СССР как государства ни Германия, ни Япония не могли.

Однако нарком иностранных дел М.М. Литвинов, опираясь на точную информацию разведки, имел все основания открыто говорить об антисоветском характере пакта, издеваясь над неуклюжими оправданиями германских и японских дипломатов. Выступая на Восьмом Всесоюзном Съезде Советов 28 ноября 1936 г., он обрушил на пакт всю силу своего знаменитого сарказма: «Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести эти переговоры в течение пятнадцати месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить с японской стороны генералу, а с германской – «сверхдипломату»... Все это свидетельствует о том, что «антикоминтерновский пакт» фактически является тайным соглашением, направленным против Советского Союза... Не выиграет также репутация искренности японского правительства, заверившего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом»[27].

В день принятия окончательного решения о заключении пакта[28] Риббентроп направил японскому послу Мусякодзи дополнительную ноту, прилагавшуюся к секретному протоколу, в которой заявлялось, что положения заключенных ранее и остающихся в силе советско-германских договоров (Рапалльский договор 1922 г. и Берлинский договор о нейтралитете 1926 г.) не противоречат новому пакту[29]. Германия не отказывалась от них и отделяла их как дипломатические документы общего характера от нового соглашения. Получив ноту, Мусякодзи отправил телеграмму министру Арита, в которой решительно говорил, что «дух этого пакта является единственной основой будущей германской политики в отношении Советского Союза» и что Риббентроп подтвердил правильность такого понимания[30]. Япония ждала конкретных гарантий, опасаясь односторонних действий

---

[27] *Литвинов М.М.* Внешняя политика СССР. М., 1937, с. 184-188.

[28] Решение о заключении соглашения было принято 23 октября 1936 г., поэтому указанные документы помечены этим числом.

[29] ТСМ, 5, с. 34 // Deterrent Diplomacy, p. 263-264.

[30] Ibidem.

своего партнера по сближению с СССР, что могло казаться невероятным, но что как раз и случилось в августе 1939 г. Риббентроп гарантии дал, но оставил Германии «запасной выход».

Подписание пакта сопровождалось специальными заявлениями обеих сторон, разъяснявшими их цели и намерения: сначала их сделали лично Риббентроп и Мусякодзи, а затем оба правительства[31]. Риббентроп атаковал решения Седьмого конгресса Коминтерна и действия коммунистов в Испании, превознося значение пакта: «Заключение соглашения, подписанного Германией и Японией, против Коммунистического Интернационала является эпохальным событием. Это поворотный пункт в борьбе всех цивилизованных государств против сил разрушения». Пышная риторика контрастировала со скромным содержанием опубликованного текста и наводила на мысль, что за ним скрывается нечто большее. Краткое и более сдержанное заявление Мусякодзи ограничилось констатацией факта вмешательства Коминтерна во внутренние дела других стран и его особой враждебности к Германии и Японии со ссылкой на резолюции Седьмого конгресса Коминтерна.

Заявление правительства Германии имело подчеркнуто общий и вполне дипломатический характер: оно акцентировало внимание на оборонительной сущности пакта и его направленности против Коминтерна как организации, не упоминая СССР или Москву. В заявлении японского правительства, более конкретном и довольно агрессивном, прямо говорилось о Седьмом конгрессе Коминтерна и гражданской войне в Испании, о китайских коммунистических армиях как угрозе Японии и о совместном сопротивлении коммунизму как основе пакта. За этим, однако, следовали специальные разъяснения, что пакт не направлен против какой-либо третьей страны, т. е. СССР. Несомненной дипломатической ошибкой было упоминание секретных соглашений в рамках пакта, наличие которых категорически отрицалось, хотя об их существовании давно знали заинтересованные лица и не переставала твердить пресса. Заявления показали различия в подходах и намерениях сторон: Япония подчеркивала политический характер пакта, а Германия – идеологический.

Свидетельствуют об этом и «разъяснения» Хирота и Арита, адресованные Тайному совету, который должен был утвердить текст пакта и рекомендовать его к подписанию[32]. Хирота заявил, что применительно к Японии пакт ставит целью предотвратить большевизацию Восточной Азии и усиление военной угрозы со стороны СССР. Одновременно премьер считал нужным «воздержаться от принятия каких-либо позитивных мер, которые могут осложнить отношения с Советским Союзом», а также «развивать

---

[31] Заявления Риббентропа и Мусякодзи: Documents on International Affairs. 1936. L., 1937, p. 299-301. Заявления правительств: Deterrent Diplomacy, p. 265-267.
[32] IMTFE, p. 22480-22483, 22487-22488.

дружественные отношения между Японией и Британией и Соединенными Штатами». Арита показал рост внешнеполитической активности СССР, сославшись на договоры с Францией и Чехословакией, нерасторжимую связь СССР и Коминтерна и привел конкретные примеры его действий. Он подчеркнул, что приняты необходимые меры предосторожности: Коминтерн как объект действия соглашения официально не идентифицируется с Советским Союзом, а дополнительный протокол не подлежит оглашению.

На самом заседании Тайного совета 25 ноября 1936 г. особое внимание было уделено возможным последствиям заключения пакта для советско-японских отношений, в частности применительно к готовой к подписанию, но еще не заключенной новой рыболовной конвенции[33]. Перед лицом этого вопроса Арита имел, как говорится, бледный вид: еще 16 и 17 ноября он заверял советского полпреда К.К. Юренева, что слухи о заключении и даже подготовке антисоветского соглашения с Германией беспочвенны. Советское правительство справедливо признало разъяснения министра неудовлетворительными и дало жесткую оценку позиции Японии, постоянно повторявшуюся на всех уровнях и по всякому поводу[34]. Арита уверял членов Тайного совета, что СССР не отважится на решительные действия, но советское правительство сначала «отложило» рассмотрение вопроса о рыболовной конвенции, а затем и вовсе отказалось ее подписывать. Договор был утвержден, но популярности правительству, несмотря на пропагандистскую кампанию, не прибавил.

Реакция на Антикоминтерновский пакт в Японии в отличие от Германии была разноречивой и порой весьма критической: его положения представлялись расплывчатыми, выгоды от него – туманными, а ущерб в виде срыва подписания рыболовной конвенции, более выгодной, чем прежняя, заключенная в 1928 г., – очевидным[35]. Он стал одной из причин падения кабинета Хирота, который явно досадовал на то, что пакт был подписан при нем. В. Флейшер свидетельствует: «Пакт был настолько непопулярен, что когда Сиратори, один из его соавторов, возвратился в Японию со своего поста в Швеции в конце 1936 г., родственники и друзья передали ему в Кобэ, куда он прибыл, совет воздержаться от любых интервью и заявлений о пакте, потому что они могут существенно испортить его карьеру»[36].

Теперь пришло время задать вопрос: каково было отношение Сиратори к коммунизму и к СССР в тот момент? Материалом для ответа на него являются два письма Сиратори к Арита, посланные из Стокгольма в Брюс-

---

[33] Ibidem, p. 5968-5972, 22490-22492.

[34] Правда, 18; 21.11. 1936. Ср.: «W». Japan-Soviet Misunderstanding. – Contemporary Japan. Vol. 5, № 3 (December 1936).

[35] См. подробнее: *Ikle Frank W.* German-Japanese Relations, 1936–1940. A Study in Totalitarian Diplomacy. N. Y., 1956, ch. 6 («Praise and Criticism»).

[36] *Fleisher V.* Volcanic Isle. Garden City, p. 174.

сель (где Арита тогда был послом) 4 и 12 ноября 1935 г., т. е. за год до заключения пакта[37]. Необходимо отметить сугубо частный характер этих писем, как бы ни пыталось обвинение на Токийском процессе доказать обратное.

Сиратори начал с того, что главной задачей японской политики является устранение иностранных влияний из Маньчжурии и «собственно Китая». Как известно, японцы, не считали Маньчжурию частью Китая. Тогда, писал Сиратори, эти территории окончательно окажутся в сфере господства Японии. Впрочем, это не предполагало полного экономического вытеснения США и Англии из Китая (но не из Маньчжурии!), потому что такой вариант был заведомо нереален: без войны они своих экономических позиций не уступили бы. Китай должен иметь наилучшие отношения с Японией и сотрудничать с ней; если он к этому не стремится, его придется заставить. Сиратори считал, что Китай (особенно лидеры Гоминьдана) «не понимает своего счастья», ориентируясь на Лондон и Вашингтон, а не на Японию, потому что только последняя может освободить его от гнета «белого империализма», хотя и не вполне бескорыстно. В результате на Дальнем Востоке воцарится мир, которого жаждут все стороны и прежде всего Япония.

Переходя к «русскому вопросу», Сиратори называл СССР не только главным препятствием на пути реализации японской политики в Маньчжурии и в Китае, но даже единственным государством, которое реально угрожает Японии. Он был уверен, что Сталин не отказался от ленинской концепции мировой революции, которая развивает и продолжает экспансионистскую внешнюю политику царской России. Сиратори полагал, что в настоящий момент Советскому Союзу для полномасштабной внешней экспансии не хватает сил, но не желания. Поэтому его более всего занимала практическая оценка военного, политического и экономического потенциала СССР как противника в будущем противостоянии, а возможно, и в войне, к мысли о неизбежности которой он склонялся все больше.

По мнению Сиратори, Япония должна предотвратить усиление позиций СССР на Дальнем Востоке, не упуская момент и проявляя инициативу. Он считал, что Советский Союз пока слаб и неспособен к эффективной войне против Японии, но понимал, что время работает на Россию, в том числе с учетом ее колоссальных ресурсов и несомненных успехов первой и второй пятилеток. Поскольку Москва заинтересована в мирных отношениях со

---

[37] Архив МИД Японии. А-1-0-0-6. Отдельная единица хранения под названием «Переписка Сиратори-Арита. Сёва 10.11» (ноябрь 1935 г.). Фотокопия с машинописи; местонахождение оригиналов неизвестно. Анализ писем: *Рёити Тобэ*. Гайко-ни окэру «сисотэки рикё»-но танкю: Сиратори Тосио-но кодо гайкорон (Поиск «концептуальных оснований» внешней политики: Сиратори Тосио и его «дипломатия императорского пути»). – Кокусай сэйдзи. 1982, № 71; *его же*. Сиратори Тосио то «кодо гайко» (Тосио Сиратори и «дипломатия императорского пути»). – Боэй дайгаку киё. № 40, с. 79-86.

своими соседями, а для Японии война не является самоцелью, он предлагал приступить к немедленным переговорам, но считал возможным и нужным вести их с позиции силы.

Потенциальные требования и условия Японии представлялись ему так: демилитаризация Владивостока, вывод войск из Внешней Монголии (МНР), затем демилитаризация Забайкалья вкупе с уступками в вопросах рыболовства, лесных концессий и т.д. В число первоочередных требований Сиратори включил покупку «по умеренной цене» Северного Сахалина с последующими переговорами о покупке Приморья, о чем он неоднократно говорил еще в начале 30-х годов[38]. Кроме того, он предупреждал, что позиция Японии должна быть заявлена жестко и определенно: переговоры не дадут желаемых результатов, если вести их так же «нерешительно», как во время покупки КВЖД.

Под это Сиратори попытался подвести теоретическую базу, заявив, что славяне и раса Ямато неизбежно столкнутся в борьбе за господство на Дальнем Востоке и на Азиатском континенте в целом. Не сводя вопрос к «текущему моменту», он заметил, что проблема не исчерпывается настоящим положением дел или конкретной формой власти в СССР. Иными словами, Сиратори видел в России исконного геополитического противника Японии, которая, находясь в данный момент времени в более выгодном положении, должна принять все возможные меры к ослаблению Советского Союза. Однако он не агитировал непременно за войну, а считал ее крайним средством разрешения сложившегося противостояния. Надо готовиться к войне и не отказываться от нее на тот случай, если переговоры по предлагавшемуся им сценарию не увенчаются успехом.

В поисках союзников Сиратори обращал взоры к Германии и Польше, исходя из их враждебности к России. Рассчитывал ли он на тройственный антисоветский союз Токио, Берлина и Варшавы? Возможно. Но в таком случае Сиратори явно недооценивал непримиримый антагонизм Германии и Польши: первая так и не признала официально нерушимости своих восточных границ, определенных Версальским договором, а вторая еще в 1933 г. вынашивала планы превентивной войны против западного соседа[39]. Отметим, что позиция Гитлера по отношению к Польше была, как ни странно, мягче, чем у его предшественников, не оставлявших надежд на реванш и ориентировавшихся на союз с Советской Россией, у которой, в свою очередь, были весьма обоснованные территориальные претензии к Польше со времени войны 1920 г. Однако и сам маршал Ю. Пилсудский, и его наследники-«пилсудчики» во главе с министром иностранных дел полковником

---

[38] Документы внешней политики СССР. М., т. XIV, 1969, с. 215 (А.А. Трояновский в НКИД; № 145 от 31 марта 1932 г.); 757 (А.А. Трояновский в НКИД; 23 января 1932 г.; в комментариях).

[39] *Hoggan David L.* The Forced War: When Peaceful Revision Failed. Costa Mesa, 1989, p. 35-37. Это – лучшая работа по истории германо-польских отношений в 30-е годы.

Ю. Беком были одержимы идеей «Великой Польши», способной одновременно противостоять и Германии, и России. В ответ они добились только вражды со стороны обеих держав.

Увлекаясь нарисованной им самим картиной, Сиратори потребовал даже разрыва с Россией, считая его насущной необходимостью, более важной, чем вопросы разоружения и проблемы Китая (напомним, что после перемирия в Тангу в 1933 г. Япония не вела боевых действий на континенте). Разрыв и демонстрация силы, по его мнению, могли раз и навсегда избавить Японию от опасности с севера. Настоящий момент он считал самым подходящим, поскольку, по его оценке, Советской России понадобится еще десять лет, чтобы стать державой, с которой Япония не сможет справиться. Сиратори полагал, что Россия еще не компенсировала людские потери первой мировой и гражданской войн. Кроме того, он считал коммунистический режим СССР слабым и лишенным массовой поддержки, однако вовсе не исключал возможности ее появления в будущем. Иными словами, Сиратори довольно низко оценивал потенциал России на данный момент, но предвидел ее будущее усиление по всем направлениям. «В настоящий момент шансы хороши», – вот его вывод и главная мотивировка немедленных действий. Он хотел видеть Россию «слабой капиталистической республикой», ресурсы которой легко будет поставить под иностранный (читай: японский) контроль.

Сделанный им анализ ситуации не отличается прозорливостью, но причиной заблуждений Сиратори-аналитика стало то, что всю информацию он брал из третьих рук, разделяя популярные воззрения, а с ними и заблуждения своего времени. Однако в отличие от многих современников он не страшился идеологической «коммунистической угрозы», видя в России прежде всего геополитического противника.

Арита не согласился со многими выводами своего корреспондента, в частности о наличии реальной возможности союза с Германией и Польшей против СССР, о быстром крахе Советского Союза в результате войны и о том, что славянам и японцам роковым образом суждена битва за Азию. Он счел откровенно утопическими требования Сиратори о демилитаризации частей советской территории, но признал, что от СССР надо потребовать прекращения «подрывной деятельности» и коммунистической агитации в Азии, прежде всего в Китае и Индии, где Япония могла бы выступить гарантом против «большевизации». Арита ни в коей мере не считал войну с СССР неизбежной и не склонен был недооценивать его военный потенциал, а потому согласился с мыслью о необходимости перевооружения Японии, дабы иметь необходимый тыл для переговоров с северным соседом.

Антикоминтерновский пакт был заключен с расчетом на перспективу, однако его эффективность оказалась ничтожной, если не сказать призрачной. В. Флейшер приводит слова Сиратори, сказанные им в конце 1936 г.,

что пакт составлен нарочито неконкретно и подобен раме, в которую можно вставить любую картину[40]. В самом деле, трудно подобрать более точное определение. Сиратори, по словам Флейшера, считал это достоинством пакта, поскольку его формулировки можно было трактовать как угодно. Но в этом же была и его внутренняя слабость, а потому уже весной 1938 г. и в Токио, и в Берлине определенные круги повели борьбу за «укрепление» пакта, за превращение идеологического «протокола о намерениях» в полноценный военно-политический союз с конкретными взаимными обязательствами. Осима и Сиратори, назначенные в 1938 г. послами соответственно в Германию и Италию, сыграли главную роль в этом процессе. Но это уже тема отдельного исследования.

«Укрепление» Антикоминтерновского пакта в 1938-1939 гг., как известно, закончилось неудачей. Раздосадованный медлительностью японского правительства и откровенным саботажем со стороны министра иностранных дел Х. Арита, Гитлер заключил в мае 1939 г. «стальной пакт» с Италией, а в августе удивил мир пактом Молотова-Риббентропа. Справедливости ради надо заметить, что Риббентроп – давний сторонник союза не только с Японией, но и с Россией – предупреждал японских дипломатов о такой возможности уже 20 апреля 1939 г., на приеме в честь 50-летия Гитлера, но никто (кроме Сиратори!) не внял этому предостережению и не оценил его по достоинству[41].

Заключение советско-германского договора о ненападении, а затем и договора о дружбе и границе в августе-сентябре 1939 г. фактически похоронило Антикоминтерновский пакт (хотя формально он оставался в силе) и вызвало тяжелые осложнения в японо-германских отношениях. И в этой ситуации, когда Осима находился в шоке, Сиратори решительно высказался за нормализацию отношений с СССР, а затем первым в Японии предложил перейти к установлению союзнических отношений с Берлином, Римом и Москвой в рамках «союза четырех» или «континентального блока», за создание которого ратовал Хаусхофер. Неизменно рассматривая геополитические факторы как первичные и, следовательно, несравненно более важные, нежели идеологические, Сиратори не испытывал страха перед «коммунистической угрозой», а позднее пришел к выводу о внутреннем родстве советского строя с другими формами «тоталитаризма», включая германскую и отчасти японскую. Это подготовило его поворот от антисоветской к просоветской позиции летом-осенью 1939 г.

---

[40] *Fleisher V.* Volcanic Isle. Garden City, p. 175.

[41] Телеграммы Х. Осима (Берлин) в адрес Х. Арита (Токио) №№ 370 и 371 от 21 апреля 1939 г.: Гэндайси сирё (Материалы по новейшей истории). Токио, 1964, т. X, с. 257-259 (обе телеграммы составлены Сиратори). Документы показывают, что Арита никак не отреагировал на это предупреждение.

В начале 1941 г. японский журнал «Contemporary Japan», рассчитанный на иностранного читателя, поместил рекламную статью о Сиратори, которого в очередной раз прочили на пост министра иностранных дел. Содержащиеся в ней оценки и комментарии весьма интересны. «Взаимопонимание и объединенные усилия Сиратори и Осима привели к заключению Антикоминтерновского пакта между Японией и Германией, который обозначил начало новой главы в дипломатической истории нашей страны – декларацию независимой дипломатии и позитивный шаг в сторону «оси». Антикоминтерновский пакт рассматривался и до сих пор рассматривается некоторыми как шаг, направленный против Советской России. Однако сомнительно, что Сиратори, содействуя пакту, имел в виду эту цель... Он придавал основное значение пакту как новому повороту национальной дипломатии, а не как шагу, направленному против Советской России. Стоит вспомнить, что на обратном пути из Италии, где он был послом (с октября 1938 по сентябрь 1939 г. – *В.М.*), Сиратори высказался в пользу более тесных отношений с Советской Россией. Поступая таким образом, он не мог не предвидеть критики, которая ожидала его дома и не заставила себя ждать, но четко обозначил то направление, в котором уже работала его мысль»[42].

В заключение приведем фрагмент из записи беседы Сталина и Риббентропа в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. Риббентроп «заметил, что Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западных демократий». Сталин ответил, что пакт «испугал главным образом лондонское Сити и мелких английских торговцев», а Риббентроп с удовольствием подхватил, что «господин Сталин, конечно же, напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем лондонское Сити и мелкие английские торговцы»[43]. Иными словами, предлагалось забыть и об осуждении «сговора зачинщиков войны», и об усилиях Риббентропа и Осима привлечь к нему Англию, потому что геополитические и геостратегические реалии радикально изменились. И позиция Сиратори целиком отвечала изменившимся реалиям.

---

[42] *Inahara K.* Toshio Shiratori, Son of Nature, p. 58-59.

[43] Запись из архива МИД Германии: СССР – Германия. [Кн.] 1-2. Vilnius, 1989. Кн. 1., с. 68 (№ 34).

Вопросы экономических отношений между СССР и Японией в 1943–1944 гг.

К.Е. Черевко

Ликвидация японских концессий на Северном Сахалине

После Сталинградской битвы и, особенно, сражения на Курской дуге, наступления союзников против Японии в Юго-Западной части Тихого океана и против Германии в Северной Африке (с последующим переносом военных действий на территорию Италии) Советский Союз стал более настойчиво требовать ликвидации японских нефтяных и угольных концессий в северной части Сахалина в соответствии с остававшимися секретными до 30 марта 1944 г. заверениями бывшего министра иностранных дел Японии Мацуока, данными им при подписании пакта о нейтралитете и в его письме от 31 мая 1941 г., о том, что этот вопрос будет решен не позднее, чем через шесть месяцев. Речь шла о нефтяных концессиях в восьми месторождениях – Оха, Нутово, Эхаби, Чайво, Пильтун, Ныйво, Уйглекуты и Катангли на восточном берегу Сахалина – и двух угольных концессиях в Дуэ и Агнево на его западном берегу, предоставленных Японии с 1925 до 1970 г. с правом на бурение новых нефтяных скважин, полученных Японией в октябре 1941 г. до 1943 г. включительно[1].

4 июня 1943 г., принимая посла Японии Сато в связи с задержанием японской стороной советских судов «Ингул» и «Каменец-Подольск», приобретенных в США, В.М. Молотов также заявил протест в отношении невыполнения Токио обязательства ликвидировать японские нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине. Вручая протест советского правительства, нарком расценил отход японской стороны от своевременного выполнения этого дважды данного в письменной форме обещания как нарушение условий заключения пакта о нейтралитете.

Посол Сато сказал, что согласно упомянутым письмам Мацуока личное обещание о ликвидации концессий было дано в надежде на скорое заключение рыболовного и торгового соглашений, которые до сих пор не подписаны не по вине японской стороны.

---

[1] Подробнее см.: *Ильин А.К.* К ликвидации японских концессий на Северном Сахалине и пролонгации на пять лет рыболовной конвенции. – Большевик. 1944, № 9, с. 70; *Stephan J.* Sakhalin: A History. L., 1971, p. 110, 131-141.

Молотов не удовлетворился этим ответом и в беседе с послом Японии 15 июня стал еще более настойчиво требовать выполнения обещания Мацуока[2].

Не отвергая необходимость положительного решения данного вопроса, Сато вместе с тем отметил, что это потребует значительного времени и терпения. Кроме того, японский посол добавил, что письма Мацуока не выходят за рамки личных обещаний и не являются условием пакта о нейтралитете, так как о них не упоминалось при ратификации сторонами этого договора. Тем не менее отсрочка с решением этой проблемы была вызвана началом войны на Тихом океане с союзниками СССР и изменившимся отношением к рассматриваемому вопросу со стороны правительства и общественности Японии.

Молотов сказал, что без обещания ликвидировать японские концессии на Северном Сахалине успешные переговоры о заключении пакта не могли бы состояться, и этот факт не подвергался никакому сомнению вплоть до осуществления ратификации упомянутого договора[3].

Однако отнюдь не возражения советского наркома, а стремление укрепить отношения с СССР в условиях ухудшения положения держав оси и опасения, что в недалеком будущем под предлогом нарушения обещания Мацуока Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне своих союзников или, по меньшей мере, предоставит США военные базы на своей территории на Дальнем Востоке, вынудило Токио пойти на уступки Москве.

Дополнительной причиной изменения позиции Японии в этом вопросе явились приближающееся окончание сроков разрешенного бурения новых скважин, неудача попыток получить промышленным путем очищенный бензин из хвои сосновых лесов, нефть из сланцев Северного Сахалина, а также сравнительно небольшой объем добычи нефти в этом районе, хотя он и оставался весьма перспективным[4].

О том, какую позицию займет Токио на переговорах по вопросу о ее нефтяных и угольных концессиях на Северном Сахалине, стало известно из дешифровки телеграммы № 16 министра иностранных дел Японии ее послу в СССР от 28 июня 1943 г.

Этот документ гласил: «Японское правительство стремится поддержать нормальные отношения между Японией и Советским Союзом и побуждать Советский Союз строго придерживаться пакта о нейтралитете. В этих целях японское правительство желает активно разрешить ряд спорных вопросов между Японией и СССР, в частности на определенных условиях ком-

---

[2] *Кутаков Л.Н.* История советско-дипломатических отношений. М., 1962, с. 400.

[3] *Юхаси С.* Сэндзи ниссо косё сёси (Краткая история японо-советских переговоров в период войны.1941–1945 гг.). Токио, 1974, с. 102-103.

[4] *Lensen J.* The Strange Neutrality. Tallahassee, 1972, p. 139.

пенсации передать советской стороне нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине.

Примите меры к тому, чтобы данные переговоры не вызвали охлаждения между Японией и Германией»[5].

Решение отказаться от концессий на компенсационной основе было принято 19 июня 1943 г. на координационном совещании правительства и императорской ставки, а также 26 июня на совещании руководства армии, флота и МИДа Японии при условии, что Советский Союз подтвердит свою приверженность пакту о нейтралитете.

3 июля Сато сообщил Молотову о готовности вступить в переговоры по данному вопросу, поскольку заявления сторон, сделанные 21 мая 1943 г. о намерении соблюдать пакт о нейтралитете, прокладывали путь к ликвидации упомянутых концессий. При этом решение данного вопроса Сато увязал с достижением договоренности о рыболовстве как жизненно важной для Японии, выдвинув ее в качестве причины уступки Токио в вопросе о концессиях.

Серьезным оказался и технический вопрос о том, будет ли соглашение о ликвидации концессий предшествовать договоренности о компенсации или последует за ней. Токио настаивал на первом варианте, Москва – на втором.

8 июля Сато на встрече с Молотовым вновь прямо обусловил согласие на подписание соглашения о ликвидации концессий подтверждением сохранения в силе пакта о нейтралитете и парафированием новой рыболовной конвенции.

Советский нарком заметил, что обещание передать концессии на Северном Сахалине Советскому Союзу имеет отношение только к заключению упомянутого пакта и вопрос лишь в том, чтобы Япония выполнила свои прежние обязательства, хотя он не возражает против одновременного рассмотрения вопросов о концессиях и рыболовстве.

Молотов, полагая, что быстрой договоренности с японской стороной о ликвидации концессий ему самому достичь не удастся из-за позиции, занятой Токио, заявил, что он будет занят более важными проблемами войны с Германией и поэтому поручает продолжение переговоров с японской стороной своему заместителю С.А. Лозовскому.

Сато довел до сведения советского наркома японские условия ликвидации концессии.

1. Компенсация за оборудование и расходов по ликвидации соответствующих японских компаний (96,1 млн. иен, из которых одни только долги компаний составляли 45 млн. иен, т.е. больше, чем стоимость КВЖД, проданной Японии).

---

[5] Очерки дешифровальной службы ВЧК–КГБ. М., 1967, с. 112.

2. Компенсация за утрату прибыли от концессий с момента их ликвидации до истечения срока, на который они были получены, т.е. до 1970 г. включительно (42,5 млн. иен).

3. Оплата компенсации в товарах СССР, предпочитаемых Японией.

4. Продажа Японии по незавышенным ценам сахалинской нефти (по 200 тыс. т в год) и сахалинского угля (по 100 тыс. т в год) в течение десяти лет. (Кстати, в 1941 г. Мацуока согласился на продажу 100 тыс. т нефти в год в течение пяти лет. Однако это требование в 2 раза превышало ежегодную добычу нефти японцами.)[6]

Молотов возразил против компенсации предполагаемой прибыли вплоть до 1970 г. посчитав это новым условием, позволяющим произвольно требовать от СССР любую крупную сумму, и напомнил, что с Мацуока он договорился об установлении сроков ликвидации концессий, которые должны быть точно оговорены в соглашении.

Японский посол заметил, что определение размера компенсации потребует два-три месяца, и только после достижения договоренности о сумме компенсации он будет готов подписать соглашение о ликвидации концессий, а не наоборот, как это предлагает советская сторона.

Последняя, понимая, что в условиях ухудшения положения Японии и других стран оси время работает на Москву, не торопила Токио. В Москве были уверены, что со временем удастся снизить размеры компенсации Японии, а также уменьшить объем продаваемой ей нефти до 50 тыс. т в течение пяти лет после войны[7] и урезать ее права на рыболовство в советских территориальных водах.

На встречах Сато 15 и 23 июля и 8 августа с Лозовским, а также 24 августа 1943 г. с Молотовым советские представители в ответ на готовность японского посла приступить к переговорам ограничивались указанием на то, что ликвидация концессий была тесно связана с заключением пакта о нейтралитете в 1941 г., но до сих пор она не осуществлена японской стороной.

Политика затягивания и осложнения переговоров осуществлялась СССР, а не Японией, как считает Л.Н. Кутаков[8]. Этому способствовали как нараставшие трудности с японскими поставками необходимых продуктов на Северный Сахалин в связи с общим ухудшением экономического положения Японии в условиях военного времени (в частности под ударами союзников СССР сократился тоннаж ее торгового флота), так и усиливавшийся продовольственный кризис, обострявший потребность в заключении с СССР новой рыболовной конвенции.

---

[6] АВП РФ, ф. 06, д. 031, л. 17, 288-293, 317-322. См.: *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений, с. 401.

[7] АВП РФ, ф. 06, д. 031, л. 17.

[8] *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений, с. 400.

Вот почему 10 ноября на встрече с Молотовым Сато внес предложение не передавать вопрос об определении компенсации за японское оборудование концессий на рассмотрение специальной комиссии, а позволить ему назвать примерную сумму компенсации, чтобы не затягивать решение этого вопроса.

Молотов согласился, что изменение способа оценки компенсаций облегчит проведение переговоров, но неясность сроков ликвидации концессий оставляет данный вопрос по-прежнему нерешенным.

Что же касается стремления японцев обсудить с русскими проблемы рыболовства, то 15 ноября Лозовский, заявив Сато, что они не связаны с вопросом о концессиях, все же выразил готовность решить их параллельно на основе взаимности.

Японская сторона приняла эти предложения, и советско-японские переговоры Лозовксий–Сато начались 26 ноября в Куйбышеве.

На первом заседании Сато согласился с предложениями советской стороны, касавшимися ликвидации японских угольных и нефтяных концессий. Вместе с тем японский посол поставил вопрос о том, чтобы при ликвидации концессий Токио не потерпел убытка.

В ответ Лозовский возразил, что СССР не может нести ответственность за те убытки концессий на Северном Сахалине, которые были вызваны просчетами в управлении со стороны японских компаний.

Он добавил, что Токио не следует рассчитывать на компенсацию за неиспользованные месторождения, право на эксплуатацию которых японцы получили, приобретая упомянутые концессии. Такая постановка вопроса вытекала из условий их ликвидации, обещанной официальным представителем Японии в обмен на согласие СССР заключить с нею пакт о нейтралитете.

Далее, обойдя молчанием замечание Сато о том, что японский министр отнюдь не отказывался при этом от компенсации, Лозовский поинтересовался, какими товарами Япония хотела бы получить компенсацию.

7 декабря на втором заседании Лозовский подчеркнул, что подписание соглашения о ликвидации концессий должно предварять заключение новой рыболовной конвенции.

В тот же день советник посольства Японии в Москве К. Камэяма сообщил начальнику японского направления в наркомате иностранных дел СССР Н.И. Генералову, что стоимость компенсации за ликвидацию всех японских концессий на Северном Сахалине Токио исчисляет почти в 100 млн. иен (99 060 тыс. иен за вычетом 2950 тыс. иен наличными, ценными бумагами и товарами).

На заседании 17 декабря Лозовский обусловил поставки в Японию по незавышенным ценам угля и нефти с Северного Сахалина как стратегиче-

ского сырья дополнительным требованием, чтобы Япония экспортировала в СССР сырой каучук, который также является стратегическим сырьем.

Но Сато отвел это требование, считая, что оно коренным образом меняет позицию СССР. Предложение посланника Японии Морисима согласиться с ним в обмен на экспорт из СССР платины также не получило поддержки в Токио.

В ответ на это Лозовский попытался объяснить изменение позиции СССР тем, что со времени договоренности с Мацуока в мире произошли серьезные перемены в военной обстановке, имея в виду развязывание Японией войны на Тихом океане.

Японская сторона указала на то, что война никак не связана с проблемой концессий и поставками в Россию сырого каучука из Японии.

На заседании 7 января 1944 г. Сато снизил требование о продаже Японии нефти и угля в течение пяти лет с момента подписания соглашения о ликвидации концессий с 200 тыс. т до 150 тыс. т, а Лозовский уменьшил этот объем до 100 тыс. т, обусловив начало поставок окончанием войны на Тихом океане.

Проект соглашения японской стороны был представлен 7 февраля, а проект советской стороны – 19 февраля. 10 марта соглашение о ликвидации японских концессий, оформленное специальным протоколом, было парафировано, а 30 марта подписано в Москве заместителем наркома иностранных дел СССР Лозовским и послом Японии в Советском Союзе Сато.

И хотя в этом соглашении указывалось, что оно вступало в силу в день подписания, фактически протокол по данному вопросу приобрел силу только после одобрения его Тайным советом Японии, противодействия которого опасался МИД, и ратификации его императором Хирохито.

С учетом складывающейся международной обстановки, прежде всего неблагоприятного для стран оси положения на фронтах второй мировой войны, председатель совета Кикудзиро Исии оценил подписание протокола как замечательный успех японской дипломатии и с похвалой отозвался о японском после в СССР в присутствии императора[9].

Ликвидация японских угольных и нефтяных концессий на территории СССР явилась несомненным успехом советской дипломатии, которая умело использовала для этого наступление Красной Армии против Германии с выходом к западным границам Советского Союза, разгром его союзниками Италии, одной из трех держав оси Берлин–Рим–Токио, и нарастающее наступление вооруженных сил США и Великобритании на центральном оперативном направлении в юго-западной части Тихого океана (Новая Гвинея, Каролинские, Марианские и другие острова).

---

[9] *Lansen J.* The Strange Neutrality, p. 89-91, 279-281.

В то же время похвала председателя Тайного совета Исии в адрес японского посла в СССР Сато была, на наш взгляд, не случайной.

Это объяснялось следующими причинами, которые специально не выделялись советской историографией, делавшей акцент лишь на успехах дипломатии СССР.

Во-первых, в качестве серьезной и жизненно важной уступки Японии, которая существенно ослабила продовольственный кризис в этой стране, потребляющей рыбу и морепродукты как основной источник животных белков, данное соглашение было обусловлено одновременным подписанием об оставлении в силе на пять лет советско-японской конвенции 1928 г., в соответствии с которой за японской стороной сохранялось право на беспошлинный лов рыбы и крабов в ряде участков советских территориальных вод.

Во-вторых, в соглашении о ликвидации концессии указывалось, что этот документ подписывается во исполнение договоренностей, достигнутых в связи с пактом о нейтралитете между СССР и Японией 1941 г.[10], т.е. косвенно подтверждалось обязательство Советского Союза не вступать в войну против Японии на стороне своих союзников.

Это обстоятельство вселило в японские власти уверенность в том, что они поступили правильно, перебросив в конце 1943 – начале 1944 г. из Маньчжурии в юго-западную часть Тихого океана, где сложилось критическое положение в феврале-марте 1944 г., 14-ю дивизию (на Каролинские острова) и 29-ю дивизию (на о-в Сайпан, Марианские острова), а также штабы 2-го армейского корпуса во главе с генералами Корэтика Анами и 2-й армии Фусатаро Тёсима (к берегам Филиппин)[11]. Немного ранее для противодействия контрнаступлению союзников в район к северу от Австралии была переведена 36-я дивизия из Китая и 46-я из Японии[12].

Вопросы рыболовства в советско-японских отношениях

Проблемы рыболовства не только являлись наиболее важными в экономических связях СССР и Японии, но и оказывали определенное влияние на политический климат в двусторонних отношениях.

В центре внимания обеих стран находились вопросы японского рыболовного промысла в советских территориальных водах, которые регулировались конвенцией 1928 г., срок которой истек в 1936 г., но он ежегодно продлевался до 25 марта 1943 г.

---

[10] Ibidem, p. 79.

[11] *Хаяси С.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964, с. 90-92.

[12] *Хаттори Т.* Япония в войне. 1941–1945, М., 1973, с. 344.

В связи с этим в 1943–1944 гг. были проведены новые переговоры, и 19 марта 1944 г. сторонами был парафирован, а 30 марта того же года подписан новый протокол о продлении советско-японской рыболовной конвенции, т.е. одновременно с протоколом о ликвидации японских концессий в СССР.

Исходя из того, что в бассейне Тихого океана бушевала война, в 1943 г. Советский Союз предложил на переговорах по вопросам рыболовства, чтобы японская сторона воздержалась от заходов своих рыболовных судов в заливы и устья рек, которые были к этому времени закрытыми по конвенции 1928 г., и чтобы она отказалась от управления любыми рыболовными участками у восточных берегов п-ова Камчатка и Олюторского залива до окончания войны на Тихом океане. По мнению советской стороны, этот район должен был считаться закрытым для военных операций японского военно-морского флота, а также сухопутных и военно-воздушных сил Японии. Советская сторона обращала внимание японских партнеров на то, что в 1942 г. только 15 из 149 рыболовных участков, которые были предоставлены Японии, эксплуатировались японскими рыбопромышленниками, а в 1943 г. японцы вообще прекратили лов рыбы[13].

СССР высказывался за то, чтобы часть рыболовных участков у его берегов сдавались в аренду японцам «по принципу торгов». Япония возражала, пытаясь добиться, чтобы участвующие в аукционах советские организации заранее отказались от аренды тех участков, которые выберут для себя японцы, и могли арендовать только те участки, на которые последние не претендовали. Кроме того, они предлагали снизить число рыболовных участков, арендуемых советскими организациями, с 10% (по предложению японцев в 1941 г.) до 8%.

Эти предложения Японии так же, как и попытка ограничить акваторию в бассейне Тихого океана, в которой рыболовство в целях сохранения промысловых ресурсов было запрещено, были отвергнуты советской стороной.

В конечном счете Япония была вынуждена пойти на значительные уступки нашей стране главным образом в связи со своим ухудшающимся положением на фронтах войны с союзниками Советского Союза по антифашистской коалиции. Таким образом, Япония хотела удержать СССР от вступления в войну на стороне США в условиях, когда наметились перелом в пользу Советского Союза в войне с фашистской Германией и перспектива высвобождения части советских вооруженных сил для возможных совместных с союзниками действиях против Японии как одной из держав оси Берлин–Рим–Токио.

В 1-й статье Протокола о продлении рыболовной конвенции 1928 г. между СССР и Японией устанавливалось, что она продлевается не на один

[13] *Lensen G.A.* The Strange Neutrality, p. 101-102.

год, как это было во всех предшествующих случаях, а на пять лет начиная с 1 января 1944 г. В связи с этим японцы надеялись, что Советский Союз не нарушит в ближайшее время пакт о нейтралитете между СССР и Японией, который также был заключен сроком на пять лет с возможностью его пролонгации еще на пять лет в случае, если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует его.

В Протокол были внесены важные изменения по сравнению с прежней конвенцией 1928 г., которые ограничивали права японцев в рыболовстве в территориальных водах СССР (ст.3). Японцам, как и другим иностранцам, запрещалось вести лов рыбы 1) в Авачинской бухте в зоне, образуемой линией от мыса Крутов до бухты Бешевонская включительно; 2) в заливе Де-Кастри в зоне, образуемой линией от мыса Южный до бухты Крестовая включительно; 3) в Советской гавани в зоне, образуемой координатами от 49 градусов 26 минут северной широты и 140 градусов 27 минут восточной долготы до пункта 140 градусов 11 минут восточной долготы; 4) в бухте Ольга и бухте Владимир в зоне, образуемой линией от устья р. Лафула до мыса Нахвальный; 5) в заливе Петра Великого, в том числе заливе Посьет в зоне, образуемой линией от о-ва Опасный до устья р. Туменьула.

В 4-й статье Протокола указывалось, что налоги и пошлины на продукты японского рыболовного промысла в территориальных водах Советского Союза на каждый лот должны будут составлять 30% их стоимости, что было значительно выше, чем это определялось ранее. В 5-й статье устанавливались специальные повышенные платежи за лов таких ценных пород рыбы, как сибирский лосось, кижуч, чавыча и другие, а также на промысел краба.

В ноте, направленной полномочным представителем Японии в СССР Наотакэ Сато в день подписания Протокола (30 марта 1944 г.) заместителю иностранных дел СССР С.А. Лозовскому, выражалось согласие закрыть до окончания войны на Тихом океане рыболовные участки у восточного побережья п-ва Камчатка и в Олюторском заливе[14].

Полпред СССР в Японии Я.А. Малик так оценивал отношение к подписанным Протоколам сотрудников японского МИДа, недовольных недостаточно активной политикой своего руководства по улучшению связей с СССР: «Чиновники МИДа благоприятно восприняли заключение соглашений между СССР и Японией от 30 марта 1944 г. и склонны считать, что с Россией Япония всегда может и должна жить в дружбе»[15]. Аналогичного мнения придерживались придворные круги Токио во главе с министром императорского двора Ц. Мацудайра, представители военно-морских сил, некоторая часть промышленников. Например, один из руководящих со-

[14] Moscow News. 01.04.1944.

[15] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, д. 803а, л. 220. Цит. по: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941–1945 гг. М., 1995, с. 194.

трудников компании «Окура», пожалуй, наиболее ярко выразил опасения японцев: «Мы очень боялись, чтобы Советский Союз не стал воевать с нами. В этом случае положение Японии стало бы просто ужасным. Мы очень довольны заключением соглашений от 30 марта»[16].

1 апреля 1944 г. на следующий день после подписания протоколов о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине и продлении японо-советской рыболовной конвенции все японские газеты поместили полные тексты этих документов и Коммюнике информбюро Японии, в котором, как отмечал полномочный представитель СССР в Японии Я.А. Малик, подписанные документы нарочито тесно увязывались с договоренностями между Токио и Москвой, зафиксированными в советско-японском пакте о нейтралитете 1941 г.[17].

В коммюнике официальные власти Японии пытались скрыть вынужденный характер уступок, связанных с укреплением позиции СССР на международной арене в результате побед на фронтах войны с фашистской Германией и ухудшения международных позиций Японии вследствие ее поражений в войне на Тихом океане с союзниками СССР. Токио стремился представить подписанные протоколы не как вынужденные уступки, сделанные Японией в результате активизации советской дипломатии в новых, благоприятно складывающихся условиях, а как фактор стабилизации и однозначного укрепления советско-японских отношений.

К сожалению, в некоторых работах, опубликованных в России и Японии в последние годы, констатируется лишь такая односторонняя оценка документов в японской печати. На самом деле Токио не просчитал всех последствий дипломатического курса Москвы. И.В. Сталин, одобрив подписание протоколов, с одной стороны, укреплял экономические позиции СССР на Дальнем Востоке, с другой стороны, стремился усыпить бдительность Японии. Дело в том, что на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г., на которой поднимались вопросы скорейшего открытия второго фронта против Германии, Сталин еще до вступления в силу Устава ООН, который предусматривал принятие коллективных мер против агрессоров (ст. 1, 103, 107), заверил Соединенные Штаты в том, что Советский Союз в свою очередь вступит в войну против Японии по окончании войны в Европе, даже если это потребовалось бы сделать вопреки пакту о нейтралитете между СССР и Японией[18].

---

[16] Там же

[17] АВП РФ, ф. 0146, оп. 28, п. 254, д. 3. ЛЛ. 258-264. Документы впервые опубликованы Б.Н. Славинским (См.: *Славинский Б.Н.* СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1941–1945, с. 335).

[18] См.: *Суравински Б.Н.* Ниссо тюрицу дзёяку. 1941–1945 (*Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между Японией и СССР). Токио, 1996, с. 237-239; его же. СССР и Япония на пути к войне. М., 1999, с. 335-337.

Послевоенная земельная реформа в Японии

В.А. Попов

Аграрный вопрос в новой и новейшей истории Японии всегда занимал важное место. Среди реформ, проведенных в связи с революцией Мэйдзи 1868 г. (в Японии это эпохальное историческое событие принято называть «Мэйдзи исин», что можно перевести как «обновление или реставрация Мэйдзи»), важное значение имели аграрные преобразования. В первую очередь следует отметить такие мероприятия, как отмена феодальной зависимости крестьян, а также феодальной собственности на землю, запрета на продажу земли, введение свободы выбора возделываемых культур. Одной из важнейших акций была замена феодальной земельной ренты государственным поземельным налогом. Он стал на многие годы важнейшим стабильным источником финансирования государственного бюджета. Для того чтобы реализовать эту реформу, потребовалось предварительно выдать удостоверения о праве собственности на землю (тикэн). В связи с этим были составлены кадастровые книги, в которые были занесены имена землевладельцев, качество и цена их земли. В апреле 1873 г. было опубликовано «Положение о реформе поземельного налога». Последний устанавливался в размере 3% стоимости земли в денежной форме. Собственник уплачивал также местный налог в размере 1% цены земли.

Реформа поземельного налога была большим событием в процессе разложения феодальных отношений. В то же время она ускорила экспроприацию крестьянства и концентрацию земли в руках класса новых помещиков, сложившегося к этому времени из представителей разных слоев населения. Большое число крестьян лишилось земли, которая была продана за неуплату налога. В результате площадь арендной земли росла.

Одним из результатов реформ Мэйдзи исин было изменение положения крестьян в обществе. Крестьянство было провозглашено равноправным с другими сословиями. Были отменены многие ограничения, касавшиеся одежды, жилища, занятий той или иной деятельностью, местожительства и т.п. Старые формы крестьянской кооперации, основанные на традиционной взаимопомощи, уступили место кооперативам европейского типа. Первые кооперативы появились в 1881 г. В 1900 г. был принят закон, разрешающий создание кредитных, сбытовых, закупочных и производственных кооперативов.

Что касается положения самого крестьянства, то оно почти не улучшилось. Канадский ученый-японовед Г. Норман писал о послереформенном периоде: «Большинство сельского населения, хотя и было освобождено от оков феодализма, тем не менее не могло рассчитывать на защиту своих ин-

тересов со стороны государства; последнее видело свою задачу в охране интересов помещичьего класса, которому гарантировано право частной собственности на землю»[1]. Арендная плата для рисовых полей достигала 60% стоимости всего урожая. «Чрезмерно высокая арендная плата уничтожала стимул к получению предпринимательской прибыли»[2].

Тем не менее в течение многих пореформенных лет число арендаторов и площадь арендной земли увеличивались. В то же время в деревне накопился избыток населения, часть которого искала работы в городе. Таким образом расширялся рынок рабочей силы. Как подчеркивал Г. Норман: «Одним из важнейших результатов аграрной реформы Мэйдзи было создание рынка рабочей силы»[3].

Крестьянство и, естественно, сельскохозяйственное производство, в первую очередь производство продовольствия, в конце XIX – начале XX в. испытывали большие трудности, особенно в 30-е годы XX в. В кризисные 1930–1931 гг. резко упали цены на сельскохозяйственную продукцию. Увеличился ввоз риса из Кореи и Тайваня, где было налажено производство риса японского сорта. Доля сельскохозяйственного производства в национальном доходе непрерывно снижалась.

В 20–30-е годы правительство приняло ряд законодательных актов, чтобы в определенной степени решить проблемы деревни. Наиболее важными были два закона. Один из них – Закон об особых мерах по созданию хозяйств крестьян-собственников был принят в 1926 г., второй – Закон об упорядочении сельскохозяйственных земель – в 1938 г. Однако оба этих закона так же, как и другие правительственные меры, существенно ситуацию не улучшили. В годы, предшествовавшие второй мировой войне и, в особенности, во время войны обострились все противоречия в деревне.

В 1939 г. был издан правительственный «Указ о контроле над арендной платой», в 1940 г. были введены обязательные поставки риса, в 1941 г. они были распространены на пшеницу и ячмень, в 1942 г. – на другие культуры. В силу ряда причин во время войны арендная плата продолжала увеличиваться, но цены на рис росли быстрее. Вследствие этого и других причин усилились попытки помещиков согнать арендаторов с земли и заняться ведением хозяйства силами наемной рабочей силы. В 1943 г. был принят закон, согласно которому сельские общества и кооперативы сливались в сельскохозяйственные ассоциации (ногёкай). Во главе всех ассоциаций разного уровня стояла центральная ассоциация. На практике эти организации превратились в правительственные органы.

К концу войны главным нерешенным вопросом, как и прежде, оставался земельный вопрос. В 1944 г. в собственно Японии (без Хоккайдо) доля

---

[1] *Норман Г.* Возникновение современного государства в Японии. М., 1961, с. 103.
[2] Там же, с. 109.
[3] Там же, с. 113.

арендаторских и полуарендаторских хозяйств составляла 68,2% всех хозяйств[4].

Военное поражение Японии оказало огромное влияние на все стороны политической и экономической жизни страны – и не в последнюю очередь на аграрную проблему. Среди послевоенных демократических преобразований земельная реформа занимала одно из первых мест. В специальном выпуске «Япония в переходный период», посвященном столетию Мэйдзи исин, подчеркивалось: «Особенно важными были земельные реформы. До второй мировой войны замедленные темпы роста сельского хозяйства были главной проблемой, и было установлено, что причина лежала не в технических, а в структурных пороках»[5].

В условиях послевоенного развала экономики продовольственное положение в стране было весьма тяжелым. Сельскохозяйственное производство находилось в упадке. Ощущался недостаток удобрений, сельскохозяйственных орудий и других необходимых промышленных товаров. Население деревни увеличивалось за счет демобилизованных, репатриантов, городских переселенцев, потерявших работу, а иногда и жилье. Инфляция была выгодна наиболее зажиточной части деревенских жителей: помещикам, ростовщикам, верхушке крестьянства, т.е. тем, кто обладал значительным количеством риса. Положение бедняков и середняков ухудшилось. Рост цен на удобрения, промышленные товары, на все предметы домашнего обихода и инвентарь, необходимый для ведения хозяйства, превысил рост цен на продукцию сельского хозяйства, особенно на продовольствие[6].

В такой ситуации в стране развернулась борьба крестьянства, ставшая частью демократического движения. Создавались и крепли крестьянские организации. Известный специалист в области аграрного вопроса проф. Ясуо Кондо писал: «После военного поражения крестьянское движение охватило всю страну. Контроль военных лет, который повсеместно сковывал все стороны жизни и производства, разложение и злоупотребления военщины, бюрократии и боссов всех сортов, в течение долгих лет возбуждали негодование нации. Военное поражение дало выход этому негодованию. От пассивного сопротивления, заключавшегося в игнорировании правил о контроле, народ перешел к требованиям передачи ему земель, использовавшихся для военных целей, и их рационального распределения, осуществления поставок и нормированного распределения демократическими методами, демократизации деревенских управ и сельскохозяйственных ассоциаций, а также к критике различных институтов военного времени»[7].

---

[4] *Ямадзаки Х.* Ноти кайкаку то Нихон ногё. Токио, 1957, с. 102.
[5] Japan in Transition. 1957, с. 102. Ministry of Foreign Affairs; Japan, 1968, с. 79.
[6] См.: Oriental Economist. 21.09.1946.
[7] Тюо корон. 1954, декабрь, с. 282.

Самым острым вопросом в деревне был земельный вопрос. Уже к концу войны из-за падения реальной арендной платы помещики пытались отбирать землю у арендаторов. После окончания войны в связи с требованиями демократических сил провести коренную земельную реформу сгон с земли арендаторов усилился. Появление в средствах массовой информации сведений о подготовке земельной реформы вызвало активизацию попыток помещиков закрепить за собой землю. Число арендных конфликтов, возникших на этой почве возросло с 1267 за первые семь с половиной месяцев 1945 г. до 3904 за последние месяцы того же года[8]; в 1946 г. оно составило уже 35 499[9].

Японские правители понимали необходимость проведения определенных преобразований в аграрной сфере. Так, премьер-министр Нарухико Хигасикуни за несколько дней до капитуляции, 28 августа 1945 г., сделал заявление о готовности правительства провести земельную реформу. Суть ее сводилась к освоению необрабатываемой земли, а также земель, использовавшихся в военных целях, и к некоторому перераспределению части обрабатываемой земли[10].

Уже после капитуляции Японии, в октябре 1945 г., главнокомандующий оккупационными силами генерал Макартур в беседе с новым премьер-министром Кидзюро Сидэхара указал на необходимость проведения земельной реформы. В том же месяце, когда позиция оккупационных властей в отношении характера реформирования японской земельной системы еще не прояснилась, под руководством министра сельского и лесного хозяйства Кэндзо Мацумура администрация министерства ускоренными темпами к 16 ноября 1945 г. разработала свой проект земельной реформы[11]. В нем предусматривалось проведение ряда ограниченных мер, которые не могли решить основные проблемы деревни. Так, предполагалось в течение пяти лет довести число хозяйств крестьян-собственников до такой величины, чтобы их собственная земля размером 1,5 млн. тё составила 58% площади арендной земли. Планировался выкуп всей земли у «отсутствующих помещиков» («фудзай динуси»), т.е. проживающих вне расположения их земли. У остальных помещиков земля сохранялась из расчета не более 3 тё на каждого члена семьи в среднем по стране, кроме Хоккайдо.

Выкуп должен был производиться в соответствии с результатами непосредственных переговоров между помещиком и арендатором при содействии местных земельных комитетов. (Впервые земельные комитеты появились в 1938 г., члены их назначались деревенской администрацией.) В проекте предлагалось перевести арендную плату с натуральной формы на де-

---

[8] *Jamaguchi Shinrokuro.* Same Aspects of Agrarian Reform in Japan. Tokyo, 1948, c. 98.
[9] Нихон ногё нэмпо. 1954 (возобновленное издание), т. 1, с. 15.
[10] Нихон ногё нэмпо. 1948, т. 1, с. 113.
[11] См. там же, с. 38.

нежную, установить верхний предел и контроль за ценами на землю. Вместо прежней системы назначения членов земельных комитетов планировалось проводить выборы по пять человек от помещиков, от крестьян-собственников и от арендаторов.

5 декабря 1945 г. проект был представлен на рассмотрение 89-й сессии парламента под названием «Законопроект о поправках к закону об упорядочении сельскохозяйственных земель», т.е. к упоминавшемуся выше закону 1938 г.

Парламент, избранный еще в апреле 1942 г., т.е. во время наивысших успехов Японии в Тихоокеанской войне, встретил враждебно даже этот куцый законопроект. Принятие его затягивалось. Это вызвало острую критику со стороны большинства представителей японской прессы.

Когда выяснилось, что парламент не только затягивает принятие закона, но и стремится внести в законопроект еще более ухудшавшие его поправки, штаб Макартура 9 декабря 1945 г. издал меморандум относительно земельной реформы. Этот меморандум впоследствии получил название «директива об освобождении крестьян»[12]. В основном она сыграла положительную роль, хотя окончательно вопрос был решен позже Союзным советом для Японии. Известный интерес представляет атмосфера, в которой готовилась эта директива. В книге известного американского журналиста Марка Гейна «Японский дневник», побывавшего в Японии вскоре после капитуляции, рассказывается как в секции сельского и лесного хозяйства штаба составлялся проект директивы. В частности, он пишет, что она «была полна удобных для цитирования штампов – таких, как «человеческое достоинство», «век феодального гнета», «экономическое рабство», «плоды своего труда». Однако офицеры, которые разрабатывали ее, знали, что эти штампы возымеют на японцев электризующее действие»[13].

В то же время американцы серьезно отнеслись к аграрной проблеме. Этим вопросом и земельной реформой, в частности, занимались такие высококвалифицированные специалисты, как Вольф Ладыженский, Роберт Фиари, Эндрю Грэд, Лоуренс Хьюз, прибывшие специально из США. Они глубоко разбирались в положении дел в японской деревне, ясно представляли и формулировали цели реформы.

Директива предписывала представить к 15 марта 1946 г. проект земельной реформы. Она ускорила прохождение закона через парламент, хотя там в правительственный проект были внесены существенные поправки в пользу помещиков. Например, допускалась «в порядке исключения» натуральная форма арендной платы, повышалась норма перевода платы с натураль-

---

[12] Текст этого меморандума на английском и японском языках см.: Ноти кайкаку тэммацу гайё (Обстоятельства проведения земельной реформы). 1951, с. 111-112.

[13] *Гейн М.* Японский дневник. М., 1951, с. 54-55.

ной формы на денежную, в городские поселковые и деревенские земельные комитеты добавлялось по три назначаемых «нейтральных члена»[14].

18 декабря 1945 г. Закон о поправках к Закону об упорядочении сельскохозяйственных земель был принят парламентом, 29 декабря опубликован, а 1 февраля 1946 г. должен был вступить в силу. Впоследствии он получил название «Закон о первой земельной реформе». По существу, этот закон оставлял помещичье землевладение почти нетронутым. В нем было много лазеек, которые могли быть использованы помещиками в своих интересах. Фактически в той или иной мере затрагивались интересы отсутствующих помещиков[15].

Закон был встречен крестьянством враждебно. 12 декабря 1945 г., когда он еще обсуждался в парламенте, подготовительный комитет по созданию Японского крестьянского союза (Нитино) принял резолюцию, в которой резко критиковался проект закона. Учредительный съезд Нитино, состоявшийся 9 февраля 1946 г., также резко осудил Закон о первой земельной реформе. В стране все шире развертывалось крестьянское движение, главным направлением которого была борьба за последовательную и эффективную земельную реформу; а также против принудительных поставок. В 1946 г. число арендных конфликтов по официальным данным достигло 35 499[16]. Сопротивление сгону с земли было одной из причин того, что первая земельная реформа так и не была проведена в жизнь.

В такой обстановке 29 мая 1946 г. в Союзном совете для Японии состоялось обсуждение представленного 15 марта 1946 г. правительственного проекта реформы (т.е. по существу принятого парламентом закона). Джордж Сетчесон, заместитель председателя совета Макартура, наряду с критикой проекта, подчеркнул, что он является шагом в сторону демократизации японской деревни[17].

Представитель от СССР одновременно с резкой критикой японского проекта представил конкретный, гораздо более радикальный проект реформы. Основу советского проекта составляло отчуждение всей земли, сдававшейся в аренду, а также излишек земли у «обрабатывающих» помещиков и последующая продажа всех этих земель малоземельным и безземельным крестьянам. Проект содержал также и другие положения, коренным образом отличавшиеся от условий правительственного проекта[18].

Австралиец Макмагон Болл, представлявший в совете Соединенное королевство, Австралию, Новую Зеландию и Индию, внес свой проект зе-

[14] Нихон ногё нэмпо. 1948, т. 1, с. 39.
[15] Подробно о первой земельной реформе см. Ноти кайкаку тэммацу гайё, с. 102-120.
[16] Нихон ногё нэмпо. 1954 (возобновленное издание), т. 1, с. 15.
[17] Дзидзи нэнкан 1947, с. 242.
[18] См.: Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР (апрель 1946 – январь 1949 гг.). М., 1949, с. 13.

мельной реформы (менее радикальный, чем советский), который и был принят с некоторыми поправками на заседании совета 17 июня 1946 г.

Японское правительство, руководствуясь английским проектом, в тесном контакте с сотрудниками штаба Макартура разработало «Положение о завершении реформы земельной системы», которое было утверждено на заседании кабинета 26 июля 1946 г. На основе положения министерство сельского и лесного хозяйства подготовило проект закона об особых мерах по созданию хозяйств крестьян-собственников, а также проект вторичного пересмотра Закона об упорядочении сельскохозяйственных земель 1938 г. 14 августа штаб Макартура официально утвердил проект второй земельной реформы. Оба законопроекта были внесены на обсуждение 90-й, чрезвычайной сессии парламента. (Новый состав парламента был избран 10 апреля 1946 г.) 21 октября 1946 г. оба законопроекта без поправок были приняты парламентом.

Законодательство о земельной реформе, которое принято называть Законом о второй земельной реформе, состоит из двух законов. Первый – Закон о поправках к закону об упорядочении сельскохозяйственных земель, в который были внесены сначала поправки в декабре 1945 г. и окончательно в октябре 1946 г.; второй – трансформированный Закон об особых мерах по созданию хозяйств крестьян-собственников 1926 г.[19].

Земельный фонд реформы складывался из земель, выкупленных правительством у так называемых «отсутствующих» помещиков, у помещиков, владевших землей, размеры которой превышали установленный предел, но не занимавшихся своим хозяйством, а также у «обрабатывающих» помещиков, у которых размер земли превышал положенную норму. По ориентировочным подсчетам фонд должен был получить 2200 тыс. тё (1 тё= 0,992 га земли), однако практически этого не произошло, так как существовал ряд оговорок в пользу помещиков. Например, А. Грэд писал о хозяйствах, в которых обрабатывалось более 3 тё (кроме Хоккайдо): «Вероятно, очень немногие из них затрагиваются новым пределом в 3 тё, потому что то или другое исключение из упомянутых выше применяется к ним»[20].

Важным преимуществом Закона о второй земельной реформе по сравнению с первым было то, что размер допустимого землевладения устанавливался на семью, а не на члена семьи.

Государство выкупало землю у помещика и затем продавало ее арендаторам (которые пользовались преимущественным правом на покупку земли). За исходную базу определения цены был взят уровень цен на 18 сентября 1939 г., как это было предусмотрено Чрезвычайным указом о контроле над ценами на землю от 1941 г., и внесена поправка с учетом повышения общего уровня «твердых» цен.

---

[19] Текст законов см.: Oriental Economist. 09.11.1946.

[20] Pacific Affairs. 1948, Juny, p. 126.

Арендаторы при покупке земли должны были платить в среднем по стране 757 иен 67 сэн за 1 тан (0,1 тё) поливного поля и 446 иен 98 сэн за 1 тан суходольной земли. Арендатор должен был выплатить всю сумму с учетом 3,2% годовых в течение 24 лет. Помещик при выкупе у него земли получал, кроме этой цены, еще дополнительно 130 иен за тан рисового поля и 130 иен за тан суходольной земли. Эта компенсация распространялась в собственно Японии в среднем на землю до 3 тё, на Хоккайдо – до 12 тё. Помещики получали выкуп наличными (до 4 тыс. иен), остальное в виде государственных земельных облигаций, оплачиваемых в течение 24 лет, плюс 3,65% годовых.

Следует заметить, что вследствие инфляции выкуп земли не стал для крестьян тяжелым бременем. Фактически они погасили задолженность в течение нескольких лет.

Большое место в законе уделено арендным отношениям. Устанавливалась только денежная форма оплаты в размере не более 25% стоимости урожая для поливных полей и не более 15% – для суходольных. При переходе земли в пользование помещика следовало принимать во внимание такие обстоятельства, как наличие у него необходимого инвентаря и степень вероятности, что в его хозяйстве урожай будет более высоким по сравнению с урожаем, получаемым арендатором.

Осуществление реформы началось с выборов в декабре 1946 г. земельных комитетов, на плечи которых было возложено проведение реформы. В силу разных причин в состав местных комитетов вошло немало ставленников помещиков. В 1947–1948 гг. около 40% всех председателей комитетов были из числа помещиков, около 35% – из крестьян-собственников и только 25% – из арендаторов[21]. Большую роль играли секретари комитетов, большинство которых до этого вообще не было связано с сельским хозяйством. Газета «Ниппон таймс» писала: «Некоторые из местных земельных комитетов, попавшие под контроль радикальных элементов, добились успехов. Остальные местные комитеты продолжали находиться под влиянием крупных помещиков и препятствовали осуществлению программы реформы»[22]. Автор книги «Земельная реформа в Японии» Р. Дор так оценил соотношение социальных сил в деревне: «Арендаторы, несмотря на то что в комитетах было пять их представителей, а от помещиков – три и от крестьян-собственников – два, часто находились в невыгодном положении. Помещики, в общем, имели лучшее образование, многие из них старше по возрасту (51% помещиков и только 39% арендаторов из числа избранных в комитеты были старше 50 лет), и, помимо обладания престижем старшин-

[21] Ноти кайкаку тэммацу гайё, с. 514.
[22] Nippon Times. 10.05.1949.

ства, помещики были традиционно правящим классом в деревне. Более того, у них было больше свободного времени»[23].

Естественно, что в такой обстановке проведение реформы сопровождалось социальной борьбой. Особенно острой она была между помещиками и арендаторами. Основную массу арендаторов составляли бедняки; среди арендаторов много было и середняков, немного – зажиточных крестьян-полуарендаторов, имевших свою землю и приарендовывавших какое-то количество земли. Лишь небольшая часть крестьянской верхушки была не на стороне борющегося крестьянства.

Можно сказать, что задачей крестьянского движения была борьба против феодальных пережитков. Благодаря позиции демократических сил, действиям оккупационных властей и правительства Японии было обеспечено проведение земельной реформы, что в конечном счете решило судьбу класса помещиков, хотя, конечно, имели место многочисленные попытки со стороны последних сорвать реформу.

Обратимся к результатам реформы. Выше говорилось, что земельный фонд реформы был оценен ориентировочно в 2200 тыс. тё. На самом деле, как это видно из прилагаемой ниже таблицы 1, изменение формы собственности коснулось меньшего количества земли – 1933 тыс. тё. Это произошло в связи с тем, что некоторым помещикам удалось перейти в другую социальную группу – в ряды сельской буржуазии и зажиточных крестьян, т.е. лиц, ведущих свое хозяйство.

Таблица 1

Земельный фонд реформы (на 1 августа 1950 г.), тё*

Категория земель	Поливная земля	Суходольная земля	Всего
Выкупленная у частных землевладельцев и юридических лиц,	991 869,5	750 085,1	1 741 954,6
в том числе:			
арендная	976 388,5	728 545,1	1 704 933,6
собственная обрабатываемая	12 222,7	13 736,1	25 958,8
необрабатываемая	3 958,3	7 803,9	11 062,2
Перешедшая в фонд помимо выкупа,	144 706,2	46 348,6	191 054,8
в том числе:			
императорская	279,8	2 623,6	2 903,4
изъятая в счет поимущественного налога	141 451,3	25 248,3	166 699,6
земля, прежде использовавшаяся для военных целей	592,1	5 163,8	5 755,9
Прочая	2 383,0	13 312,9	15 695,9
Итого	1 136 575,7	796 433,7	1 933 009,4

* Норин токэй тёса. 1956, № 2, с. 16.

[23] *Dore R..P.* Land Reform in Japan. L., 1953, p. 159.

В землевладении произошли серьезные изменения. Как следует из таблицы 2, с 1935 по 1949 г. выросло число землевладельцев, имеющих менее 3 тё, и значительно сократилось число землевладельцев, имеющих свыше 3 тё. Если сравнить численность хозяйств собственников и арендаторов до реформы и после нее, то четко прослеживается процесс роста числа и доли хозяйств, обрабатывающих собственную землю, и соответственно снижения этих показателей для хозяйств арендаторов. Так, с 1946 по 1950 г. число хозяйств, работающих на собственной земле, увеличилось с 1869 тыс. до 3822 тыс., а их доля выросла с 32,8 до 61,8%[24].

Таблица 2

Изменения в структуре владения обрабатываемой землей

1935 г.*					1949 г.**			
Размеры землевладений, тё	Число землевладельцев		Всего земли		Число землевладельцев		Всего земли	
	тыс. человек	%	Тыс. тё	%	Тыс. человек	%	Тыс. тё	%
Менее 0,5	2555	49,6	923	15,5	2825	49,2	706	13,8
0,5 – 1,0	1304	25,3	991	16,6	1475	25,7	1106	21,7
1,0 – 3,0	906	17,6	1423	23,8	1366	23,7	2710	53,3
3,0 – 5,0	221	4,3	842	14,1	50	0,8	200	4,0
Свыше 5,0	160	3,1	1790	30,0	33	0,6	369	7,2
Итого	5146	100,0	5969	100,0	5749	100,0	5091	100,0

* Ноти кайкаку тэммацу тайё 1951, с. 598-599.
** Ногё кёдо кумиай нэнкан. 1951, с. 277.

В хозяйствах «собственников» принадлежащая им земля составляет свыше 90% обрабатываемой ими земли; «собственников-арендаторов» – от 50 до 90%; «арендаторов-собственников» – от 10 до 50%, «арендаторов» – менее 10%.

Данные, приведенные в таблице 3, позволяют проследить процесс роста числа и доли хозяйств, обрабатывающих собственную землю, и соответственно снижения этих показателей для хозяйств арендаторов. Суммарное число хозяйств, работающих на собственной и в основном на собственной земле, выросло с 1946 по 1950 г. (т.е. в годы земельной реформы) с 2996 тыс. до 5417 тыс., а их доля – с 52,6 до 87,6%. Число арендаторов-собственников и арендаторов снизилось с 2698 тыс. в 1946 г. до 723 тыс. в 1950 г., а доля таких хозяйств – соответственно с 47,3 до 11,8%.

[24] Покэтто норинсуйсан токэй. 1965, с. 89.

Таблица 3

Хозяйства на собственной и арендуемой земле*

Год переписи	Всего хозяйств		Собственники		Собственники-арендаторы		Арендаторы-собственники		Арендаторы		Прочие	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
1946	5698	100	1869	32,8	1127	19,8	1061	18,6	1637	28,7	3	0,1
1950	6176	100	3822	61,8	1591	25,8	411	6,7	312	5,1	41	0,7
1960	6057	100	4552	75,2	1090	18,0	219	3,6	178	2,9	18	0,7
1970	5342	100	4241	79,4	852	15,9	150	2,8	85	1,6	13	0,2

* Покэтто норинсуйсан токэй. 1965, с. 89; 1969.

Одним из существенных результатов реформы было весьма заметное снижение арендной платы. В 1950 г. она реально составляла 4% стоимости урожая, оцененного по твердым закупочным ценам[25].

В ходе реформы, носившей в основном положительный характер, наблюдались и многочисленные нарушения закона со стороны консервативных сил, в первую очередь помещиков. К таковым следует отнести раздел земли между родственниками, сгон арендаторов с земли, сделки с членами земельных комитетов, наличие «скрытых полей» и многое другое[26].

Годы реформы совпали с годами тяжелой экономической ситуации в стране. Но и в этой обстановке земельная реформа вместе с другими демократическими преобразованиями привела в целом к положительным результатам и значительно расширила потенциал аграрного сектора. Резко сократилось отвлечение средств в виде арендной платы от возможных вложений в хозяйство. До войны в хозяйстве оставалось 80% сельскохозяйственного чистого дохода. 20% уходили на арендную плату, на выплаты процентов по задолженности и на заработную плату наемным работникам. В 1950–1951 гг. в хозяйстве оставалось 97%[27].

В ходе реформы были проведены мероприятия по уменьшению чересполосицы. Что касается помещиков, то многие из них приспособились к новым условиям, занявшись деятельностью вне сельского хозяйства в та-

[25] Outline of Agricultural Land Reform. 1952, p. 36.

[26] Выражение «скрытые поля» («какусида») получило особенно широкое распространение после окончания войны, когда многие землевладельцы старались скрыть истинные размеры своей земли, чтобы уменьшить размер выполнения обязательных поставок и налогов.

[27] Agricultural Development in Modern Japan. 1963, p. 70-71.

ких отраслях, как ростовщичество, торговля, промышленное предпринимательство, работа в качестве директоров компаний, чиновников, адвокатов и др.

Реформа привела хотя и к замедленному, но заметному и важному изменению социальной структуры и традиционных взаимоотношений в деревне. До войны деревня была средоточием социального неравенства и предрассудков. Любые действия ее жителей находились под строгим контролем деревенской верхушки, ядро которой составляли помещики. Как правило, их поддерживали деревенские управы и полиция. Существовавшие до и во время войны сельские организации и кооперативы проводили в основном правительственную политику и контролировались теми же помещиками. И хотя предвоенные меры, основой которых было усиление государственного контроля, проводимого в ходе подготовки к большой войне, несколько ослабили влияние помещиков, в целом социальная структура укладывалась в рамки тоталитарного режима.

После войны, в годы реформы и после нее, была сильно ослаблена связка «помещик–арендатор», значительно усилена местная автономия и укреплено местное самоуправление, введено прогрессивное законодательство о сельскохозяйственной кооперации, создана сеть высокоэффективных кооперативов различного функционального назначения.

Земельная реформа оказала большое влияние на крестьянское движение. В 1946–1947 гг. наблюдался значительный подъем борьбы крестьянства за землю, за облегчение бремени обязательных поставок продовольствия и налогов. Но по мере проведения земельной реформы, а также некоторого улучшения экономической ситуации, которое стало заметным в 1949 г., происходил спад борьбы крестьянства. Первой и основной причиной этого спада была земельная реформа. Основная масса крестьянства поверила в нее. Большинство крестьян, получивших по реформе землю и выигравших от реформы и ее последствий, естественно, отошло от борьбы за землю. Их интересы в бо́льшей мере стали связаны с чисто экономическими, особенно ценовыми вопросами, такими, например, как соотношение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары. Появилась и такая острая проблема, как конкуренция со стороны продовольствия, ввозимого из США[28].

Спад борьбы крестьянства сопровождался ослаблением и расколом крестьянских организаций. Значительно сократилась численность как левых, так и правых крестьянских организаций. Изменился социальный состав их руководителей.

После завершения земельной реформы и обсуждения этого вопроса в штабе оккупационных войск и в парламенте правительство 11 сентября 1950 г. издало указ, который заменил прежнее законодательство о земель-

[28] Oriental Economist. 03.12.1949, p. 1178.

ной реформе. Согласно этому указу обрабатываемая земля, выкуп которой был оформлен до 30 июня 1950 г., приобреталась по ценам, установленным прежним законодательством о реформе; помещики, покинувшие деревню, где находилась их земля, после 30 июня 1950 г. считались «отсутствующими», сдаваемая ими в аренду земля подлежала выкупу. Излишки арендной земли выкупались также и у помещиков, не покидавших свою землю, арендная плата повышалась в 7 раз (до 600 иен за 1 тан), цены на землю фактически освобождались от контроля[29].

Значительное сокращение сдачи земли в аренду было одной из основных причин ликвидации полуфеодальных пережитков в деревне, усиления социального расслоения в самом крестьянстве. Крупный специалист в аграрном вопросе Сэйити Тобата писал: «Японских крестьян нельзя более классифицировать как единую категорию «класс крестьян», поскольку они стали занимать широкий диапазон на шкале экономического и социального строя общества. Масштабы их деятельности колеблются от обработки мелких участков земли площадью не более 3 тан до ведения современных механизированных хозяйств на земле, площадь которой превышает 5 тё. В то время как одни крестьяне не богаче поденных рабочих, другие ведут хозяйства в масштабах, сравнимых с капиталистическими промышленными предприятиями»[30].

В результате земельной реформы, а также других причин зажиточная верхушка пошла по пути предпринимательства, в том числе и в сфере сельского хозяйства.

Земельная реформа решила аграрную проблему как вопрос о средствах и методах ликвидации докапиталистических (полуфеодальных, т.е. переходных пережитков в деревне). Однако остались проблемы, связанные с существованием большого числа малоземельных мелкотоварных хозяйств. Существование мелкотоварного производителя стало труднорешаемой не только экономической, но и социальной проблемой. Резервы сельскохозяйственной, в первую очередь пахотной, земли в стране невелики. Большинство малоземельных хозяйств экономически неэффективно.

Жизнь показала, что скупка мелких участков земли – дело не легкое. Земельная собственность – надежный путь вложения денег. Для обрабатываемой земли это особенно верно. Мобилизация земли, т.е. форсированный переход ее в руки крупных хозяев-производителей превратится в серьезную социальную проблему, так как при этом встанет вопрос: а что будет с теми мелкими производителями, которых тем или иным способом лишают земли?

В целом успешное проведение земельной реформы положило начало развитию японской деревни по новому пути, на котором основную роль

---

[29] Кэйдзай хакусё. 1954, с. 212.

[30] Contemporary Japan. 1955, № 7-9, p. 573.

играют экономические и социальные факторы. Внедрение высокопроизводительной малогабаритной сельскохозяйственной техники и передовой технологии позволяет выполнять необходимые работы при меньшей затрате рабочей силы. В большинстве мелких хозяйств земля обрабатывается членами семьи, постоянно работающими в городе и приезжающими в деревню на выходные дни. Однако коэффициент использования самой техники очень низкий из-за небольших размеров земли. Техника простаивает очень большое время.

Задача укрупнения хозяйств является одной из самых серьезных проблем японской деревни. Существует несколько вариантов ее решения. По существу, есть два пути. Это – «мобилизация землю» или создание каких-то разновидностей кооперированных хозяйств. Использование принудительных мер практически исключено. Чисто экономический фактор также малоэффективен, так как мелкие хозяйства, несмотря на слабость их экономических показателей, очень стойкие в силу ряда обстоятельств.

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Цветова И.А. К стабильному правлению через коалиционную политику 5
Сенаторов А.И. Профсоюзы и время. Заметки к десятилетию Японской конфедерации профсоюзов 34
Молодякова Э.В. Потенциал правящей элиты 49

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Тимонина И.Л. Общественный капитал: ликвидация диспропорций в японской экономике 69
Лебедева И.П. Финансовые проблемы малого бизнеса в Японии 92
Маркарьян С.Б. Земельный вопрос в Японии 111
Денисов Ю.Д. Наука и экономическое развитие 132
Корнилов М.Я. Система органов управления научными исследованиями в Японии 147

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Тихоцкая И.С. Социальное обеспечение в Японии в преддверии XXI в. 159
Железняк О.Н. «Вхождение во внешний мир» (Деятельность Японского фонда и его представительств за рубежом) 180
Герасимова М.П. Легенды и быль Удзи 192
Лещенко Н.Ф. Система образования и воспитания в эпоху Токугава (1603–1867) 203

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Молодяков В.Э. Тосио Сиратори и Антикоминтерновский пакт Японии и Германии: страницы истории 215
Черевко К.Е. Вопросы экономических отношений между СССР и Японией в 1943 –1944 гг. 234
Попов В.А. Послевоенная земельная реформа в Японии 244

Научное издание

Япония 1999–2000

Ежегодник

Редактор Н.П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
Москва, ул. Рождественка, д. 12

ИД № 00510 от 01.12.99

Подписано в печать 16.06.2000 Формат $60\times90^{1}/_{16}$
Печать офсетная Бумага офс. № 1
Печ. л. 16,25 Тираж 500 экз. Заказ 5066

ООО "МАКС–Пресс"
107066, г. Москва, Елоховский пр., д. 3, стр. 2

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554–21–86